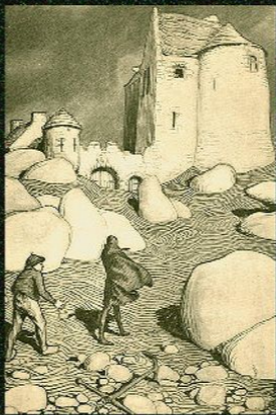

[Polaris]

Е. БАЛОБАНОВА

ЛЕГЕНДЫ

о старинных замках

Бретани

Екатерина Вячеславовна Балобанова

Легенды о старинных замках Бретани

В книгу вошли романтические народные легенды, собранные писательницей, знатоком кельтского языка и литературы Е. В. Балобановой (1847–1927) во время путешествия по Бретани в конце XIX в. До революции эти зачастую мрачные и фаталистические предания и фантазии, проникнутые глубоким религиозным чувством, выдержали в обработке Балабановой два издания, второе из которых было иллюстрировано виднейшим графиком Е. Лансере.

Содержание

[Предисловие]	.0007
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЛОДКА	.0014
БАБУШКИН ДОМ	.0030
ЦАРИЦА БУРЬ	.0052
ДВИЖУЩИЕСЯ РАЗВАЛИНЫ	.0067
ЗАМОК КОРВЕННЕК	.0079
ЛО-КРИСТ	.0093
СРОСШИЕСЯ ДЕРЕВЬЯ	.0109
ЗАМКОВЫЙ ОСТРОВ	.0119
КРОВАВЫЙ БАРОН	.0129
СОКОЛ	.0150
КИПАРИС	.0162
ДВА БРАТА	.0176
ТАИНСТВЕННЫЙ ЗАМОК	.0190
КОЛОКОЛ	.0202
СТАРИК	.0211
КРАСНАЯ ПРИНЦЕССА	.0222
ГУГЕНОТ	.0239
ХРОМОЙ ПЕВЕЦ	.0269
ВЕТКА ГИАЦИНТА	.0279
СТАРЫЙ ДЕД (Tadic-Coz)	.0292
ГОЛУБОЙ ЦВЕТОК НАДЕЖДЫ	.0302
Об авторе	.0315

Екатерина Балобанова
ЛЕГЕНДЫ О СТАРИННЫХ
ЗАМКАХ БРЕТАНИ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLVI

Salamandra P.V.V.

**Екатерина
БАЛОБАНОВА**

**ЛЕГЕНДЫ
О СТАРИННЫХ
ЗАМКАХ БРЕТАНИ**

Илл. Е. Лансере

Salamandra P.V.V.

Е. ВАЛОВАНОВОЙ

ЛЕГЕНДЫ

ЗАМКАХЪ БРЕТАНИ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографъ В. П. Остроумова (Надеждинск. 45).

1888.

[Предисловие]

Несколько лет тому назад мне удалось месяца три пробродить пешком по Бретани и записать со слов встреченных мною «рассказчиков и рассказчиц» довольно много поэтических преданий, приуроченных к разрушенным замкам и старым домам; некоторые из них я и решила издать по-русски для любителей поэтических народных произведений.

Существует немало сборников бретонских легенд, сказок и баллад, переведенных на французский язык; но все эти сборники пред-

ставляют собой более или менее сырой материал, недоступный в большинстве случаев неспециалистам по фольклору, так как в них только путем долгих разысканий можно найти действительно поэтические вещи. Из такого рода научных сборников можно выделить составленный *ле Бразом*, — «Легенда Смерти в Нижней Бретани»[1], глубоко прочувствованный разбор которого сделан в прошлом году *С. Ф. Ольденбургом* (Журн. минист. н. просв., февр. 1894). Но и этот сборник есть как бы введение к изучению бретонской народной словесности и действительно дает мастерски расположенный, обширный и надежный материал, но не интересное чтение для обыкновенного читателя.

«Старая Бретань умирает; бретонские певцы исчезают: одни умирают со своей родиной, другие уже поют по-французски...» — говорит *С. Ф. Ольденбург*[2].

Однако есть уединенные уголки Бретани, где хотя и перевелся народный певец, но не перевелся еще народный рассказчик-«сказитель», которым всегда так славились эти кельтские страны, — Бретань и Ирландия.

Еще до сих пор или, по крайней мере, в недалеком прошлом, можно было встретить почти профессиональных рассказчиков, которых все знали и к которым направляли интересующихся этим делом.

Такой сказительницей, была, например, одна *Soeur Ggise* в Кимпере, с которой мы познакомились, к сожалению, уже незадолго до ее смерти. Она жила в маленьком домике или, лучше сказать, в маленьком садике на самом выезде из города, и своею обстановкою и своими страданиями напомнила нам героиню тургеневских «Живых мощей». Многие из передаваемых здесь легенд записаны мною с ее слов.

В маленькой деревушке в приходе Лонгруа мы прогостили несколько дней у другого такого рассказчика, — старика-садовника *Луи Беллека*, к которому сходилось и даже съезжалось множество народа, чтобы купить яблок, а главное, чтобы послушать его рассказы о старом времени.

Недалеко от *Mont-Noir*, проходя по старинному и очень красивому кладбищу, мы были привлечены пением, и, идя на голос, вскоре

увидали часовенку, всю в зелени и цветах, на пороге которой сидела маленькая горбунья и пела по-бретонски:

*«N'hen eus manu a vad'bors ar bed
Met caroud ha bezan caret»*

Т. е. «ничего нет лучше в мире, как любить и быть любимой».

Эта песня в устах бедной горбуньи показала нам очень трогательной и печальной, и мы, подойдя к девушке, попросили у нее позволения отдохнуть около нее; она сначала испугалась, но, узнав в нас двух иностранок, живших в соседней деревушке, успокоилась и стала весело болтать с нами. Она оказалась прекрасной сказительницей, и от нее мы узнали историю «Бабушкиного дома» и с ее слов записали несколько *sôn* и *gwerz'ev*, т. е. коротеньких песенок и столь характерных народных бретонских баллад.

Но я не могу ручаться в научном отношении за достоверность собранного таким образом материала, да и не желаю придавать своей работе никакого научного значения. Книжечка эта представляет собою сборник поэти-

ческих преданий, предназначенный для любителей народной поэзии, преданий, пересказанных мною свободно, не стесняя себя требованием точности, необходимой для научных целей, но часто портящей впечатление благодаря совершенно непоэтическим подробностям и частностям, вплетенным в действительно поэтический сюжет.

Разбирая сборник *ле Браза*, С. Ф. Ольденбург говорит: «Безусловная, ни в чем не сомневающаяся вера и глубокое примирение с неизбежным — вот суть бретонской души, которая умела слиться и сжиться с природою, оживив ее смертью».

Таким образом, сборник *ле Браза* объединен идеей уничтожения, это царство смерти, перед вами непрестанно мелькают «церковные своды, где в чаду кадил, при мерцании свечей, раздается вечная память; пришел конец, которому нет конца!»[3]

Сборник же легенд, собранных мною, хотя и носит тот же отпечаток бретонской души, — безусловной, ни в чем не сомневающейся веры и глубокого примирения с неизбежным, и хотя помещенные в нем предания

в большинстве случаев тоже относятся к смерти и воспоминаниям прошлого, но «не смерть в них царит, а кипит жизнь, все побеждающая новая жизнь!..» как говорится в одной из этих легенд[4], «развалины замка утопают в зелени, весной здесь поет соловей, зимой ветер рассказывает свои старые сказки. Память о прошлом встает из могил...»

«Годы быстро и незаметно, как летние тучки, проносятся над этими серыми ландами и темными развалинами...», говорится в другой легенде[5], «сгладят они понемногу все следы прошлого, но новая жизнь разовьется в этом царстве смерти, хотя нам и не суждено уже ее видеть».

Е. Балобанова

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЛОДКА

На самом берегу моря, в местности, называемой Reulven, т. е. «Каменная скала», находится один из самых древних замков Бретани.

В старые годы замок этот принадлежал очень гордому рыцарю, пожалуй, что самому гордому рыцарю на свете. Женился он тоже на гордой принцессе, настоящей принцессе королевского рода. Жили они на своей Каменной скале, как орел и орлица на высоком дубу, на горной вершине, редко спускаясь на землю и не входя ни в какие сношения со своими менее знатными соседями; низший же класс населения они и за людей не считали.

Вскоре родился у них сын, наследник их имени и родовой славы. Французский король приезжал на крестины, папский нунций сам совершал церемонию. Мальчик рос истинным сыном гордого рыцаря: в раннем детстве отказался он принимать пищу из рук служанки, а с семилетнего возраста не иначе показывался людям, как верхом и в сопровождении оруженосца. О детских играх и забавах не бы-

ло и речи, а если и случилось ему знакомиться с мальчиками-ровесниками своими, то всегда справлялся он об их родословной и проводил с ними время в замковом арсенале или в конюшнях.

Года через два после рождения сына, родились у гордого рыцаря две дочери: Мария и Анна-Роза. Торжественно звонили замковые колокола, извещая мир об этом важном событии. Французская королева была восприемницей, руанский епископ приезжал на крестины.

— Поддержат они славу своего рода, выйдя замуж за принцев королевской крови! — говорили все, бывшие при их крещении.

Радовался и гордый рыцарь, что родились у него дочери, а не сыновья, хотя в те времена появление на свет девочек не считалось большим счастьем: для поддержания блеска своего имени гордый рыцарь распродал понемногу большую часть своих владений и, хотя на долю старшему сыну его и оставалось еще немало земель, но при нескольких братьях не хватило бы средств наделить их всех, как прилично такому славному роду.

Но вот года через три, в одно прекрасное майское утро, когда вся природа улыбается и наряжается по-праздничному, родился у рыцаря и второй сын.

Не звонили радостно замковые колокола, извещая мир об этом событии; не приезжали ни французский король, ни французская королева на крестины, папский нунций не совершал церемонии, да и мальчик родился совсем не в славный род своего отца и не был похож на сына принцессы королевской крови: черненький, с огромной головой, с круглыми глазами и большим ртом, он скорее напоминал лягушонка, чем принца. С отвращением взглянул на него гордый рыцарь, а жена его сказала, что этот лягушонок не может считаться их сыном.

Название «Лягушонка» так и осталось за мальчиком, хотя старый замковый капеллан при крещении и назвал его христианским именем Рене.

Годы шли и сменяли друг друга, маленький лягушонок превращался в большого, неуклюжего, но сильного мальчика. Никто не заботился о нем, никто не ласкал его, но ни-

кто и не стеснял его ничем, и он привык бродить целые дни по морскому берегу, исчезал из замка на целые недели: то гостил он у какого-нибудь товарища на ферме, то уходил в море с рыбаками из Порт-Бланка или Лониона. У простых людей Рене всегда был желанным гостем, всюду любили его и ласкали.

Но вот умер гордый рыцарь и был похоронен в великолепном семейном склепе, а на другой день похорон принцесса отвезла бедного Лягушонка в монастырь и просила приучить его к суровой жизни и воспитать в полном отречении от мира.

Опасаясь, как бы свободолюбивый мальчик не убежал как-нибудь из монастыря, его заперли в мрачных подземельях на время, пока не привыкнет он к суровой жизни. Почти целый год томился он взаперти: весной доносились до него ароматы цветов, напоминавшие ему его любимые леса; летом с тоской вспоминал он морской берег, озаренный ярким солнцем, и синее море, отражавшее стены и башни его родного замка, и тянуло его туда, на свободу, тянуло с неудержимой силой!

Лето сменилось осенью, и у бедного мальчика не стало больше терпения томиться в своей мрачной тюрьме.

Воспользовавшись тем, что забыли как-то запереть двери его подземелья, вышел он на воздух, вышел без мысли о бегстве, но вот пролетели над ним аисты и своим криком поманили его в даль, и тихо пошел он в ту сторону, куда летели они, и скоро скрылся в соседнем лесу.

Долго шел Рене, сам не зная куда; на ночь заходил он в какие-то деревни и бурги, и везде принимали и кормили мальчика-нищего: одних школяров бродило и побиралось тогда великое множество.

Через несколько дней увидал Рене светлую полосу на горизонте, — это было море у Порт-Бланка.

Здесь посчастливилось мальчику найти корабль, на который требовался юнга. Правда, корабль был ветхий и ненадежный, да и сам шкипер его пользовался недоброй славой, но зато не спрашивал он Рене ни о чем, и к рассвету следующего же дня были они уже в открытом море.

Вскоре в замок пришла весть о бегстве мальчика, а потом пришла весть и о том, куда он девался.

— Что же, пускай себе служит юнгой на корабле, — сказала жестокосердая принцесса, — если не хотел он слушаться своей матери.

— Очень рад! — сказал семнадцатилетний Гюльом, старший сын гордого рыцаря, — мальчишка, пожалуй, еще наделал бы много хлопот: эти монахи ужасные пролазы, и он мог явиться со временем и потребовать свою долю наследства.

— Бедный Рене! — сказали друг другу Мария и Анна-Роза и украдкой отерли слезы.

Прошло лет пять. Мало радости принесли эти годы обитателям замка! Гордый наследник рода холодно простился с матерью и сестрами и отправился ко двору французского короля. То и дело приходило от него приказание продать тот или другой замок, ту или другую часть владений покойного рыцаря. Известен был граф Гюльом, как необыкновенно искусный игрок в кости, да как любимец придворных дам, но как-то не доходило вестей о каких-нибудь доблестных подвигах или о при-

мерах его рыцарской чести.

Никакой принц королевской крови не являлся просить руки Марии или Анны-Розы. Все мрачнее и пустынное делался замок, все беднее и беднее становилась гордая принцесса.

Но вот, ровно через пять лет после бегства Рене, накануне Рождества, сидела гордая принцесса с дочерьми за поздним ужином. На море была очень сильная буря, ветер так и выл в трубах и пустынных залах замка.

Говорили о последнем распоряжении Гюльома продать соседнему бургу всю прилегавшую к нему землю.

— Я предвижу день, когда придется продать и этот замок! — сказала Мария.

— Я не переживу этого дня, — гордо возразила принцесса.

— Во всяком случае, мы с Анной-Розой решились покинуть замок, — продолжала Мария. — Пройдя наш парк, мы очутимся за оградой монастыря: девушкам нашего рода нет другого исхода. К счастью, сборы недолги и путь не длинен!

— А я все-таки хотела бы знать, где теперь

Рене! — вдруг прервала беседу Анна-Роза. — Я всегда думаю о нем в такую бурю и очень была бы рада узнать, что он не в море в нынешнюю ночь!

За молитвой в этот вечер она молилась за бедствующих на море.

После полуночи мать разбудила девушек; редко входила она к ним в комнату, и они очень испугались, увидя ее.

— Послушайте, дети мои, не доносятся ли до вас странные звуки?

Девушки встали и, несмотря на грохот бури, услышали мерные удары весел: «плик-плок, плик-плок» — ясно доносилось до них с моря.

— Отчего вы так встревожились, матушка? — спросила Мария. — Разве вы не узнали ударов весел? Это просто лодка идет к берегу.

— Да, но это необыкновенная лодка, — больше часа слушала я эти мерные удары, а лодка все идет, и шум ее весел не заглушается грохотом бури.

— Несомненно, что лодка идет к берегу! — утверждала Мария. — И теперь мне слышатся даже голоса!

Она распахнула окошко, едва справившись с сильным порывом ветра, удары весел стали сильнее, и можно было ясно различить грубые голоса и ругательства...

Но вдруг среди грубых мужских голосов и бретонской речи послышался тонкий молодой голос и слова «Adieu, mère!»[6] отчетливо прозвучали по-французски.

Все вздрогнули и побледнели. Мария выпустила из рук раму, и бешеный ветер мигом сорвал ее с петель и ворвался в комнату, задул свечу, а вместе с ним словно ворвались и те же звуки, мерные удары весел: «плик-плок, плик-плок...»

Когда все пришли в себя, старая кормилица принцессы подняла руку и печальным и торжественным голосом начала читать *De profundis*[7].

— Как тебе не стыдно пугать нас, Тулузана! — сказала Мария. — Поди-ка лучше, распорядись, чтобы в окнах башен зажгли огни: это, вероятно, идет сюда лодка с какого-нибудь погибающего корабля, и надо, чтобы они правили на наш свет: тут берег пологий и удобный для выхода; вели развести огонь в

кухне, чтобы несчастные нашли здесь теплую пищу.

Прошло полчаса, час, но никто не являлся в замок за помощью, и давно уже не было слышно ни ударов весел, ни голосов.

На другое утро старая Тулузана пошла расследовать дело, но не добилась толку: никто не слышал никаких голосов, никто не видал никакой лодки, а соседние рыбаки уверяли, что ночь была такая бурная, что они, опасаясь, как бы не унесло их снасти и лодки, не ложились спать всю ночь, несколько раз выходили на берег и ничего не заметили на море.

Корабль, на котором служил Рене, пропал без вести. Утром накануне Рождества рыбаки видели его недалеко от порта. Весь день стояли мгlistые сумерки, а к вечеру разыгралась такая буря, что трудно было выдержать и не такому старому судну. Но никто не видал момента крушения; пытался ли экипаж достичь берега в лодке, или корабль прямо пошел ко дну, осталось неизвестно.

Одно было несомненно, бедный Лягушонок лежал на дне морском. Каждому своя

судьба!

Через год в рождественскую ночь опять за поздним ужином сидела гордая принцесса с одной из своих дочерей.

Мария поступила так, как говорила: она прошла через парк и скрылась за оградой монастыря с тем, чтобы никогда уже не выходить оттуда. Последнюю рождественскую ночь проводила в замке и Анна-Роза: вскоре и она должна была последовать за сестрой.

Не успели они прочитать вечернюю молитву, как вдруг опять мерные удары весел «плик-плок, плик-плок» явственно донеслись до них среди ночной тишины... Анна-Роза отворила окно, и удары весел стали еще слышнее. На этот раз ночь была ясная и безмолвная, и молодая девушка решилась выйти на берег.

Луна светила так ярко, что можно было видеть все на далеком расстоянии, но ни лодки, ни корабля нигде не было; кроме утесов св. Гильды да Семи Островов, ничего не видала она, а между тем, мерные удары весел «плик-плок, плик-плок» явственно раздавались почти у самого берега, но ни голосов, ни говора

не было слышно.

Печально вернулась Анна-Роза в свою башню, ни слова не сказав матери о том, куда ходила.

Но гордая принцесса сама пошла к морю. Целый год думала она о своем сыне, не о том гордом, холодном красавце, что играл так искусно в кости при дворе французского короля, а о маленьком, широкоплечем, черноглазом Лягушонке-Рене, голос которого прозвучал ей в последний час его жизни в прошлую рождественскую ночь, прозвучал таким нежным прощаньем — «Adieu, mère!»

На побережье все было безмолвно. Даже море почти не плескалось у берега; тихо было в морской глубине, и только мерные удары весел «плик-плок, плик-плок» явственно раздавались в воздухе. Принцесса села на камень и стала слушать.

Между тем, поднялся туман, и все предметы на берегу приняли странные, диковинные очертания. Встала гордая принцесса, чтобы идти домой, но силы оставили ее: она едва-едва передвигала ноги, и влажный от сырости шлейф ее платья словно превратился в непомерно тяжелую гирю. Она опять села. Туман

все густел и густел, и все яснее и яснее вставал перед ней образ ее бедного заброшенного сына, покоящегося теперь на дне морском, а мерные удары весел явственно раздавались в воздухе.

Стала гордая принцесса молить о прощении Святую Матерь, Матерь Младенца, пришедшего в эту ночь на землю искупить грехи людей. Но, может быть, Святая Дева не преклонит слуха к мольбе одной лишь только грешницы из всех великих грешников мира, — к мольбе матери, из высокомерия и гордости бросившей на произвол судьбы своего сына.

А между тем, мерные удары весел все приближались и приближались к берегу.

Долго прислушивалась к этим звукам и Анна-Роза; но она не знала, что мать ее сидит на морском берегу одна со своими воспоминаниями: все, что посеяли в сердце ее высокомерие и гордость, все это разрослось в большое развесистое дерево, корнями своими придавившее ее бедное загубленное дитя, спящее теперь на дне морском.

Да, не знала Анна-Роза, что для ее матери

настал страшный час пробуждения! Долго сидела она у окна своей башни, прислушиваясь к доносившимся до нее мерным ударам весел.

Но вот налетел порыв ветра, один, другой, закипело сердитое море, и мгновению разразилась страшная буря. Многим будет она стоить жизни! Будет стоить она жизни и гордой принцессе, сидящей в оцепенении на берегу у самого моря.

Да, ничего этого не знала Анна-Роза, прислушиваясь к мерным ударам весел, заглушавшим даже грохот бури!

Но вот солнце взошло над умиротворенной землей, — буря стихла, и праздничное утро наступило спокойное и ясное.

Но в замке церковные колокола звонили печально: посреди церкви стоял катафалк, а на нем гроб, а в гробу том, в шелковом платье, убранном перьями, лежала женщина, — вчера еще такая гордая принцесса королевской крови. Все тихо и безмолвно кругом, но покойница лежит с напряженным лицом, точно прислушиваясь к мерным ударам весел...

Слышатся эти звуки и Анне-Розе, стоящей

в углу безмолвного храма, и кажется ей, что звуки эти все приближаются и приближаются.

Теперь замок принадлежит духовенству прихода Третье. Новые времена давно уже царят в этих когда-то мрачных покоях: везде обои покрыли сырые стены, а калориферы высушили плесень. Везде цветы, ковры, газовое освещение, никто не помнит старой истории этого замка: другие времена, другие и песни!

Но каждый год накануне Рождества, какая бы ни была погода, — бушует ли ветер, тихо ли, как зеркало, море, кто бы ни были обитатели замка: в полночь и далеко за полночь слышат они мерные удары весел, — «плик-плок, плик-плок», явственно доносится до них с моря.

БАБУШКИН ДОМ

На проселочной дороге, ведущей из деревушки Дино к Понт-Круа, стоит старинный, старинный дом с остроконечной черепичной крышей. Дому этому не менее трехсот лет; стоит он в большом цветущем саду и весь зарос розами, хмелем, лиловым гелиотропом, синими колокольчиками, белой повителью и другими вьющимися растениями, которые спутались, сплелись между собой и образовали вокруг него пеструю благоухающую стену. Вьются они все выше и выше, некоторые далее зацепились за железные оконные переплеты, словно стремясь заглянуть в комнаты, как лапастыющиеся внуки в глаза старой бабушке. Но непроницаемы эти, хотя и старческие, глаза: вместо стекол вставлена блестящая, но непрозрачная слюда, и заглянуть снаружи во внутренность дома нет возможности.

Дом этот исстари называется Бабушкиным домом, а за решеткой его сада, на старом, запущенном деревенском кладбище, виднеется могила самой бабушки.

Надпись на могильной плите почти совсем стерлась, да и немудрено: сто шестьдесят пять лет лежит она на бабушкиной могиле! Но за все эти сто шестьдесят пять лет не перестают цвести на ее могиле розы, красная и белая жимолость, душистый горошек, разноцветный левкой и другие цветы, превращая место вечного упокоения в роскошный цветник. Надписи же, право, не нужно... она может и совсем стереться, даже могильная плита может рассыпаться, а цветы будут продолжать цвести и благоухать, и их аромат все так же будет разносить по воздуху память о милой бабушке.

Рассказывают, что без малого триста лет тому назад дом этот принадлежал богатому бретонскому дворянину. Дворянин этот рано овдовел, и почти всю свою жизнь посвятил воспитанию своих двух дочерей.

Старшая дочь его вышла замуж, но вскоре муж ее был убит на войне, и она вернулась к отцу со своими тремя детьми.

Младшей дочери его минуло всего шестнадцать лет, когда сестра ее вернулась домой. Тереза, так звали ее, была необыкновенная

красавица с синими, как море, и с светлыми, как горный ручей, глазами; высокая, стройная, ловкая.

Местный старичок-священник приохотил ее к учению и к чтению Св. Писания, и большую часть своего времени она посвящала Богу и книгам.

Но вот ей минуло уже восемнадцать лет, а она все еще не была замужем. Много женихов было у этого «Менец-Хомского цветка», как звали ее по местности, где стоял дом. Целые толпы знатной и незнатной молодежи гостили у ее отца: в деревенской гостинице по воскресеньям толпится меньше народа, чем толпилось в их доме каждый Божий день. Отец Терезы принимал всех с честью — таков был обычай; но сама девушка редко сходила со своей башенки и всегда отвечала, что рано ей еще думать о замужестве.

— Тереза! — сказал ей однажды отец. — Я уже стар, и был бы очень счастлив видеть тебя пристроенной прежде, чем я лягу рядом с твоей матерью на нашем кладбище. Кто будет твоей опорой после моей смерти? Сыновья Луизы еще очень малы и сами нуждаются

в покровителе. Я думаю, что ты слишком горда и разборчива, и боюсь, как бы не пришлось тебе потом раскаиваться: еще вчера отказала ты самому богатому и могущественному из здешних вельмож, — графу Амьенскому.

— Что же делать, батюшка! Не могу я выйти замуж ни за кого из всех этих приезжающих свататься ко мне графов, баронов и дворян, — не по мысли они мне! Посмотри в церкви на святых: какие у них лица! Хоть бы один из моих женихов был похож на них!

— Что ты говоришь, Тереза! Опомнись! Ведь это святые угодники!

— Да, но они были же прежде людьми, все они жили на свете! Но они были чисты сердцем, возвышенны духом, и оттого лица у них такие хорошие. Посмотри на нашего старика-священника: какое лицо у него! А мои женихи — гордые, себялюбивые, полные греха люди! Зачем же я пойду за них? Муж должен направлять жену на путь спасения, а не увлекать ее в бездну греха!

Вздыхнул отец Терезы, но ничего не возразил ей.

Но вот в один холодный весенний день, ко-

гда вся семья сидела в зале у ярко пылавшего очага, вошел рыцарь, одетый во все белое, но без оружия; лицо его было прекрасно. По поклону и обращению видно было, что это очень знатный иноземный рыцарь, а может быть, даже и принц.

После обычных приветствий он подошел к Терезе и сказал ей:

— Я приехал издалека, чтобы просить вас стать моей женой; я вернусь через три дня за ответом.

Ничего не прибавил он больше, опять поклонился всему обществу и исчез.

— Ну, вот жених, который, по крайней мере, не похож на других! — сказал, улыбаясь, отец, но Тереза ничего не отвечала.

Через три дня весна уже была в полном разгаре, — все цвело и благоухало в саду. Через три же дня, час в час, вернулся и белый рыцарь и, подойдя к Терезе, спросил ее:

— Как же решили вы?

Она взяла его за руку, подвела к отцу и сказала ему:

— Отец, благослови нас! Я наконец нашла себе мужа по мысли.

Недели через две была сыграна и свадьба. Отец Терезы задумал было отпраздновать ее очень пышно: предполагался и турнир по старинной моде, и королевское шествие; пригласил он чуть ли не все знатное дворянство. Но никто не поехал на свадьбу, узнав, что со стороны жениха на ней будут лишь нищие да убогие со всего околотка.

— Что же делать! родные мои далеко, — пусть же гости эти будут мне за родных, — говорил жених.

Тереза согласилась с ним, священник тоже, ну, свадьба и обошлась без рыцарей, знати и всяких затей.

Молодые до осени остались жить у отца. Каждое утро муж Терезы вставал всех раньше в доме и уезжал на своей белой лошади, которую сам и седлал; возвращался он к ночи, и ничего не ел и не пил дома. Очень удивлялись этому все домашние, но, так как Тереза казалась необыкновенно счастливой, и все в доме необыкновенно удавалось и процветало, то никто ничего не говорил ей, а она целыми днями пела псалмы, сидя в саду за прялкой.

Однако же раз, уже под осень, сестра сказала ей:

— Послушай, Тереза, конечно, это не мое дело, — ты очень любишь своего мужа, и видно, что вы очень счастливы, но неужели он не может остаться с нами хотя бы на один день? Куда это он ездит?

— Милая сестрица, — ответила Тереза, — я сама этого не знаю!

— Почему же ты его не спросишь?

— Я несколько раз хотела спросить, но не осмеливалась!

— А я на твоём месте спросила бы!

Но Терезе не пришлось спрашивать: в тот же вечер муж сказал ей:

— Нам пора собираться домой, в мои владения, но знай, Тереза, что путь нам предстоит дальний и что придется тебе расстаться со своими родными надолго, если не навсегда.

— Что же делать! твой дом будет моим домом: жена следует всюду за своим мужем.

Нежно поцеловал ее белый рыцарь и сказал ей, чтобы она собиралась в дорогу, и что через три дня он вернется за нею; но просил ее не брать с собою никаких вещей: «Всего

вдоволь у меня в моих владениях, а в пути вещи — только помеха».

Как ни крепилась Тереза, но расстаться с отцом и сестрой было ей тяжело, и она не заметила, как пролетели эти три дня. Утром на четвертый день конь мужа уже стоял перед домом.

— Помни, Тереза, — сказал ей отец на прощанье, — когда бы ни захотела ты вернуться домой, дом этот принадлежит тебе: дети Луизы имеют свой собственный замок, дом же наш — твой и твоих детей.

— Благодарю, но я ведь долго не вернусь: мы едем в Испанию.

— Все равно, хотя бы вернулась ты через сто лет, ничего не изменится здесь для тебя.

— О, да! через сто лет она непременно вернется! — засмеялся ее муж. — Но если дом этот будет нашим домом, как говорите вы, то мы очень просим, чтобы в нем всегда, кто-нибудь жил, — продолжал он серьезно, — неприятно возвращаться в нежилое место.

— Охотно обещаем мы это, пока живы, — сказала Луиза, — но после нашей смерти, и особенно через сто лет, это уж не в нашей

власти.

— Не говори глупостей, Луиза! — заметил отец. — Отчего же не остаться жить в теткинском доме хоть кому-нибудь из твоих детей?

— Ну, а через сто лет это будет уж бабушкин дом! — пошутил муж Терезы.

На этом они и расстались. Белый рыцарь посадил свою жену перед собою на своего белого коня, и они тронулись в путь. Терезе показалось, что никогда не путешествовала она так удобно, как сидя на седле впереди своего мужа.

Вскоре повернули они на незнакомую тропинку, и родной дом совершенно скрылся из виду.

— Что это за странная дорога, по которой мы едем? — сказала Тереза. — Вероятно, ее проложили только на днях? я не видала ее никогда.

— О нет, это старая дорога! — отвечал ей муж.

Не успели проехать они и часа, по мнению Терезы, как уже наступила ночь, хотя по ее расчету было еще далеко до полудня. Но это была не темная ночь, а как будто отсутствие

и света, и мрака: все предметы были отчетливо видны, но в какой-то серой мгле.

— Отчего это так стемнело? — спросила она мужа.

— Потому что свет солнца не достигает сюда, моя дорогая!

Вскоре они повернули в сторону, и опять стало светло; тут выехали они на равнину, заросшую терниями, колючим кустарником, держидеревом и другими подобными растениями. Казалось, — коню их не выбраться отсюда, и их платье и ноги сильно пострадают от игл и шипов, со всех сторон обращенных к ним. Но конь бодро шел вперед: все растения словно расступались перед ним, и они подвигались вперед без всяких препятствий. Но позади них кусты снова сцепились, образуя плотную, непроницаемую стену.

— Тут начинается тернистый путь к спасению! — сказал ей муж.

— Муж должен вести жену по этому пути, милый мой, и с тобою я ничего не боюсь!

Они выехали из этой равнины, не пострадав нисколько от колючих растений. Дальше увидали они две горы, до такой степени высо-

кие, что вершины их были скрыты облаками. Левая гора была каменистая, совсем черная, блестящая, лишенная всякой растительности, а правая вся покрыта сверкающим снегом.

С ужасом заметила Тереза, что обе горы постепенно сходятся, а когда они сошлись, раздался такой гром и треск, что белый конь не удержался и на минуту упал на колени. Со всем стемнело от разлетевшихся во все стороны черных и белых камней, — то черные вороны, казалось, бились на воздухе с белыми голубями.

— Не беспокойся, милая! — сказал белый рыцарь жене. — Это завистники бьются друг с другом: желая погубить других, они сами погибают друг от друга. Нам они не страшны! — и он направил коня в узкий проход между горами и проехал благополучно. Затем поднялись они по довольно крутой тропинке на

высокое плоскогорье, и тут Тереза с удивлением увидела бушующее море: высокие, темные волны так и ходили по нему. «Не видно здесь ни лодки, ни судна, как же переправимся мы через воды?» — подумала Тереза. Но при их приближении буря утихла, и лошадь смело вступила в воду и переплыла море в несколько часов.

— Не бойся, милая моя! — сказал ей муж. — Это море людских страстей, — нам оно безопасно.

Переправившись на ту сторону, въехали они в совершенно бесплодные лайды, покрытые серыми кочками да валунами; изредка лишь кое-где пробивалась жалкая травка. На лайдах паслось огромное стадо, и Тереза никогда не видала таких тучных и красивых коров; казалось, лучшего пастбища им и не надо.

— Это лайды довольствующихся малым, — сказал муж Терезы, — довольных своей долей, хотя бы бедной и несчастной.

Проехав ландами, конь перепрыгнул через каменную ограду, и путешественники попали на великолепное зеленое поле, которому

не было видно ни конца, ни края; это было самое богатое на свете пастбище, с сочной, шелковой, благоухающей травой, но здесь паслось не более пятидесяти таких худых и тщедушных коров, каких Тереза никогда и вообразить себе не могла.

— Это поле скупых, — сказал ей муж, — голодных среди окружающего их богатства: берегут они его, лишая себя всего и забывая, что жизнь коротка и что за пределы земного они не могут взять с собой ни одной крошки.

Долго ехали они этим полем, наконец попали в большой густой лес. Всякие деревья были в этом лесу — и большие, и малые, и толстые, и тонкие; множество серых и черных птиц летало там, кружилось, металось, но ни одна не присаживалась ни на секунду ни на одну ветку.

— Посмотри на этих птиц, — сказал муж Терезы, — это погрязшие в земных помыслах. Слушая Слово Божие в церкви, они думают лишь о том, накормила ли служанка свиней, за сколько можно будет продать теленка; читая Библию, они думают лишь о том, чем питался народ Божий, какие были у евреев зако-

ны, оберегавшие их поля от потравы, сколько пени платили они за украденного быка. Мысли их не могут остановиться ни на чем вне этих хозяйственных и земных помыслов; они забывают, что не хлебом единым жив будет человек.

Проехав это место в лесу, Тереза увидела целую стаю белых птиц, и так пели они, что она попросила мужа приостановить коня, чтобы послушать их: никогда не слыхала она такого удивительного пения. Птицы эти сидели и летали на верхушках деревьев, совсем не спускаясь на землю.

— Эти птицы, вероятно, боятся нас и оттого не спускаются с вершины деревьев?

— О, нет, это отрекшиеся от мира: они проводили жизнь в уединении, не помышляя ни о чем земном, забывая о своих братьях, забывая, что «вера без дел мертва есть». Вот потому-то, летая высоко-высоко, они никогда не могут спуститься на землю.

Проехав лес, очутились путешественники у подножия высокой горы. Кругом них, казалось, был роскошный сад. Долго ехали они по густой розовой аллее, и доехали наконец до

прекрасной беседки из цветущей сирени; весь пол ее был устлан мягким зеленым мхом.

— Ну, милая Тереза, сойди с коня и отдохни пока в этой беседке! Я должен еще проехать на ту гору и скоро вернусь к тебе.

Послушалась Тереза, сошла с коня и простилась с мужем. Долго смотрела она ему вслед, пока поднимался он на гору, но, когда скрылся он из виду, ей вдруг так захотелось спать, что она сейчас же легла в беседке на мягкий мох и заснула.

— Милая Тереза, пора тебе проснуться! — ласково сказал ей, вернувшись к ней, муж.

— А разве я так долго спала, мой милый?

— Ровно сто лет.

Вскочила Тереза на ноги и во все глаза смотрела на своего мужа:

— Ты шутишь, милый?

— Посмотри на себя, дорогая моя! — сказал ей муж, подводя ее к светлому ручью, протекавшему у беседки. Взглянула Тереза и ахнула: ручей отразил прекрасное лицо старухи с белыми, как снег, волосами! Мелкие морщины оттеняли кроткое тонкое лицо ее, и толь-

ко глаза светились так же ярко, как и прежде.

— Ты огорчена переменой?

— Нисколько! я стала красивее, чем была в молодости.

— Старость всегда должна быть красивее, — она есть плод дерева; надо только, чтобы само дерево жизни было прекрасно, тогда и плод будет тоже прекрасен. Теперь ты должна вернуться домой на моем коне, я же сам не могу пока следовать за тобою, но и я приду, когда наступит пора, и тогда мы никогда уж больше не расстанемся с тобою.

— Я должна вернуться к отцу и к Луизе?

— Нет, отец твой и Луиза давно уже покинули тот мир.

— Зачем же вернусь я домой, когда там никого уже нет?

— Такова уж воля Божия! В Бабушкином доме живут теперь правнуки Луизы: они осиротели, и ты им нужна.

Простилась Тереза со своим мужем и села на его белого коня. Конь повез ее быстро-быстро по новой и совсем незнакомой дороге, и к полудню остановился у ограды старого дома. Не успела сойти Тереза с коня, как

он повернул назад и исчез уж из виду.

В Бабушкином доме все было по-старому, — правда, одна жизнь сменяла другую, но это было совсем незаметно: по-прежнему цвели там розы, теплый воздух был напоен ароматом клевера, левкоя, гелиотропа, жасмина и мяты. Деревья стояли нарядные, свежие в своей яркой зеленой одежде. В доме кружились, плясали и пели беззаботные дети, — было им весело, светло и тепло, и не понимали они своей печальной сиротской судьбы: никого не было около них; соседки приходили исполнять кое-какие домашние работы и кормить детей, а местный священник уже подумывал о том, куда бы девать бедных малюток.

— А вот я и приехала к вам, милые дети мои! — сказала Тереза. — Я ваша бабушка из Испании, слышали вы обо мне?

— Мы уж тебя ждали, ждали! — закричали дети, обнимая ее. — Все говорили нам, что только и осталось у нас родных, что одна бабушка в Испании, и мы так тебя ждали!

— Ну, вот и хорошо, что ждали, Господь и послал меня к вам; теперь будем вместе жить!

И весело же стало в Бабушкином доме! Бывало, сидит она под тенью старого каштана у ворот дома и так ласково и приветливо кивает всем проходящим. Делала она много добра и чужому народу; стекалось его к ней видимо-невидимо: кого лечила она, кого наставляла, кому помогала, и вокруг Бабушкиного дома, миль на пять, если не на десять, не стало бедняков, не стало и злых людей.

Бабушкины правнуки обожали старушку, да и как им было не любить ее! Чего-чего только ни знала бабушка, чего-чего только не рассказывала она им!

Бывало, идет она с ними по саду и говорит: «Вот посмотрите, детушки, на этот бук — ему четыреста с лишком лет!» — и сорвет бабушка листочек с этого бука и положит в свою старую с серебряными застешками книгу, а в воскресенье, после обедни, позовет детей, раскроет страницу, на которой положен был букочный листочек, и видят дети всю долгую жизнь этого дерева — они видят, как оно растет в лесу, потому что тогда еще не было тут ни сада, ни дома, а через лес едут благородные рыцари и дамы, развеваются перья на

шляпах дам, сидит на плече каждого рыцари по соколу, лают собаки, и все это останавливается около бука, и начинается охота. Затем идут мимо него рыцари, но уже без дам и соколов, все они в блестящем вооружении, со знаменами, с длинными копьями и с белой повязкой с черным крестом на руке. Смотрит дети, и воскресает перед ними вся старая-старая рыцарская история их родины.

А вот каштан — ровесник бабушке: ее отец посадил его в день ее рожденья. Бабушка сорвала листочек, и перед детьми прошла вся история их милого Бабушкиного дома.

А вот и липа, которую посадила сама бабушка у самой кладбищенской ограды, — ее листок показал детям стройную молодую девушку, а рядом с ней красавца в белой одежде: это бабушка со своим женихом, белым рыцарем. Как они оба счастливы и прекрасны! Падает бабушкина слеза на эту страницу, и оживает липовый листочек, и делается он зеленее и светлее всех своих братьев, что остались на ветвях липы.

А уж чего-чего не рассказывала бабушка о своем путешествии в чудную страну, где про-

спала она сто лет!

Время шло, и правнуки бабушки выросли мужественными, великодушными, преданными правде людьми, и стала собираться бабушка к своему мужу, исполнила она уже долг свой.

И вот в одно прекрасное весеннее утро бабушка не вышла уже в сад, а позвала к себе своих внуков и сказала им:

— Мой белый рыцарь приехал за мной, надо мне готовиться в путь!

Вышли внуки из комнаты бабушки и стали говорить между собою:

— Бабушка видела дурной сон, она очень слаба сегодня!

Но младшая внучка, голубоглазая Тереза, поверила, что белый рыцарь приехал за бабушкой, и осталась караулить ее, но, сидя у ее ног, заснула; и увидела она во сне белого рыцаря, который взял бабушку за руку, и бабушка стала такая молодая и прекрасная, как на своем портрете; вывел ее белый рыцарь через окно в сад, и поднялись они на воздух. Вскрикнула тут Тереза и проснулась. Бабушка же спала глубоким, но уже непробудным

СНОМ.

Бабушкина могила виднеется у самой ограды сада; на могиле растут белые маргаритки, розовый куст, левкой, иммортели. И чего только ни насадили внуки на могилу бабушки!

Старая липа, что посадила когда-то сама бабушка, перегнулась через ограду и, склонив ветви, смотрит на могилу своей подруги. В ветвях ее с весны до осени распевает свои песни соловей.

Сто шестьдесят пять лет прошло со времени смерти бабушки; все ее внуки давно полегли вокруг нее у ограды, но Бабушкин дом и сад существуют и поныне, как будто время, пролетая, тихо свертывает здесь свои крылья и стороной прокрадывается мимо.

В доме давно никто не живет, но всегда заботится о нем и о саде кто-нибудь из отдаленных потомков любимой бабушкиной внучки Терезы.

Случайно забредшему сюда путнику охотно покажут дом, он может пройтись по длинному залу с большим очагом посередине и по

целой анфиладе старинных покоев, увешанных портретами рыцарей в латах, дам в перьях и разных мужчин в красных кафтанах и женщин в узких платьях, — позднейших потомков этого рода.

Но никого не впускают в бабушкину комнату — в нее можно лишь заглянуть с порога; там стоит ее кресло и маленький столик со старинной книгой с серебряными застежками; тут же стоит и высокий деревянный подсвечник с недогоревшей толстой восковой свечой.

Против двери висит портрет бабушки, прекрасной молодой девушки с белыми цветами в руке, портрет этот словно улыбается со стены.

«Все на земле разрушается, рассыпается в прах, забывается!» — говорят люди, но это неправда: все прекрасное и доброе живет в воспоминании, и забвение не смеет коснуться его.

ЦАРИЦА БУРЬ

В море между Дуарнене и Порт-Бланком лежат знаменитые «Семь островов» с их старинными, нагроможденными друг на друга каменными глыбами, между которыми кое-где ютятся тощие и корявые сосны. В народе зовут эти острова «мостом св. Гильды». Вправо от них виднеются утесы, носящие то же имя.

Недалеко от утесов св. Гильды, по преданию, находился остров, на котором стоял большой город по имени Ис. Много рассказов о нем и до настоящего времени ходит еще среди жителей Дуарнене, Порт-Бланка, Панвенана и других приморских местечек. Нам самим пришлось встречать рыбака, который уверял, что его отец в часы отлива часто переезжал узенький пролив, отделявший острова св. Гильды от Иса, и помнил еще ту бурную ночь, когда остров этот исчез в морской глубине.

В книге *ле Браза*[8] приведен следующий рассказ одного моряка из Дуарнене, относящийся к 1887 г.

Рыбаки Дуарнене ловили раз ночью рыбу в этом заливе[9]. Кончив свое дело, они хотели уж поднять якорь, но не тут-то было: не было никакой возможности сдвинуть его с места. «Где-нибудь зацепился он!» — подумали рыбаки; и вот один из них, похрабрее, спустился по якорной цепи в море и отцепил якорь.

Когда он садился в лодку, он сказала, своим товарищам:

— Отгадайте, за что зацепился якорь?

— Ну, за что? за подводный камень!

— Нет, за оконный переплет!

Рыбаки подумали, что он сошел с ума.

— Да, — продолжал он, — а окно это было церковное; церковь стоит там и освещена она так ярко, что кругом нее на далеком расстоянии светло, как днем, и можно рассмотреть все морское дно. Я посмотрел в окно, в церкви была толпа народа: множество мужчин и женщин, в богатых одеждах; священник стоял у алтаря. Я слышал, как он вызывал клирошанина, чтобы тот шел помогать ему в службе.

— Это невозможно! — вскричали рыбаки.

— Клянусь вам!

Решено было пойти рассказать об этом кюре, и они пошли все вместе.

И сказал кюре тому, который нырял:

— Ты видел собор Иса; если бы ты ответил священнику и предложил себя на помощь ему вместо клирошанина, город Ис появился бы снова на поверхности моря, все его жители воскресли бы, и Франция переменяла бы свою столицу!

Многие прибрежные жители убеждены, что в летние тихие ночи, когда море ясно и прозрачно, они видят иногда колокольню собора и высокие стены города; многие слышат звон колоколов на дне моря.

Старики рассказывают[10], что в море, на высокой скале, недалеко от того острова, где стоял город Ис, находился хрустальный дворец гордой и злой «Царицы бурь». Стены дворца ее были из стекла, а окна и двери из серебра. Ярко блестел замок ее при солнце, отливая тысячью цветов, ярко блестел, он и

ночью, когда всевозможные лампы освещали его пустынные залы; тянулись эти залы вдоль всего дворца, а посредине самого большого и самого пустынного зала находился огромный очаг; но даже его высокое пламя казалось холодным, — так было все мертво и мрачно в этом замке, несмотря на весь блеск его прозрачных стен. Вокруг замка зрели гранаты и персики, виноградные лозы ползли по его крыше; миндаль цвел круглый год, и аромат его разносился далеко по окрестностям, а широколистный гигант, банан, словно отдыхал, прислонившись к колоннам террасы и заглядывая в пустынные залы.

Все было так прекрасно здесь, а между тем, люди, хоть когда-нибудь случайно заглянувшие сюда, бежали со страхом подальше от этого места.

Очень скучала в своем дворце Царица бурь. Была она дочь воздуха и моря; повелевала стихиями; все ветры слушались ее, — но была она осуждена на вечное одиночество, а потому завидовала людям и ненавидела их всей душой.

Летала она по прибрежным утесам и пере-

бегала со скалы на скалу, подкарауливая за-

поздавшие лодки и насылая вихри и ураганы на суда, подходившие близко к утесам св. Гильды; заманивала она неопытных моряков яркими огнями своего дворца, и направляли они свои корабли на этот свет, и разбивались они об утесы и скалы. Много губила она людей, много невинных душ находили себе могилу на дне моря благодаря ее злобе, но и этого казалось ей еще мало: вылетала она из своего хрустального дворца, вызывая ураган; глаза ее горели, как, угли, красное платье развевалось по ветру и властный голос ее покрывал голос бури. «Раздавлю, уничтожу. Здесь мое царство!» — кричала она, и со страхом прятались все, кто где мог, услыша ее голос, и отвечали ей только предсмертные стопы и вопли несчастных, застигнутых бурей в ее владениях.

Жители Иса знали владычицу хрустального дворца и редко направляли свои суда к утесам св. Гильды, всегда тщательно обходя их подальше, а потому почти никогда не попадались ей на глаза. Но и между жителями Иса был таки один смельчак, — еще юноша, моряк Кадо: любил он кататься по морю на сво-

ей маленькой лодочке, часто приставал у утесов св. Гильды, вскарабкивался на них и по долгу лежал на самой высокой вершине, любясь морем. И вот, раз на заре, в страшную бурю, увидала его владычица хрустального дворца, увидала, как отважно боролся он с волнами, и только покрикивал могучим голосом, когда лодка его взлетала на их высокие гребни: «Выше, выше!», словно вызывая на бой саму Царицу бурь.

Велела она ветру стихнуть и долго смотрела вслед храброму юноше, и сердце ее разгоралось, разгоралось, пока не вспыхнуло ярким пламенем, — она полюбила!

Дни и ночи подкарауливала она его из окна своего дворца, забыла о бурях, и никогда еще море не бывало таким тихим, как в это время. Но Кадо не выезжал на своей утлой ладье, мать его была больна, и не было у него свободного времени.

Раз вечером проскользнула сама Царица бурь в город, и там, в маленьком садике, под густым каштаном увидала она Кадо: он сидел, обнявшись с очень хорошенькой девушкой, и говорил ей о своей любви.

Страстью и ненавистью разгорелись глубокие бездонные глаза Царицы бурь, но Кадо и не подозревал этого, ничего не знал он о ней, кроме того, что много народа губила она. Сам же он любил Катик, хорошенькую дочь соседки: вместе росли они в детстве, вместе играли на берегу моря и слушали по вечерам вой бури, посылаемой злой владычицей хрустального дворца, да рассказы старой Фант обо всех ее злодеяниях. Незаметно подросли дети и стали женихом и невестой. С самого их детства все наперед уже знали, что это так и случится.

Мать Кадо выздоровела, и все было уже готово к свадьбе. Поехал жених приглашать своих друзей и знакомых с того берега, но вместо того, чтобы ехать обычным путем, как ездили все жители Иса, смелый Кадо направился к утесам св. Гильды — переход был тут вдвое короче, и хотелось ему вернуться поскорее к своей Катик.

Погода была тихая, но серая, — сырая и туманная; облака нависли над самым морем и все больше и больше заволакивали утесы и даль; из глубины моря доносились какие-то

звонящие звуки. «Это голоса бури!» — подумал Кадо, когда был на полпути. Не успел он это подумать, как завыл ветер, загудело море и разразилась страшная буря. Трудно стало Кадо справляться с волнами. Но вот, из-за одного утеса появилась молодая девушка в маленькой лодочке. Они пошли рядом; в глазах девушки была какая-то особая притягательная сила: были они необыкновенно прозрачные, глубокие и какие-то бездонные, — точно пропасть.

— Зачем правишь ты в обход? — сказала она Кадо, — возьмем левее, — тут короче!

— Хороши бы мы были, если бы тебя послушаться, — отвечал Кадо, — тут такие подводные камни, что и в тихую погоду нельзя пройти; видно, не знаешь ты совсем этого места, и слава Богу, что встретила меня: переходи в мою лодку, твою же мы привяжем сзади. Бери весла, а я сяду на руль; мне с детства знаком здесь каждый камешек, и я проведу тебя благополучно, — тут недалеко уж и до Порт-Бланка. Да откуда же взялась ты?

— Я выехала из гавани покататься, было так тихо!

Прыгнула девушка в лодку Кадо, но как-то неловко, и в одно мгновение оба они полетели в бездну...

Очнулся Кадо у очага в хрустальном дворце Царицы бурь. Она сама стояла перед ним на коленях и обнимала его своими холодными руками и глядела на него своими бездонными глазами.

— Ты теперь мой, Кадо, мой навсегда!

— Нет, не твой я, коварная Царица бурь! Я жених Катик, ей клялся я в верности, и ей останусь я верен и в жизни, и в смерти!

— Но ты не выйдешь уже из моего хрустального дворца, всегда будешь ты здесь, со мною, — ты мой навсегда!

— Нет, я только твой пленник до смерти! Смерть освободит меня, и там, за пределами земного, я соединюсь навеки с Катик, — блажен вознесшийся от любви земной к любви небесной!

Но Царица бурь все же была счастлива: Кадо был с нею, и она заперлась в своем дворце, не отходя от него ни на шаг и надеясь победить его своей любовью. Но дни проходили за днями, и Кадо молча ходил по огромным за-

лам дворца, содрогаясь при одном виде Царицы бурь. Наконец уж и она потеряла последнюю надежду, и изнывала в тоске.

Не вернулся Кадо домой, и Катик целые дни и ночи стояла на морском берегу и все смотрела в даль; не верила она, когда люди говорили, что Кадо погиб.

Но вот раз, вечером, после заката солнца, сидела Катик по обыкновению на берегу и смотрела на разорванные облака, которые висели над островом и морем какими-то фантастическими образами: то широкой фигурой «Дикого охотника», то орлом, парящим над водами; то вдруг хрустальным дворцом самой Царицы бурь. Смотрела на них Катик, смотрела долго, — и стало казаться ей, что они спускаются к ней, как будто плывут по морю, а между тем все-таки плыли по воздуху. Луна освещала облачный хрустальный дворец, и вдруг увидела Катик своего Кадо там, у окна, во дворце злобной Царицы бурь, и поняла она, где ее милый, и, ни минуты не медля, решила Катик спасти его. Знала она, что стоит ей добратся до утесов св. Гильды и там, на самой высокой из вершин, водрузить крест, и

св. Гильда поможет ей добраться сухим путем до дворца: над сушей не имела власти Царица бурь. Взяла Катик один из крестов, которых много встречается на морском берегу в Бретани, и вскочила в лодку. Без труда добралась она до утесов св. Гильды; вскарабкалась на самый высокий из них и оттуда увидела она, как Царица бурь вылетела из своего дворца.

Водрузила Катик крест на вершине утеса, и вдруг раздался страшный треск и грохот: то св. Гильда покатила каменную глыбу чрез узкий пролив прямо к хрустальному дворцу Царицы бурь. Так образовались те Семь островов, что лежат на запад от Порт-Бланка у самых утесов св. Гильды.

Легче серны понеслась Катик по вновь образовавшейся каменной дороге и, не замочив ноги, достигла хрустального дворца, где в пустынных залах томился ее милый. Увидал ее Кадо и не поверил своим глазам, — думал он, что явилось ему видение. Обняла Катик своего жениха и, взяв его за руку, вывела из дворца Царицы бурь. Не пропел еще белый петух, как они были уже дома.

Еще суровее, еще холоднее стало в пустынь-

ных залах хрустального дворца. Гранаты и персики померзли, виноград совсем пожелтел, а буря вырвала с корнем широколиственный банан. Стало холодно и мертво даже вокруг жилища Царицы бурь.

Не знавали еще жители Порт-Бланка и Иса таких страшных бурь, какие свирепствовали в эти дни, не слыхивали они такого воя ветра и моря! Никогда еще не погибало столько людей, не разбивалось столько судов об утесы св. Гильды!

Страшное было то время для моряков и прибрежных жителей.

Но в городе Исе все было благополучно; в следующее же воскресенье весело звонили там колокола: собирались отпраздновать свадьбу Кадо и Катик. Весь город был украшен цветами, готовилась иллюминация и факельное шествие.

Буря свирепствовала с утра, но жители Иса не удивлялись; должна же была владычица хрустального дворца мстить новобрачным!

Вечером собрались в главный собор все приглашенные на свадьбу; все были нарядны и веселы, все забыли о буре.

Священник подошел к алтарю, ведя за собой счастливую пару; красива была Катик, да и Кадо не уступал ей.

Но вот блеснула ослепительная молния, раздался страшный удар грома, остров как будто вздрогнул, приподнялся на мгновение и исчез в морской глубине...

В воздухе настала вдруг тишина, — последний звук колокола замер, а вместе с ним исчез и последний след города Иса и всех его жителей, нашедших себе могилу на дне моря.

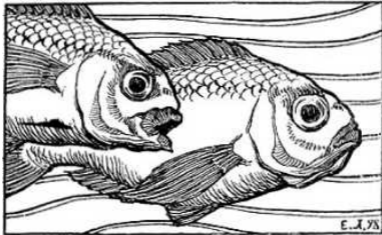
И сама Царица бурь, стоя на крыше своего хрустального дворца, медленно погрузилась в море вместе со своей скалой.

Но сердце Царицы бурь все-таки не нашло себе покоя: не могла она победить Кадо и Катик даже в смерти! Рядом стоят они перед алтарем в Божьем храме на дне моря, вместе они вознеслись и к престолу Всевышнего. А колокол продолжает звонить и в морской глубине, повторяя на все лады: «Блажен вознесшийся от любви земной к любви небесной!»

И снова выплывает на поверхность владычица хрустального дворца; снова вызывает она бурю, снова сверкает молния, гремит

гром, гудит море; снова наполняются ужасом и страхом сердца людей, и все живое спешит укрыться подальше....

Но не находит Царица бурь утешения и в урагане и погружается опять на дно моря, где медленно, с тоской в груди ходит она одна-одинешенька по пустынным залам своего хрустального дворца и слушает все тот же торжественный звон соборного колокола города Иса. Звуки его раздаются все громче и громче, поднимаются все выше и выше, разносятся все дальше и дальше, и Царица бурь осуждена вечно слушать их — время не имеет власти в морской глубине!..

ДВИЖУЩИЕСЯ РАЗВАЛИНЫ

На крутой вершине одной из гор цепи Арре в старину стоял древний замок; теперь от него почти не осталось следа: кирпичи и железо снова пошли в дело на разные постройки, а камни и каменные глыбы, составляющие обыкновенно поэтические развалины замков, с каждым годом понемногу исчезают и исчезают — они сползают с вершины и, к удивлению местных жителей, перемещаются на соседнюю каменную гору, под которой, по преданию, похоронен старинный владелец всей этой местности, — герцог Марш[11].

Герцог Марш был настоящий герцог королевской крови, кузен Анны Бретонской, но был он совсем не горд и терпеть не мог важно ходить по замку или гулять по тисовой аллее парка. Частенько заходил он в харчевни соседнего «бурга», пил там сидр в обществе фермеров и обсуждал с ними их дела; вдруг в одно утро сбавит всему околотку чуть ли не наполовину арендную плату и, радостно потирая руки, возвращается в замок, или же иногда отсыплет крупную часть своего дохода на

приданое хорошеньким дочерям своих арендаторов, с которыми любил и пошутить и побалагурить и даже потанцевать на лужку на площади бурга. Раз как-то увлекся герцог Марш, слушая в харчевне рассказы одного пилигрима, и, не думая долго, снарядился и сам отправился в Палестину, — верхом, по старинной моде крестоносцев. Три года был в отлучке герцог, а вернувшись оттуда, отправился он в Порт-Бланк строить целую флотилию для местных моряков, уговоривших его снарядить несколько кораблей, чтобы послать их в Испанию за серебром. Экспедиция состоялась. Уехал с ней и сам герцог Марш, и опять года два не было о нем ни слуху, ни духу. Наконец, вернулся он и не только без серебра, но даже и без своих кораблей: некоторые из них раздарил он морякам, другие разбились, третьи как-то отстали и пропали в море. Но не тужил герцог Марш и, сидя в харчевне, затевал новые предприятия.

Жена герцога Марша была совсем на него не похожа: дочь английского принца Генриха, она так была горда, что до самой смерти ее никто не видал ее лица, так как никто не

смел поднять на нее глаз. Важной поступью проходила она по замку и гордым мановением руки отстраняла всех, кто только попадался ей на дороге. Парк, где гуляла она, был обнесен такой высокой стеной, что только соколы да орлы могли садиться на нее и оттуда заглядывать в прекрасные тисовые аллеи. Да и то заглядывали они с опаской, — пожалуй, чего доброго, не приказала бы герцогиня подстрелить их за такую смелость.

Были две дочери у герцога и герцогини — два прелестных цветка; звали их обеих Марьями: герцогиня находила, что для дочерей ее не существовало другого имени — одни были слишком грубы, а другие — простонародны. Младшую в отличие от старшей звали Мария-Бланш. Девушки не знали света, не знали ни зла, ни страданий, каждое утро было для них прекрасно, каждая ночь спокойна; они сидели в своем роскошном замке, гуляли по своему роскошному парку и выезжали не иначе, как окруженные блестящей свитой. Королева Анна приглашала их ко двору, надеясь выдать замуж прекрасных герцогинь за людей знатных и богатых, но дочь английско-

го принца Генриха отклоняла эти приглашения, находя, что при дворе французской королевы нет для ее дочерей достойной партии, да и она сама не хотела играть там второстепенной роли, а потому Мария и Мария-Бланш по-прежнему сидели в своем великолепном замке, гуляли по своему прекрасному парку, выезжали кататься с блестящей свитой, не знали света, не знали ни зла, ни страданий, и каждое утро казалось им прекрасным, и каждая ночь была для них спокойна.

Вся Бретань обожала герцога Марша, и он любил проводить время у любого бретонца в любом соседнем замке или на ферме, но страшно скучал дома и понемногу совсем отстал от своего замка. Никогда не жаловалась на это гордая дочь английского принца Генриха, но быстро блёкла и худела. И вот, в один прекрасный день позвала она к себе герцога и сказала ему, улыбаясь:

— Не могу больше ходить, а потому поручите Марии все управление замком!

— Разумеется! пускай Мария освободит вас от хозяйственных забот! — отвечал ей герцог, целуя ее руку и торопясь на охоту.

Через неделю позвала опять герцогиня своего мужа и сказала ему с улыбкой:

— Я не могу больше сидеть и должна лежать, а потому я поручила Марии занять мое место на верхнем конце стола за обедом.

Редко обедал дома герцог, и было ему все равно, кто ни сидел на верхнем конце стола, но выразил он огорчение.

Через месяц позвала опять герцогиня своего мужа; и сказала ему с улыбкой:

— Я не могу больше жить! — вздохнула и умерла.

Блестящие похороны устроил герцог Марш своей супруге, дочери английского принца Генриха; приезжала и королева Анна и английские родственники. Все они наперерыв приглашали молодых герцогинь по окончании траура к своему двору во Францию и Англию, сестры всех благодарили и обещали подумать об этих приглашениях, но в душе твердо решились не уезжать из дома.

Знали уже теперь молодые девушки свет, знали они и зло, и страдание; каждое утро было для них печально, и каждая ночь беспокойна. Давно не было у них никаких драго-

ценных украшений, ни новых платьев: дела их отца шли все хуже. Давно уже знала об этом и герцогиня, их мать, и они сами; не знал об этом один лишь только герцог Марш. Потому-то и не захотели они воспользоваться приглашением королевы Анны и принца Генриха.

— Не хотим мы быть бедными служанками при дворе наших родственников! — сказали они своему отцу, когда он удивлялся их отказу.

Открылись глаза у герцога, и тут только оглянулся он на свой опустевший, мрачный замок: кладовые его были пусты, слуги почти все отпущены; никогда уж больше не поднимался подъемный мост, ворота всегда стояли открытыми настежь, — въезжай и входи, кто хочет! Но не трубили рога, возвещая о приезде гостей, и некому было входить и въезжать в разрушающийся герцогский замок.

Грустно бродили по залам Мария и Мария-Бланш; холодно было в мрачных покоях замка, да не отраднее было и в парке: стояла глубокая осень, и ветер сорвал уже последние мокрые листья с уцелевших деревьев, большая же половина их давно уже пошла на дрова. Правда, красовался еще могучий кедр, и на его темно-зеленой хвое только и отдышал глаз, — он один только и напоминал лето так же, как позолоченная корона на дверях замка одна только напоминала о его прежнем величии.

Да не на радость было это напоминание: в выцветших старых платьях бродили из угла в угол Мария и Мария-Бланш. Там герцог Марш целые дни и ночи шагал взад и вперед по своему заросшему двору; поседел он и сторбился от забот и бессонных ночей. Но чем больше ходил он по своему двору, тем безотраднее и безотраднее становилось у него на сердце.

Прошел год, принесший с собою еще большее разорение, еще больше страданий обитателям замка, и вот из замковых ворот выехали простые погребальные дроги. Вся Бретань провожала самоубийцу-герцога Марша, но не

могли его предать земле по христианскому обряду.

Плакала Мария-Бланш, умоляя архиепископа позволить похоронить отца в замковом склепе; старшая же Мария никого ни о чем не просила, — гордо шла она за гробом отца, бледная, как смерть, со стиснутыми зубами, не проронив ни слезинки.

Погребальные дроги миновали замковый склеп и остановились у оврага. На руках снесли бретонцы своего любимца на дно обрыва у подножия Замковой горы и там похоронили. Не возносилось молитв в церквях Бретани за упокой души самоубийцы, но весь народ, от мала до велика, от дворянского замка до развалившейся хижины кирпичника, молился за доброго герцога, покончившего жизнь самоубийством в минуту помрачения рассудка.

Не вернулась домой с похорон отца старшая дочь герцога Марша, — нигде не нашли ее, как ни искали. Все полагали, что дочь герцога искала прибежище от всех своих страданий в тихой монастырской келье, и королева Анна разослала гонцов по всем монастырям Франции, но нигде ее не было. Стали искать

ее по всей Бретани, но и тут не могли открыть ни малейшего следа ее пребывания. Одни только рыбаки соседнего порта уверяли, что дня через три после похорон герцога на корабль, подаренный им одному моряку, поступил молодой, красивый и очень гордый юнга, как две капли воды похожий на герцогиню Марию. Шкипер сказал матросам, что юнга этот принял обет молчания, и они не обращали на него внимания; жил он в отдельной каюте, ел мало, а работал за троих.

Отправился этот корабль в Индию, да так не вернулся; не вернулся никто и из его экипажа; и какая судьба постигла этого юнгу, никому не известно... Видно, нашел он себе могилу на дне океана. Мария-Бланш собралась в кармелитский монастырь, но накануне ее отъезда приснился ей странный сон: увидела она какую-то необыкновенной красоты принцессу, которая сказала ей, что отец ее за свои добрые дела и по молитве бретонцев будет спасен, но не ранее, как когда с могилы самоубийцы можно будет увидеть часовню Мадонны, находящуюся на противоположном от нее склоне Замковой горы.

Осталась Мария-Бланш в своем замке, не пошла в монастырь, и с утра до ночи, зимой и летом, во всякую погоду стала она носить камни на могилу своего отца, и просила всех встречавшихся ей людей, знавших герцога Марша, делать то же, и вскоре на могиле его вырос большой холм и поднялся почти до края оврага.

Бог послал Марии-Бланш очень долгую жизнь, и она, не покладая рук, изо дня в день всю свою жизнь совершала свой подвиг. Люди считали ее помешанной, но никто не смеялся над ней, никто не обижал ее, и каждый старался ей помочь.

Так шло время. Замок почти совсем разрушился; крыша во многих местах провалилась или поросла мхом и травой; давно уже переселилась Мария в пристройку, да и та грозила обрушиться. Наконец, Господь призвал к себе бедную страдалицу-старуху, а холм над могилой герцога Марша едва-едва только поднялся над краем оврага.

Но вот стали замечать люди, что камни развалин исчезают с своих мест и перемещаются на могилу герцога Марша, и холм над

ней все растет и растет и теперь почти уже сравнялся с Замковой горой. Целые каменные глыбы, которых не поднять и трем парам мулов, оказываются перемещенными в одну ночь. Особенно много недосчитываются камней в замковых развалинах после бурных зимних и осенних ночей.

Годы проходят неизменной чередой. Память о герцоге Марше бледнеет и исчезает, но каменная гора над его могилой все растет и растет, и скоро поднимется выше Замковой горы, и тогда, согласно сну Марии-Бланш, душа герцога Марша получит прощенье.

Между камнями над его могилой пустили свои корни деревья, и далеко в море видны они морякам: деревья эти — последнее, что они видят, покидая родину, и первое, что приветствует их в Бретани, когда они возвращаются.

Около могилы кто-то поставил деревянный крест, и на нем еще не стерлась надпись: «Прохожий, остановись вдали или тихо проходи мимо: не нарушай покоя герцога Марша, и не мешай камням его замка делать свое доброе дело!»

ЗАМОК КОРВЕННЕК

Деревушка Сент-Этьен, расположенная на северо-западном берегу Бретани, на высоком холме у самого океана, в настоящее время посещается многими французами благодаря своему удобному для купанья берегу. Из года в год теряет деревушка свой поэтический и дикий вид: вместо хорошеньких бретонских домиков строятся отели с их вычурной претенциозной архитектурой; старые яблочные сады или вырубаются, или заслоняются большими каменными домами, а вместо них разводятся чахлые миниатюрные английские садики, и скоро от старой приморской деревушки не останется и следа, как не осталось и следа от старинного замка Корвеннек, когда-то господствовавшего над всей этой местностью.

В двух-трех километрах от названной деревушки стоит полуразвалившаяся часовня с выбитыми стеклами, обуглившейся дверью и портиком и разбитой статуей св. Этьена, покровителя этой местности. А на горе, в нескольких шагах от часовни, валяются огромные камни. «Вот все, что осталось от на-

шего старого замка! — говорят старики, показывая груду камней. — А был он когда-то и грозен, и славен! Так-то все проходит и изменяется на свете!»

Вероятно, и эта груда камней — единственный остаток замка Корвеннек — в недалеком будущем исчезнет совсем, если не исчезла уже и в настоящее время.

Замок этот испокон веку принадлежал роду Корвеннек. Последующие владельцы его считали в числе своих предков св. Этьена, со смертью которого и пресеклась прямая линия этого рода, хотя фамилия Корвеннек и до настоящего времени часто встречается у бретонцев.

В XIV веке владельцы замка переименовали его в замок Сент-Этьен, и сами приняли фамилию и титул графов Сент-Этьенских. Впоследствии род этот тоже пресекся, и замок оставался необитаем. В таком виде простоял он до революции 1789 года, во время которой был разрушен шайкой якобинцев, так что от него не осталось и камня на камне. В настоящее время ни историку, ни археологу здесь нечего делать, — следы прошлого оконча-

тельно уничтожены; но жива еще память народная, сохранившая нам легенду о св. Этьене, старшем сыне последнего владельца замка из рода Корвеннек[12].

В конце XIII века владельцем замка Корвеннек был молодой рыцарь Луи Корвеннек. Он был недавно женат и, несмотря на то, что получил уже приказание следовать за своим сюзереном в новый крестовый поход, не решился уехать от молодой жены, готовившейся стать матерью. Однако сознание, что он поступает не так, как требовал долг вассала, нетерпение и досада грызли молодого барона, и он делался все сумрачнее и сумрачнее. Молодая жена его, не умея объяснить себе причины недовольства своего супруга, тихонько плакала целыми днями, сидя у узкого окна своей спальни, и это еще больше раздражало барона.

Наконец, в одну бурную ноябрьскую ночь появился на свет наследник Корвеннека. Радостно спешил из своей башни молодой рыцарь, услышав эту счастливую весть, но, замедлив шаги у спальни своей жены, чтобы не

обеспокоить ее, услышал явственный шепот прислужниц: «Бедный ребенок!» Как ураган, влетел молодой рыцарь в комнату: «Отчего бедный? умер? говорите!» — кричал он вне себя. Но все молчали.

Наконец, выступила вперед его старая кормилица и сказала:

— Не кричи, не беспокойся и не тревожь жену! Ребенок жив и красив, как ангел; он проживет, Бог даст, сто лет. Глупые служанки жалеют его потому только, что не быть ему знаменитым рыцарем Корвеннеком. Но пути Божии неисповедимы!

— Почему сын мой не может быть рыцарем? кем же быть ему? что это за бабьи рассказы?

Молча взяла старуха, новорожденное дитя и положила его перед рыцарем: ребенок имел сильно искривленный стан и несколько склоненную к плечу головку.

— Урод!! — вскрикнул диким голосом рыцарь и, не заходя к жене, вернулся в свою башню.

На рассвете его уж не было в замке: уехал он в Палестину на многие годы, не простив-

шись с женой, не взглянув еще раз на своего новорожденного первенца. Тяжелым ударом было рождение такого сына для рыцаря, считавшего лучшим украшением человека силу и храбрость.

Таким образом маленький Этьен, — так называли новорожденного, — в родном своем отце нашел непримиримого врага, и борьба между ними началась с самого дня его рождения.

Мать и сын остались одни, и существования их слились в одно общее существование. С первой же минуты, когда маленький Этьен стал различать предметы, его глаза чаще всего останавливались на склоненном над ним кротком лице его матери, и часто мать поднимала его на руках к высоким окнам его комнаты, и он с удивлением смотрел на блестящее безбрежное море. Первые звуки, доносившиеся до слуха Этьена, был шумом волн, разбивающихся на утесах, на берегу того же моря, под самым окном его комнаты. Тихо лежал слабый ребенок в колыбели и слушал однообразный гул океана да тихую песню, что напевала ему мать; и навеки нераздельно за-

легли в душе его эти два представления, — мать и море, колыбельная песня и шум волн.

Так прошло лет пять. Этьен несколько окреп и был очень красив с своей бледной, склоненной на плечо головкой и большими голубыми глазами, но рос тихо или, лучше сказать, почти не рос, и искривление его ста- на становилось все заметнее.

Барон Корвеннек наконец вернулся; как внезапно исчез он из замка, так же внезапно снова появился он перед своей женой.

Увидя незнакомого рыцаря в полном во- оружении, маленький Этьен вскрикнул и от испуга лишился чувств. С презрением оттолк- нул его ногой барон Корвеннек и, не говоря ни слова, вышел из комнаты. Жена последо- вала за ним и старалась извинить испуг ре- бенка:

— Вы появились внезапно, никто не ожи- дал вас, а Этьен никогда не видал рыцарей!

— Никогда еще Корвеннеки не производи- ли на свет зайцев, и я не хочу видеть этого зайчонка в моем замке!

Долго плакала мать Этьена и умоляла му- жа позволить ребенку жить в одной из башен

на ее половине. Надоели рыцарю эти слезы, и он махнул рукой. Этьен редко сходил со своей башни и с ужасом смотрел на отца, если нечаянно встречал его; с презрением отворачивался от него и Корвеннек, но потом всегда бывало ему как-то не по себе, и долго преследовали его широко открытые, полные ужаса глаза ребенка.

В конце года родился у рыцаря второй сын, — крепкий, здоровый мальчик, и отец окончательно возненавидел старшего сына, законного наследника замка.

Наконец, мать Этьена, видя, что дела принимают все худший и худший оборот, сама отвезла ребенка в ближайший монастырь и поручила его настоятелю, человеку очень уважаемому и доброму. Таким образом, оба брата росли, никогда не видя и не зная друг друга.

Время шло, и стали они юношами. Младший брат наследовал все вкусы своего отца: тяготила его домашняя жизнь, и манили его рыцарские подвиги, турниры и битвы. Отец сам повез его ко двору французского короля.

Этьен остался в монастыре и поселился в

отдаленной келье отшельника, на утесе у самого берега океана. Здесь жил он в полном уединении, проводя время в размышлениях и чтении. Вся библиотека настоятеля монастыря перешла в его руки. Мать проводила с ним почти все время, когда отца и брата не бывало дома: вместе они пели (у обоих были чудные голоса) и играли на мандолине. Этьен бывал тогда совершенно счастлив: мать и море, лучшие его друзья, были с ним неразлучны. В те дни, когда он чувствовал себя крепче, он любил ходить с матерью по окрестным селениям; они входили в хижины бедняков, — мать приносила им хлеба и платье, а он, дитя, выросшее в полном непонимании земного благополучия, садился у изголовья несчастного, больного, страдающего и пел им своим чудным голосом, и несчастные, больные, страдающие забывали свое горе и страдание, слушая его райскую песню.

Когда же возвращался рыцарь домой, Этьен переставал бродить по окрестностям, и крестьяне говорили со вздохом: «Вот вернулся господин, и умолк наш соловей!», хотя возвращение барона бывало для них выгодно,

так как при нем помощь из замка раздавалась еще более щедрой рукой и хлебом, и скотом, и деньгами.

Случалось иногда Этьену издали увидеть своего отца, и стремглав бросался он прятаться в свою келью и долго сидел в ней, не смея шевельнуться.

Так прошло несколько лет.

Здоровье матери Этьена, никогда не бывшее крепким, становилось заметно слабее и слабее, и Этьен с тревогою наблюдал, как бледнело ее лицо и гасли ее прекрасные глаза.

И вот раз, ночью, во время отсутствия барона Корвеннека, пришли за Этьеном: матери его было очень дурно. Прибежал он, не помня себя, и после стольких лет в первый раз, уже юношей, вошел он в свою детскую комнату, где на высокой постели лежала его мать. Она знаками подозвала к себе сына, — говорить она уже не могла, обняла его, и сердце ее перестало биться....

Когда Этьен понял, что это была смерть, он поднялся с колен и со строгим, окаменевшим лицом вышел к слугам замка и сказал им:

— В первый и последний раз я, старший сын последнего владельца замка и наследник имени древнего рода Корвеннек, обращаюсь к вам, верные слуги моего рода! Запомните мои слова! Улетел ангел-хранитель этого замка в свою небесную обитель, и герб Корвеннеков разбился! Не совет больше аист гнезда на крыше замка, и не успеет еще околеть старый сторожевой пес, как имя наше погибнет!

В день похорон матери исчез Этьен, и никто ничего не слышал о нем целый год.

Мраморный герб Корвеннеков, висевший в парадном зале замка, к ужасу слуг оказался разбитым надвое, и аист в эту весну не прилетал в свое гнездо на крыше замка. Молва об этом быстро распространилась, и скоро все жившие в замке разбежались, никого не осталось в нем, кроме старого привратника, и замок заколотили. Сам барон Корвеннек вместе с младшим сыном был в крестовом походе с Людовиком Святым. Так прошел год, и в окрестностях замка разразилась страшная беда: черная смерть так и косила людей, вымирили целыми деревнями, и некому было хоронить мертвых... И тут вдруг вновь раздалась

соловьиная песня Этьена; всюду поспевал он: пел у изголовья умирающего, собственноручно хоронил мертвых и утешал оставшихся, и куда ни входил он, всюду словно проникала, луч света, и сама смерть исчезала. Вскоре болезнь совсем затихла. Этьен снова поселился на своем утесе и пел, лежа на его вершине; пел он приходившим к нему детям о звездах, — цветах неба, о солнце, о птицах, — своих друзьях; но всего охотнее цел он несчастным об умерших, что, по бретонским поверьям, носятся в небе среди облаков. «Корвеннекский соловей», как называли Этьена, решительно приносил счастье: хлеб уродился на славу, о болезнях не стало и слуха, и за целый год не было ни умерших в приходе, ни работы судьям.

На следующую весну дошла до замка весть о смерти молодого рыцаря Корвеннека, погибшего в славном бою с неверными, а летом вернулся в замок и старый барон; израненный, печальный, больной, почти умирающий, он казался тенью того могучего барона Корвеннека, которого привыкли так чтить и бояться все соседи. В полном одиночестве

проводил он остаток дней своих, и только старый привратник да полуслепой сторожевой пес разделяли его уединение.

Раз ночью не спалось барону; он сидел в кресле у окна своей спальни и смотрел на море. Но вот вдруг раздалось удивительное пение... Долго слушал его барон, и слезы одна за другой текли из померкших глаз старика.

— Кто это поет здесь так по-ангельски? — спросил он на другой день у своего слуги.

— Сын ваш, наследник древнего рода Корвеннеков, молодой барон Этьен! — строго и внушительно отвечал верный слуга.

Ничего не возразил старый барон и только мановением руки отпустил своего собеседника. Весь день и всю ночь слышал старый привратник тяжелые шаги своего господина; весь день и всю ночь пел соловей-Этьен о душах умерших, носящихся в облаках, и голос его раздавался далеко по всей окрестности, и никто не ложился спать в эту ночь, слушая его. На заре позвал барон своего верного слугу и, опираясь на его плечо, пошел к тому утесу, где, не шевелясь и глядя на небо, пел его сын свою чудесную песню.

Долго стоял у утеса старый рыцарь и просил сына простить ему его великий грех, — ненависть к собственному сыну. Но юноша пел, не поворачивая головы и не сводя глаз с неба.

Наконец помог старый служитель своему господину взобраться на самый утес и, подойдя к сыну, склонился гордый воин на колени. Умолкла, точно оборвалась песня, юноша повернул светлое лицо свое к отцу, улыбнулся ему лучезарной улыбкой и испустил дух.

Низко склонился к земле старый рыцарь; старый привратник хотел было поддержать его, но увидел, что и он тоже мертв...

Пока сошел с утеса слуга, чтобы дать знать о случившемся, пока поднимали тело старого барона, все забыли о юноше, а когда хватились, — нигде его не нашли, как ни искали. Так и исчез он бесследно...

Но дети, тут же неподалеку собиравшие раковины, уверяли, что в ту минуту, как вставало солнце, поднялась с утеса большая белая птица и, пролетая над ними к морю, пропела им чудесную песню о звездах, — цветах неба; песню, которую они часто слышали от Этьена.

— Но мало ли что болтают дети! — говорят серьезные люди.

Три дня и три ночи выл старый пес на опустевшем дворе замка, но затем нашли его околевшим. К зиме снесли на кладбище и старого привратника. Замок заколотили наглухо, и лет сто стоял он в таком виде, но в его парке с ранней весны и до поздней осени пел соловей, и замок стоял, безмолвный и тихий, словно прислушиваясь. Ничто не нарушало этой тишины, и никогда не завывали вокруг него даже зимние бури. Никакие привидения не бродили по его пустынным залам, и даже малые дети не боялись проходить мимо замка, хотя бы в самую глухую ночь.

Лет через сто открылись окна замка, за скрипели заржавевшие петли дверей, послышались голоса, — засуетились люди, — и снова жизнь победила смерть!

ЛО-КРИСТ

Долина Izel-vet[13] в настоящее время представляет собою сплошной благоухающий сад. Очень хороша она весной, когда цветет здесь белая акация, розы, сирень, а целые леса яблонь покрыты бледно-розовым цветом, словно пушистым снежным покровом, из-под которого не проглянет ни один зеленый листок, ни одна зеленая ветка; белая ромашка, лиловые колокольчики, синие лютики пестреют между деревьями... Однако еще красивее она осенью, когда кусты и деревья оденутся в пурпур и золото, а яблони, отягченные плодами, стоят и не шелохнутся, словно выкованные из тяжелого металла. Опадающий лист золотистым ковром устилает землю, шуршит под ногами и смягчает резкие звуки шагов. Среди такого-то роскошного сада стоит часовня Ло-Крист[14], уже давно заброшенная и почти забытая, а потому сильно пострадавшая от времени, хотя построена она, пожалуй, что и не так давно — всего каких-нибудь лет сто или полтора.

Часовня прислонена к очень старинной

башне, последнему остатку находившегося тут когда-то замка, и стоит она посреди старого покинутого кладбища, на котором никого уже больше не хоронят. В часовне, в мраморный бассейн бьет из-под земли небольшой ключ, но струя его бьет так низко, что нужна длинная цепь, чтобы зачерпнуть воды.

Было то в старые, старые годы! [15]

В замке Ло-Крист жил доблестный рыцарь, внук Генолэ, любимца бретонских сказаний; был он славный и добрый правитель Бретани.

У ворот его замка стоял мраморный ангел, у подножья которого каждый садился, кто ждал правосудья или защиты, и всегда получал их от внука Геноле.

Было то в старье, старые годы!

Внук Геноле женат был на кроткой Марии, как все звали ее. Было у них трое малюток. Но вот посетило их страшное горе: старший сын заболел и скончался, — видно, Господня на то была воля!

Гроб опустили в могилу, а с ним схоронили и счастье Марии: лишилась она и сна и покоя, забыла своих маленьких деток, — доч-

ку-малютку и сына в пеленках!

Было то в старые, старые годы!

Дни проводила Мария в слезах, а ночи — без сна на кладбище, мертвецам не давая вставать из могил, — подышать ароматом цветов, наглядеться на яркие звезды.

Раз так ночью сидела она на могилке, и стало ей страшно и тяжело одной на кладбище. Встала с могилки она, прошла через парк и свернула в аллею, ведущую к замку.

Было то в старые, старые годы!

Стояла чудная звездная ночь, и вдруг перед нею явился не то человек, не то призрак, — худой, изможденный, едва говорящий.

— Поддай Христа ради мне хлеба, Мария! — простонал он чуть слышно.

— Только злые люди да духи по ночам по дорогам так бродят, — отвечала на это Мария. — Приходи завтра в замок, получишь всего в изобилии.

— Не дожить мне до завтра, — смотри, я совсем обессилел!

Было то в старые, старые годы!

Полно горечи было сердце Марии и забы-

ла она в ту минуту о Боге. Прогнала она странника и спустила цепную собаку. Но злой Цербер побрел вслед за нищим, виляя хвостом и ласкаясь.

Мария же вернулась в свой замок, ничего не заметя, и до утра в тяжелой тоске пробродила по темному залу, все о милом покойнике думая и забыв о своем злом поступке.

Было то в старые, старые годы!

Наутро вышли люди из замка и нашли в парке мертвое тело. Рядом Цербер лежал, охраняя останки. И дивились люди, видя, что пес сторожит неизвестное тело.

Еще больше дивились они, когда, хвост повеся, побрел Цербер за гробом и потом еще долго своим воем зловецим пугал обитателей замка.

Было то в старые, старые годы!

Смутилася духом Мария, услышав об этом событье; приказала с честью предать тело земле, за упокой души странника заказала обедни; щедро сама заплатила за все, а на саван дала полотна из замковых складов.

Но полотна и деньги вернулись к ней в то же утро и, кто принес их обратно, допытаться

она не посмела. И пошла в страхе к аббату замковой церкви, перед ним исповедать свой грех.

— Не могу дать тебе отпущенья в твоём тяжком грехе, — сказал ей почтенный старик. — Может быть, согласится на это руанский епископ.

Но и руанский епископ не посмел даровать ей прощенья и послал ее к папе.

— Он отец всех отцов нашей церкви! — сказал ей епископ.

В дальний путь снарядились рыцарь с Марией, но напрасно. И папа не дал ей причащенья, послал ее к гробу Господню замолить там свой грех.

Было то в старые, старые годы!

Услыхав то решение папы, огорчился внук Геноле и сказал он Марии:

— Что же будет теперь с нашей дочерью Анной и сыном-младенцем? Плохо жить сиротам, хотя и в богатом их замке!

Но тверда была в своей скорби Мария и ответила рыцарю строго:

— Я должна подчиниться велению папы. Господь ведь печется о малых букашках, — не

оставит Он и наших малюток.

И, простившись со всеми, пустилась Мария в далекий и одинокий свой путь, захвативши с собой лишь земли, горсть земли дорогой ей Бретани.

Было то в старые, старые годы!

Двадцать два года прошло с того дня, как покинула замок Мария. Двадцать лет одиноко ездил по свету рыцарь, — двадцать долгих лет все искал он Марию.

Побывал он и в Риме опять, поклонился и Гробу Господню, — но нигде не встречал он Марии! Время шло чередом, а замок стоял в запустенье, хоть и выросли дети.

Сын затворился в монашеской келье, дочь — в своей башне высокой, — все дни проводила в посте и молитве. «Недаром то были дети Марии!» — говорили в народе.

Все вспоминали Марию, но давно уж считали погибшей. Наконец, внук Геноле снова женился, желая иметь еще сына, наследника замка, а то перейдет он к враждебному роду.

Было то в старые, старые годы!

Вторая жена его была зла и сварлива, и все изменилось в их замке: никто не садился у

подножия ангела в надежде найти здесь защиту и помощь.

Да и долго пришлось бы их ждать: редко бывал теперь дома доблестный рыцарь, ездил все по свету он, грустя о кроткой Марии. Время шло, не принося ему нецеленья!

Было то в старые, старые годы!

Мария же, покинув Бретань, все шла да шла в Палестину. Добравшись до моря, села она на корабль, но буря, застигнув ее, занесла на неведомый остров.

Долго томилась она там в плену и в тяжелой работе, наконец отпустили ее. И вот десять лет миновало с тех пор, как покинула замок Мария, и только теперь, через десять лет, десять долгих лет, подошла она к Граду Святому.

Было то в старые, старые годы!

Здесь у Гроба Господня исповедала тяжкий свой грех всенародно Мария и просила ему отпущенья, как папа, отец всех отцов нашей церкви, то обещал ей.

— Хорошо! — отвечал ей священник, — но прежде должна пронести ты три дня и три ночи в запертой келье в посте и молитве.

Согласилась Мария, и повел ее старец, но тут подбежала к ней девочка и сунула в руку ей пышно расцветшую розу.

Обняла Мария ребенка и, вспомнив дочь свою, Анну, заплакала горько.

— Полно, не плачь! — сказал ей священник. — Уж скоро наступит конец всем твоим испытаньям.

Но в ту же самую ночь священник скончался, и никто ничего не слышал о бедной Марии. Так и осталась она в запертой келье.

Было то в старые, старые годы!

Через десять лет отперли келью и увидали в ней спящую женщину и в руке ее пышно расцветшую розу. И только что люди вошли в ее келью, проснулась Мария и сильно смутилась.

— Великая грешница я, — сказала Мария, — не смогла простоять на молитве трех суток и, утомившись, заснула!

— Целых десять лет проспала ты здесь в келье, — отвечали ей люди. — Целых десять лет не отпирал никто двери, и замок от нее давным-давно уж заржавел.

Было то в старые, старые годы!

— Может ли быть, чтобы в десять лет роза моя не завяла, и хлеб не засох, и вода не иссякла, что оставили здесь для меня? — спросила Мария.

— Да, Господь совершил для тебя это чудо! — отвечали ей люди. И с душой просветленной снова вступила в храм Господень Мария. С умилением приняла она причащение, а все бывшие в храме поклонились ей низко.

Так смиренно Мария свершила свой подвиг.

Было то в старые, старые годы!

Не прошло и двух лет, как в замок Локрист уж входила Мария, все с тою же розой в руках, неувядшею розой столь долгие годы!

Но никто не узнал там Марии: рыцаря не было дома, дети не помнили матери, все старые слуги давно разбежались при новой сварливой хозяйке, старый привратник ослеп, а Цербер давно уже издох.

У подножия Ангела села Мария, не зная, что делать.

Было то в старые, старые годы!

Прошла мимо вторая жена внука Геноле и грубо сказала:

— Уходи, чего ждешь? При глупой Марии бродяги, бывало, принимались здесь, словно принцессы, — нынче ж не то, — всех велю гнать я отсюда подальше.

С удивлением на нее посмотрела Мария и не двинулась с места. Но послала злая хозяйка своих слуг гнать Марию со двора замка Ло-Крист, запереть и ворота тяжелым засовом.

Было то в старые, старые годы!

— Скажите мне, ради Бога, куда же девался доблестный рыцарь, внук Геноле, прежде живший в замке Ло-Крист? — спросила Мария у слуг, которым велела прогнать ее злая хозяйка.

— Все здесь он живет, да редко бывает он дома, — все тоскует о кроткой Марии, своей первой жене.

— А где же Мария?

— Как где? умерла в Палестине; пошла она замаливать тяжкий свой грех, что раз в жизни не накормила голодного ночью, а он к утру и помер. Ну, а нынче не так, — по сто голодных, с утра лишь до полдня, да с полдня до вечера больше двухсот гоняем мы смело, и никто об этом не тужит.

Было то в старые, старые годы!

— Уйди же и ты, а то будет нам плохо!

— Хорошо, но скажите мне, где же дети внука Геноле и кроткой Марии?

— Госпожа наша Анна живот вон в той башне и молится Богу, убогих и сирых тайно от мачехи там принимает и кормит; сын их отрекся от мира и ушел в монастырскую келью. Но сегодня он в замке. Мы скажем им, что пришла пилигримка; может быть, ты и мать их знавала?

Было то в старые, старые годы!

— Хорошо, скажите им, что пришла пилигримка, знававшая мать их. Я же пойду на кладбище, подожду там детей внука Геноле и кроткой Марии!

Встала она и пошла на кладбище, села там на могилу ребенка, что двадцать два года назад схоронила тут у самой ограды. Цветы выросли на могиле и покрыли весь холмик, и стал он похож на цветник!

Было то в старые, старые годы!

Обо всем рассказали слуги детям Марии. Побежали они на кладбище, как будто на крыльях летели, — так разгорелось в них

сердце! Увидали они бледную женщину, словно принцессу в лохмотьях, всю в слезах на могиле их брата.

Взяли ее за руки и с честью повели к себе в замок, — не только в башню Анны, а в зал, к очагу, где уступили ей главное место. Очень злилась их мачеха, но не смела перечить старшему сыну владельца замка.

Было то в старые, старые годы!

Анна омыла ей ноги, и долго за полночь вела с ней беседу: рассказала Мария, чего потерпелась их мать, совершая свой подвиг, но сама не открылась.

Наутро Мария просила свести ее в церковь. Не могла она идти без поддержки, уж очень ослабела в пути. И сын ее сам повел ее в замковый храм.

Было то в старые, старые годы!

Во храме поведала она всенародно, кто была, какой грех совершила, как в отпущенье греха отказал ей епископ в Руане и в Риме сам папа, и как святой отец послал ее в Палестину, и все, что случилось потом, и как Господь Бог привел ей вернуться домой. Но дома ее не узнали, — другая была там хозяйка! Всю

надежду свою возлагала она лишь на Бога. Недаром сказал ведь Христос:

«Придите ко Мне все обремененные, и Я успокою вас!»

Было то в старые, старые годы!

Когда умиленный священник подал Марии Св. Дары — свершилось чудо: Христос на Распятье, что над алтарем возвышалось, главу наклонил... пали ниц все, но встать не могла уж Мария, — глаза ее блестели, как звезды, от лица ее веяло миром...

Но когда подошел сын Марии, то увидел, что душа ее вознеслась уж туда, где нет больше страданий, а роза, что, не увядая, цвела в руках ее все эти долгие годы, — рассыпалась в прах, как старый засохший цветок.

Было то в старые, старые годы!

Поспешил брат к сестре в замок и застал там отца своего, внука Геноле; рассказал им все, что видел он в храме, и свершилось второе тут чудо: Мадонна, стоявшая в нише, воздев руку, указала на небо... и громко запели они Ave Maria и со звуком последним все трое навеки заснули!

Хотели положить их всех вместе в одной

общей могиле, рядом с могилой ребенка, — их сына и брата. Опустили сначала гроб рыцаря, внука Геноле[16], потом его дочери, за ними и сына. После всех собрались нести гроб кроткой Марии, но стал так тяжел он, что не было силы поднять его с места.

Было то в старые, старые годы!

Приказал тогда руанский епископ похоронить ее тут же в замковой церкви у алтаря, и как перо стал легок гроб, когда опускали его в эту могилу. На нее положили плиту со словами Христа:

«Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас!»

После смерти последнего из потомков Геноле в этом замке поселилось аббатство Св. Матфея. Долго находилось оно там, пока наконец замок не стал заметно разрушаться, и вскоре почти совсем разрушился. Уцелела от него только одна башня «Анна». Храм же, где была погребена Мария, обрушился давно, и там, где по преданию находилась ее могила, бьет светлый ключ — «Ключ скорбящих», как называют его старые люди. Говорят, что сначала он бил высокой и обильной струей, и

что какой-то священник в белой одежде, каждый день в полдень, являлся сюда петь молебны, и много стекалось в развалины людей, истомленных, скорбящих, униженных и смущенных духом, и все получали здесь исцеление; недаром сохранилась на надгробной плите надпись:

«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас!»

Но время шло. Вместо разрушенного храма, где свободной бил волною ключ и извивался среди развалин, возвышается часовня. Но священник в белых ризах не приходит сюда служить молебны, и меньше и меньше стекается народа искать облегчения. Надгробная плита со словами Христа исчезла, да и ключ стал не тот: тихо и вяло струится он в своем новом, выложенном мрамором ложе.

Но не смерть здесь царить, а кипит новая жизнь.

Над могилой Марии и «Ключом скорбящих» цветут розы; вся часовня утопает в сирени, акации и яблонях; весной здесь поет соловей, зимой ветер рассказывает свои старые сказки.

Память о прошлом встает из могил —
здесь ее царство, — тихое царство.

СРОСШИЕСЯ ДЕРЕВЬЯ

В серых пустынных ландах за Брестом, в старые годы возвышался замок. Стоял он среди гладкой пустыни, лишенной почти всякой растительности и открытой всем ветрам.

И всегда-то невеселы эти серые лайды, но особенно грустное чувство возбуждают они, когда летнее сверкающее солнце неумолимо жжет их бурые кочки и сохранившиеся до настоящего времени развалины замка с зияющими черными отверстиями вместо окон, заливают ярким светом своим и запыленный словно выжженный, замковый двор, и даже глубокий ров, заросший крапивой, бурьяном и польнью.

Но из самого сердца этих развалин поднимаются два необыкновенно стройных, высоких дерева — платан и липа; плотно срослись они корнями, а ветви их так сплелись между собою, что трудно развить даже сорванную ветку. На далеком расстоянии видны эти деревья, — единственная жизнь среди мертвой, словно Богом выжженной пустыни.

Вот что рассказывает о них предание.

Когда-то очень давно жила в замке угрюмая и гордая вдова графа де Гралона со своим единственным сыном, Даниэлем. Мальчик был тихий, болезненный, и детство его проходило очень одиноко и печально. Целые дни просиживал Даниэль у узкого окна своей башни и смотрел на зеленые верхушки деревьев сада, единственного во всем околотке. Сад этот принадлежал вдове одного из жителей бурга и был очень красив и велик, заканчиваясь с одной стороны большим, заросшим лозняком прудом, по обеим сторонам которого шли густые аллеи из каштанов, тисов, сирени, яблонь, поросшие снизу вереском и плющом. Кое-где между аллеями выдавались полянки с изумрудной зеленью, шелковистой, тонкой травой, среди которой пестрели и кивали своими розовыми, желтыми, лиловыми головками всевозможные луговые цветы. По саду бегала и резвилась пятилетняя дочь хозяйки — Синт, как звали ее все окружающие, уменьшая имя Гиацинты.

Надоела графине меланхолия ее маленького сына, и она всячески старалась развеселить его. Раз позвала она его в большой зам-

ковый зал и, показывая ему на портреты его гордых предков, закованных в латы, и их жен, в узких белых платьях, с огромными шляпами на головах, спросила его:

— Неужели не гордишься ты тем, что принадлежишь к такому знатному роду, и не хочешь продолжать их дела?

— А что же это за дело?

— Они бились с неверными и славились, как гордые и знатные властители Бретани!

— Что же это за дело, — быть властителем Бретани?

Рассердилась угрюмая графиня де Гралон, — не умела она объяснить сыну, чем, собственно, он должен был гордиться, хотя и чувствовала необходимость внушить ему родовую гордость.

— Ты вечно сидишь каким-то сиднем у окна своей башни и Бог знает, о чем думаешь! — сказала она недовольным голосом. — Лучше бы перечитывал историю Бретани, что прислал тебе в подарок святой отец!

— Мне трудно читать: я еще плохо разбираю, и мне хочется погулять вон в том саду, оттого-то я и сижу у окна и смотрю на дере-

ВЪЯ.

Послала графиня за вдовой бюргера и сказала ей:

— Мой сын, граф де Гралон, желает гулять в вашем саду.

— Я живу вдвоем со своей пятилетней дочерью и буду очень рада принять в нашем саду молодого графа! Мы беспокоить его не станем, — пускай гуляет себе на здоровье!

Поморщилась графиня от этих простых слов необразованной женщины, но делать нечего, — пустила к ней Даниэля: не было другого сада на милую кругом.

Сначала Даниэль приходил в сопровождении целой свиты и часами угрюмо сидел под деревом, но затем свиту перестали отпускать с ним, а слуга, что должен был находиться при нем неотлучно, предпочитал гостиницу бурга прекрасному саду, и Даниэль мало-помалу был предоставлен самому себе или, лучше сказать, хозяйкам сада. Очень дичился он сначала, но маленькая Синт вскоре так подружилась с ним, что дети стали почти неразлучны, и даже в глухую зиму Даниэль и Синт целые часы проводили вместе в саду. Графиня

совсем не стесняла мальчика, находя, что на воздухе он становится и крепче, и здоровее.

Прошло несколько лет, и вот маленькая Синт не только выросла, но и стала настоящей красавицей; Даниэль, ее верный товарищ детства, не уступал ей ни в красоте, ни в ловкости, и детская дружба их незаметно росла вместе с ними и превратилась в неизменную всепоглощающую любовь.

Умерла мать Синт, и пришлось им расстаться: молодая девушка уехала в Париж к единственному своему родственнику, старому дяде, а ее дом и сад купила графиня де Гралон для своего Даниэля. Но юноша ни разу не заглянул туда: его родные ланды, замок и даже дом и сад Синт казались ему такой страшной пустыней, что не мог он оставаться тут и стал просить свою мать отпустить его ко двору французского короля: где же, как не там, следует находиться потомку такого знатного рода?

Уехал Даниэль, и осталась его мать в полном одиночестве; целыми днями ходила она по своим пустынным залам, и эхо разносило по всему замку гул ее звонких шагов.

Прошло еще несколько лет. Известия тогда доходили медленно и лишь случайно, но все же знала графиня, что из сына ее вышел доблестный воин: бился он бок о бок с рыцарем-королем[17] и в Италии, и в Пиренеях, и наконец делил плен своего сюзерена в Испании. Целыми днями ходила графиня по своим пустынным залам и не переставала думать о своем Даниэле.

Но вот достигла радостная весть до замка в серых ландах: вернулись и король, и Даниэль из Испании. А затем вскоре пришла и другая весть, — женился граф; сам король был сватом, и пышно отпраздновали свадьбу при дворе.

Какую герцогиню, из какого королевского рода выбрал он себе в супруги? Кто невестка гордой графини де Гралон? Бедная маленькая Синт, дочь хозяйки соседнего сада! Затаила свою злобу графиня и стала готовить замок к приезду молодых.

Весело звонили замковые колокола в один теплый сентябрьский день, извещая соседей о приезде Даниэля с красавицей-женой. Сама гордая мать его вышла навстречу молодым и

на пороге замка, согласно обычаю, подала им по золотому кубку с вином, — только в кубке Синт заключался сильнейший на свете яд.

Не захотел Даниэль пить из своего кубка и, отдавая его матери, сказал:

— Вы наша мать и повелительница, вам принадлежит первое место в этом замке, и первый кубок на пороге его надлежит выпить вам; мы же с Синт разделим второй: муж и жена должны делить все пополам!

И с этими словами, смеясь, выпил он половину, а другую выпила Синт.

Побледнела графиня, но промолчала.

К вечеру стояли в парадном зале замка два гроба, а вдоль стен гордые рыцари и гордые дамы с ужасом смотрели из своих рам на это страшное дело.

Звонко раздавались шаги преступной матери: ходила она по опустевшему на веки замку, и люди в страхе отворачивались от нее.

Торжественно похоронили молодого графа в замковой часовне, а бедную Синт, как не принадлежавшую к знатному роду, в ландах, у окна часовни. Положила кормилица Дани-

для ветку платана в его гроб, а священник —

ветку липы в гроб Синт, и выросли из гробов их платан и липа. Тянулся из часовни платан, тянулся, пока ветви его не разбили окна и не сплелись с ветвями липы, а затем срослись и стволы обоих деревьев.

Преступная мать недолго пережила свое злое дело, и давно лежит она далеко от замка в серых ландах, где похоронили ее согласно ее желанию.

Никто никогда уже не жил в замке со дня ее смерти; шаги ее неумолчно и звонко раздавались по залам и пугали даже самых смелых из наследников. Мир с того времени постарел на несколько сот лет; замок превратился в груды развалин, но окрестные жители даже до сих пор слышат еще звонкие шаги по каменным плитам обрушившихся зал, и до сих пор еще оба сросшиеся дерева растут и покачиваются над этой пустынею, и до сих пор еще существует в народе поверье, будто сорванный с них листок оставляет на сорвавшей его руке неизгладимое пятно.

Сад Синт уничтожен, — его вырубил, и теперь на его месте, на берегу пруда, стоит мельница. Годы быстро и незаметно, как лет-

ние тучки, проносятся над этими серыми ландами и темными развалинами. Сгладят они понемногу и следы старинного сказанья, повергнут в прах и оба сросшиеся дерева, — но новая жизнь разовьется в этом царстве смерти и разрушенья, хотя нам и не суждено ее видеть.

ЗАМКОВЫЙ ОСТРОВ

Остров, называемый Замковым (Île du Château), находится на севере Бретани, у самого входа в Порт-Бланк. Северная часть его представляет собой величественные скалы из серого гранита, покрытые густым сосновым лесом, среди которого до сих пор еще виднеются развалины не то огромного замка, не то каких-то укреплений с таким множеством фронтонов и с такими неизмеримыми трубами, что они кажутся целыми башнями; не верится как-то, чтобы это были развалины одного только замка.

Южная часть острова имеет низкий песчаный берег, служивший в прежние годы кладбищем, где хоронили тела утопленников, выброшенных морем на отмель.

До сих пор виднеются здесь кое-где грубые деревянные и каменные памятники. Остатки стены у самого берега указывают, что и тут когда-то была постройка, — всего вероятнее, церковь или часовня, от которой не осталось никаких воспоминаний.

На всей этой части острова лежит какая-то

печать смерти: кое-где лишь пробивается здесь чахлая травка; камни, размытые вечным морским прибоем, точно отполированы и совершенно обнажены; они лишены даже обыкновенного украшения, которым наделяет море все прибрежные валуны и скалы, — гирлянд зеленых и белых водорослей.

Много преданий ходит в народе об этом острове и особенно о его старом кладбище, на котором лет пятьдесят-шестьдесят уже никого не хоронят.

Так, например, местные рыбаки уверяют, что в каждую рождественскую ночь сюда приплывает таинственная лодка, и на берег высаживаются какие-то молчаливые люди и, пройдя некоторое расстояние вдоль берега, исчезают на старом кладбище. Много новых песчаных бугров появляется на нем в эту ночь.

— Это утопленники целого года! — говорят рыбаки. — Мы издаем их издали каждую рождественскую ночь, но не дай Бог встретиться с ними!

Один старик из Лониона рассказывал нам лично, что за несколько лет перед тем, нака-

нуне Рождества, он запоздал на рыбной ловле, а потому для сокращения пути стал править на Замокский остров, — переход тут короче. Поравнявшись с островом, он увидел лодку, освещенную странным голубоватым светом, а в ней пять человеческих фигур в белых клеенчатых плащах. Люди эти усердно гребли, но весла они держали все на один борт и гребли они в одну сторону, а потому лодка их не подвигалась вперед, а кружилась на месте. Испугался рыбак, даже волосы его стали дыбом, и он не только бросил управлять своей лодкой, но даже совсем оцепенел от ужаса; к счастью, ветер был противный, и его отнесло далеко от острова. Придя наконец в себя, он не захотел уж идти снова мимо этих людей, а потому повернул к стоявшему на якорю бригу, где были у него земляки-матросы. Его приняли на бриг, и, услышав его рас-

сказ, многие из матросов и даже сам шкипер захотели расследовать дело. С этой целью несколько раз спускали они лодку, но каждый раз овладевал ими какой-то непонятный ужас, и они возвращались назад, не пройдя и четверти пути. Между тем, голубоватая точка у острова светилась до самого утра.

Так-то и до настоящего времени прибрежные жители не перестают рассказывать целые легенды о Замковом острове и о старом его кладбище; до сих пор никто еще не отваживается ловить рыбу у его берегов или охотиться в его густом лесу.

Лет триста тому назад, однако, на остров приехал старый одинокий рыцарь и поселился в замке, в лесу. Когда был построен этот замок, никто не знал, — стоял он тут с давнего-давнего времени, и даже сам остров получил свое название лишь благодаря его существованию. Огромный, неправильный, с конусообразной крышей и множеством фронтонов и труб, он казался каким-то разбойничьим гнездом странной и неуклюжей архитектуры: ни одно его окно не соответствовало другому; на верхний этаж вела приставная

наружная лестница, а нижняя часть замка была похожа на какой-то мрачный погреб с каменным полом, с окнами без стекол и рам, но с железными ставнями.

И вот, в этом пустынном, странном замке поселился рыцарь. Откуда явился он, никто не знал, и сначала каждый сторонился его, — недобрая ходила о нем молва. «Видно, подружился он с нечистой силой, что уживается один на этом острове!» — говорили о нем люди. Но время шло, и все окрестные жители стали привыкать к его появлению в прибрежных селениях. В праздники всегда ходил он в церковь и смиренно просиживал всю службу на самой отдаленной скамье; иногда заходил он в местную гостиницу порасспросить о новостях и, слушая рассказы, как будто дивился людским тревоблениям и бурям.

Однако, узнав случайно о каком-нибудь несчастье, приключившемся с кем-либо из местных жителей, он всегда охотно помогал, чем мог. Так, например, рассказали ему об одном несчастном арматоре, суда которого один за другим погибали, так что из достаточного человека он вдруг превратился в нищего, и

рыцарь купил очень хороший корабль, назвал его «Vonne Fortune»[18] и послал в подарок этому арматору, хотя сам никогда и не видел его.

Когда любопытные спрашивали рыцаря, откуда он родом, он отвечал всегда, что не стоит интересоваться таким великим грешником, каким был он, и что его родина находилась далеко за пределами его острова.

Таким образом он продолжал жить в полном уединении, и казалось, и на душе у него было так же сумрачно и тихо, как в его пустынных залах. Никогда и никого не приглашал он к себе на остров или в свой замок. Сначала попадались еще смельчаки, которые пытались было проникнуть туда, но рыцарь всегда встречал их на берегу или на дворе замка, и никому и никогда не удалось переступить его порога.

— Я живу, — говорил он тем, кто удивлялся, что он никого не принимает в своем замке, — с многочисленной семьей моих грехов и моих воспоминаний, и гостю показалось бы тесно в таком населенном замке.

В конце концов все привыкли к нему и к

его странностям, как привыкли к звону замкового колокола, раздававшемуся ежедневно при закате солнца; громкий звук этого колокола не заглушался даже грохотом бури и, прислушиваясь к нему, жители всегда говорили:

— Ну, вот звонит и замковый колокол; значит, садится солнце, — пора ужинать!

Звук этого колокола был такой густой, протяжный и торжественный, что все, кто бы ни услышал его, устремляли глаза к небу и читали короткую молитву.

Но вот, раз, накануне Рождества, в полночь донесся из замка такой необычайно громкий, протяжный и торжественный звон, что трое из самых храбрых жителей Порт-Бланка решились отправиться на остров, чтобы во что бы то ни стало попытаться проникнуть в замковую церковь и вблизи послушать ее чудесный колокол.

Сказано — сделано! Смельчаки очутились на острове.

Целый день шел снег, и дорога была совершенно белая; снегом задушило и скалы, и леса. Было совсем еще темно, хотя встававшая

луна и серебрила уже края облаков. Торжественные, гармоничные и густые звуки колокольного звона неслись навстречу троим смельчакам. Они шли наудачу, — на свет, и подошли к часовне, стоявшей не вблизи замка, а на другой стороне острова, посреди кладбища. Часовня была ярко освещена и полна народа, который молился в эту рождественскую ночь в такой торжественной тишине и в таком молчании, что нашим смельчакам стало как-то не по себе. Впереди всех стоял рыцарь, и они заметили, что при виде их глаза его странно заблестали, и он, подойдя к ним, сказал:

— Благодарю, что пришли, но идите в замок: здесь вам покамест не место!

При этих словах вдруг свечи погасли, и все исчезло.

Новоприбывшие очутились в полной темноте среди каких-то развалин, так что едва-едва пробрались между ними на дорогу и дошли, наконец, до замка.

На нижнем этаже в полутемном зале, освещенном восковыми свечами, стоял черный гроб, а в нем лежал рыцарь и как будто улыба-

нулся при виде вошедших. Миром и тишиною веяло от лица покойного. Полная луна смотрела в оконные отверстия, — все окружающее утопало в ее голубом сиянии, и кругом царила мертвая тишина. Только мерный, торжественный звон колокола раздавался откуда-то издалека, точно с неба.

Так кончил жизнь свою этот таинственный рыцарь, а из тех троих смельчаков ни один не дожил до следующей рождественской ночи. Колокол же перестал звонить с самого дня смерти рыцаря и исчез бесследно.

Похоронили рыцаря на самом берегу моря. И теперь еще возвышается там курган, под которым положили его тело, и кто был он, так и осталось неизвестно. Кругом все пусто и мертво, выгоревшая трава едва покрывает землю; ветер с шумом и воем разгуливает на просторе.

Снова стоял замок, по-прежнему загадочный и пустынный; никто никогда не жил в нем с тех пор, никто не живет и теперь, но в каминах многочисленных необитаемых комнат вьют свои гнезда ласточки; а в трубах на крыше с первых весенних дней и до поздней

осени чирикают и попискивают целые населення воробьев и синиц; в опустелых же залах благодушно разгуливают стаи голубей. Все это пернатое царство летает вокруг мрачных развалин и оживляет их, нарушая торжественную тишину смерти и заглушая даже шум моря.

Осенью же и зимой, когда пернатое население покидает остров, море удваивает свою бурную жизнь: кипит и бурлит оно неумолчно, нарушая сон природы и мешая окончательно воцариться здесь смерти.

КРОВАВЫЙ БАРОН

На севере Бретани, у самого моря, по дороге в Порт-Верж стоял когда-то старинный замок, от которого давно уже не осталось ни следа. Тем не менее, старые старики из среды окрестных жителей все еще помнят мрачные развалины разрушенного замка. Особенно хорошо помнят они огромные подземелья, где одно время думали было устроить казенные таможенные склады или запасной арсенал. Но замок стоял на плоском побережье, в таком месте, где прилив наступает с необыкновенною быстротою и хватает очень далеко, а потому мысль эта вскоре же была совсем оставлена. Подземелья эти с течением времени совсем затянуло песком и илом, и теперь их, пожалуй, даже и не найти, сколько ни разрывай берег. Замок этот носил название «Кербеннес», по имени исконных его владельцев.

Последним отпрыском этого рода был мрачный Ивон Кербеннес, — «Кровавый барон», как звали его в Бретани. Много ходило слухов о его жестокости и об ужасах, совер-

шавшихся в его замке, и никто, при таком соседе, не мог считать себя в безопасности. Но весь страх соседей перед Ивоном был ничто сравнительно с тем ужасом, который овладел ими, когда вдруг распространился слух о смерти младшего его брата, еще юноши, будто бы застигнутого на берегу приливом, а в действительности найденного рыбаками во время отлива в прибрежных камышах, с привязанными к ногам гирями. Времена тогда были крутые: над Бретанью тяготела рука страшного Людовика XI, женившего сына своего на единственной наследнице бретонского герцога, Анне, почти против ее воли. Барон Ивон Кербеннес пользовался большим расположением любимца Людовика, известного Оливье, и всегда мог рассчитывать на его покровительство, а потому никто не посмел поднять дела о смерти юноши. Но в народе с тех пор прозвали Ивона «Кровавым бароном», и каждый думал только о том, как бы не попасться ему на глаза.

Вскоре после гибели брата задумал Ивон жениться и к стати вместе с тем округлить и свои владения, порядком уже округленные

благодаря смерти младшего брата. Принялся Ивон разъезжать по соседним замкам, высматривая себе невесту, но как-то ни одной не находил себе по мысли. Из страха всюду принимали его с большими почестями, и мысль об отказе никогда не приходила ему в голову, — лишь бы невеста оказалась ему по вкусу.

Но вот узнал он, что у одного богатого соседнего дворянина была единственная дочь, — необыкновенная красавица. Брак с нею показался ему подходящим во всех отношениях и, не раздумывая долго, послал он сватов.

— Клотильда посвятила себя Богу и на днях уезжает в монастырь, — отвечал сватам отец молодой девушки.

Остолбенел от удивления Ивон, узнав об этом ответе, вскочил на лошадь, помчался, не помня себя, и как ураган ворвался во двор к соседу, — бретонскому дворянину. Почтенный старик вышел к нему навстречу и вежливо пригласил его в свой дом.

— Я хочу видеть дочь вашу и от нее от самой узнать решение моей судьбы, — прогово-

рил Ивон, задыхаясь от злости.

Клотильда вышла к нему, и ахнул барон от восторга, — никогда еще не видал он такой красавицы: сама Мадонна, казалось, сошла с полотна и стояла пород ним.

Выслушал Ивон ее отказ и засмеялся.

— Даю вам обоим три дня на размышление, — сказал он и уехал.

Через три дня явился он снова с вооруженной шайкой, но Клотильды нигде не оказалось, хотя Ивон со своими людьми тщательно осмотрел все углы и закоулки большого дворянского дома. И как ни пытал он отца Клотильды и его слуг, так и не узнал он, куда она скрылась. В досаде и злости приказал тогда Ивон перевязать обитателей замка и поджечь его со всех четырех сторон.

Так прошло года два, и вот, донесли ему, что Клотильда живет у своей тетки, аббатисы монастыря в Понт-Круа, и скоро должна произнести обет полного отречения от мира. Не теряя времени, поскакал Ивон в Париж, уверил Оливье, будто обе монахини участвовали в заговоре бретонских патриотов, стремившихся передать Бретань Максимилиану Ав-

стрийскому, и без труда добился приказа арестовать их.

Когда привезли монахинь в Париж, старую аббатису подвергли допросу и пытке. Невыносимо тяжело было Клотильде сознавать себя хотя бы и невольною причиною гибели своего отца и страданий старой тетки и, наконец, согласилась она выйти замуж за Ивона.

— Отпустите на свободу мою тетку, и я соглашусь быть вашей женой, — сказала она Ивону.

Обрадовался Ивон, обещал исполнить ее просьбу и на третий же день пышно отпраздновал свою свадьбу, на которой присутствовал сам Людовик XI. Свадьба пришлась как раз в Иванов день.

На другой день после свадьбы спросила Клотильда о своей тетке, но оказалось, что Кровавый барон на радостях забыл отдать приказание о прекращении пытки, и старушка уже умерла.

Ничего не сказала Клотильда своему мужу и во всю свою недолгую жизнь не сказала с ним больше ни одного слова, не бросила на него ни одного взгляда. Тем не менее, Ивон

любил ее как безумный, и чем грустнее и бледнее становилась она, тем сильнее разгоралась его страсть и с тем большим наслаждением он ее мучил.

Ровно через год, в Иванов же день, родилась у них дочь, и Клотильда не прожила и пяти минут после ее рождения.

— Одна жизнь приходит на смену другой, — сказала она, улыбнувшись в первый раз со дня своего замужества.

Но улыбка эта была обращена не к Ивону: как жила Клотильда, так и умерла, не бросив на него ни взгляда, не сказав ему ни слова.

В отчаянии диким зверем кидался Ивон по своему замку, богохульствовал, кричал, бился головой о стены, но было поздно.

Еще мрачнее стал Ивон после смерти своей жены. Крепко-накрепко заперся он в своем замке и жил в полном уединении, почти никуда не выезжая и никого к себе не принимая. Все свое время проводил он с маленькой дочкой, — второю Клотильдой.

Опасаясь, как бы кто-нибудь не восстановил ее против него, рассказав ей о судьбе ее матери и обо всех совершенных им ужасах и

жестокостях, он охранял ее, как коршун стережет свою добычу, и всем, жившим в доме, было строжайше запрещено заговаривать с нею во время его отсутствия.

Так девочка росла одна-одинешенька, бледная и грустная, и как ни трудно было ей узнать историю своей матери, но, видно, и у немых стен являются иногда уста, и вторая Клотильда, подобно покойной, никогда не могла смотреть на Кровавого Барона без ужаса и отвращения.

Долго ждал Ивон ласки от своей дочери, наконец, начал терять терпение. Он не мог не любить ее всеми силами своей души, и в то же время как будто начинал и ненавидеть ее и постоянно искал случая чем-нибудь досадить ей и как-нибудь выместить на ней свою душевную муку и тоску. Но Клотильда была так ко всему равнодушна и холодна, что все усилия его, казалось, разбивались о ее холодность.

Время шло, и вторая Клотильда выросла такую красавицей, что, несмотря на весь ужас, внушаемый соседям Кровавым бароном, в замок начинали наведываться жени-

хи. Ревниво следил за своею дочерью Ивон, — хотелось ему выдать ее хорошо замуж, и в то же время он приходил в ярость при мысли, что кто-нибудь другой мог получить то, чего не мог добиться от нее отец, — ее привязанности. Но как пристально ни следил он за нею, Клотильда по-прежнему оставалась неизменно равнодушна и холодна.

— Знаешь ли Клотильда, что граф Руанский присылал к тебе сватов?

— Что же, батюшка, вы ведь ответили уже, как нашли нужным.

— Да, я отказал им.

— Вот и прекрасно.

— Вот, горбун-маркграф Магдебургский за-слал разведчиков, не отдам ли я тебя за него замуж. Это отличная партия, и я охотно согласился бы, если бы ты не была против него. Говорят, все горбуны очень злы, но ведь ты, конечно, сумеешь с ним поладить.

— Если вам угодно, чтобы я вышла за этого маркграфа, я послушаюсь вас, батюшка.

Но и маркграфу отказывал Ивон, — боялся он, что Клотильда будет счастливее даже и за таким мужем, чем в своем родном доме, и что

даже злой горбун будет видеть от нее больше приветов, чем родной ее отец.

Но вот, с тревогою в душе начал он замечать, что Клотильда как будто совершенно изменилась: не осталось в ней ни прежней холодности, ни прежнего равнодушия: веселее расхаживала она по замку, непринужденнее беседовала с приезжавшими гостями, охотнее принимала участие в празднествах и увеселениях, устраивавшихся в соседних замках.

«Что это могло так изменить ее?» — с ревнивою тревогою спрашивал себя барон, но ничего не мог доискаться.

Кроме погибшего так ужасно младшего брата, была у Ивона еще сестра, — единственное существо, которое никогда не могло поверить, чтобы он оказался способен на такое низкое вероломство. Она была вдова и на смертном одре поручила Ивону своего единственного сына, — круглого сироту. Мальчика звали Луи ле Ренн. Луи под влиянием матери сначала обожал дядю, один только никогда не боялся его и выказывал ему полное доверие. Зол и жесток был Кровавый барон и с ра-

достью смотрел, как тряслись перед ним все, с кем ни приходилось ему встречаться, но со смерти жены его преследовали такая тоска и такое чувство одиночества, что доверие и привязанность мальчика тронули даже и его черствое сердце. По мере того, как подрастала Клотильда, в сердце отца ее рядом с безграничной любовью росла и крепла такая же безграничная ненависть к ней. Ничего подобного не чувствовал он к своему племяннику: любовь его к нему становилась все нежнее, крепче; на него возлагал он все свои надежды, в нем видел наследника своих родовых земель. Пока Луи и Клотильда были еще детьми, глядя на них, Ивон не раз мечтал, что со временем он соединит их браком и после смерти своей нераздельно передаст им все свое богатство.

Но с тех пор, как Клотильда оттолкнула его своею холодностью, Кровавый барон уже не мечтал выдать ее замуж за двоюродного брата, а надеялся найти для Луи другую богатую и знатную невесту. Правда, Луи, превратившись в юношу, тоже сильно изменился: по-прежнему бесстрашно держал он себя пе-

ред своим дядей, но уже не показывал ему прежнего привета и ласки.

«Мальчик превращается во взрослого мужчину», — с удовольствием и гордостью думал о нем Ивон, полный уверенности в его неизменном доверии и преданности.

Раз, сидя у окна своей спальни, услышал Ивон в саду голоса своей дочери и племянника, совсем и не подозревавших его присутствия. Молодые люди так были увлечены своей беседой, что, отбросив всякую осторожность, говорили громко и без стеснения.

Луи ле Ренн уверял Клотильду в своей любви к ней и умолял ее согласиться бежать с ним и тайно обвенчаться в какой-нибудь глухой деревушке, так как отец ее, этот безжалостный, жестокий человек, конечно, ни за что не согласится выдать ее за него замуж.

— Нет, лучше смерть, чем обман! — отвечала Клотильда. — Я люблю вас, Луи, — люблю, как никого в мире, но, поверьте, не суждено нам счастье на земле. Подумайте, могут ли надеяться на счастье дочь Кровавого барона, осыпаемого проклятиями всех бретонцев, дочь матери, с тоскою и ужасом ожидавшей

рождения своего ребенка? Уезжайте поскорее из этого давно уже ненавистного вам замка, пока и с вами не случилось какой-нибудь беды, и предоставьте меня моей печальной доле. Вы не можете облегчить ее своим присутствием здесь, в замке. Может быть, со временем Кровавый барон решится-таки выдать меня замуж за какого-нибудь пьяного, безобразного, жестокого и злого рыцаря, и я уеду, наконец, из этого ужасного замка, не буду больше слышать стонов и воплей, раздающихся из его подземелий, и перестанут осаждать меня видения загубленных отцом людей. Вот самое счастливое, что может ждать меня в жизни. Но всего вероятнее, что суждено мне до конца дней моих остаться в этом замке свидетельницей всего того, что происходит в этом страшном месте. Уезжайте же, Луи, пока не постигла вас беда. Сердце мое не будет знать покоя, пока не очутитесь вы за стенами этого замка.

Молча слушал барон их речи и почувствовал в груди какой-то жестокий холод. Он не пришел в бешеную ярость, как бывало это с ним обыкновенно, не кричал, не буйствовал.

Засмеялся только Кровавый барон и тихонько вышел из комнаты.

На другое утро позвал Ивон к себе свою дочь и племянника и сказал им:

— Дети мои, я становлюсь стар, и пора уже подумать о том, как бы пристроить тебя наконец, Клотильда. Не желая расстаться с тобою, долго колебался я в выборе для тебя мужа, но теперь наконец нашел я благоприятный выход: я решил взять себе в зятя тебя, Луи ле Ренн. Наследственный замок твой недалеко отсюда, и я надеюсь, что вы не забудете старика и не станете покидать меня надолго.

В первый раз Клотильда подняла взор на отца и без чувств упала к его ногам: радость чуть не убила ее. Луи ле Ренн на коленях благодарил дядю за все, что тот сделал для него.

Кровавый барон торопил свадьбой дочери, и была она назначена в Иванов день, — день рождения самой Клотильды.

Все время перед свадьбой жених и невеста не расставались друг с другом. Оба они блистали молодостью и красотой и сияли счастьем. Одна только Клотильда по временам бледнела и вздрагивала, словно проносилось

над нею предчувствие чего-то недоброго.

Наступило наконец и утро Иванова дня. Весело вошло июньское солнце, и праздничный звон колоколов далеко разносился по воздуху. Вся сияющая и радостная, вышла Клотильда в сад нарвать цветов для украшения комнат.

Здесь встретил ее Луи ле Ренн и, горячо обнимая ее, сказал:

— Теперь, дорогая моя, стоим мы с тобой на пороге нашего счастья.

Сжалось вдруг сердце Клотильды.

— Да, милый мой, — отвечала она печально, — мы стоим у порога нашего счастья, но дождемся ли его самого?

Но вот начали уже съезжаться и гости, и в замковой церкви все было приготовлено к празднованию свадьбы. Молодые девушки в белых платьях и с букетами роз в руках, весело болтая, толпой окружали невесту. Наконец, наступил и час, назначенный для венчания; наступил и прошел, а Луи ле Ренн не являлся за своею невестой. Так прошло до полудня. Наконец, уж и солнце стало склоняться на запад, а там и совсем уже скрылось в море,

а Луи ле Ренн так и не явился на свадьбу.

Никто не видал, чтобы выехал он из замка, а между тем, никто никогда не слышал о нем больше ни слова.

Так и исчез он бесследно, словно как в воду канул.

— И это дело рук Кровавого барона, — шепотом переговаривались окрестные жители и тихонько крестились.

Дня через два разнеслась еще новая вестъ. Клотильда исчезла из замка. Не сходя с коня, дни и ночи носился Кровавый барон всюду, разыскивая свою дочь; всех ее слуг и прислужниц допрашивал, пытал и казнил, но ничего не открыл, словно расплылась она в воздухе, как туман с наступлением жаркого дня.

Еще мрачнее стало в замке, еще реже решались люди приближаться к Ивону. Днем и ночью бродил он по своим пустынным залам, и тяжелые шаги его распугивали всех обитателей замка, спешивших поскорее убраться с дороги, чтобы не попасться ему на глаза.

С ужасом рассказывали слуги, что целыми ночами слышат они какие-то вопли и стоны, раздающиеся из подземелий замка. Наконец, раз уже днем услышали они какой-то отчаян-

ный крик или стон и, когда спустились они вниз, чтобы узнать, в чем дело, они нашли окровавленное тело Ивона, распростертое на полу.

Эта таинственная смерть еще более напугала последних обитателей замка, — все они разбежались и, если бы не замковый капеллан, то некому было бы даже похоронить Кровавого барона. С тех пор не только никто не соглашался жить в замке, но каждый избегал даже проходить мимо него, и замок стоял пустынный и дикий, грозный и зловещий, как память о самом Ивоне, — Кровавом бароне Кербеннесе.

Много страшных рассказов и преданий ходило об этом замке. Рассказывали, что загубленные Ивоном люди, — жертвы его жестокости и злобы, — по ночам привидениями бродили по опустевшим залам и мрачным подземельям, оглашая воздух громкими жалобами и стенаниями, между тем, как замок мрачно и хмуро чернел на берегу моря в сумраке ночи, упорно храня скрытые в стенах его неразгаданные тайны.

Но каждый год, как раз в Иванов день, в

окнах замка с утра мелькала фигура женщины, и звонкое эхо пустых покоев далеко разносило звук шагов ее по каменным плитам пола. Женщина обходила весь замок, и фигуру ее можно было видеть во всех окнах, на всех открытых лестницах и переходах. Она появлялась даже в старом заглухшем саду и долго бродила среди цветущих когда-то цветников. С наступлением вечера она опять исчезала на целый год. Говорили, будто Ивон заложил в стенах замка какой-то богатый клад, который мог даваться в руки тому, кто найдет его, только в Иванов день, и что привидение женщины, появлявшейся в замке, было приставлено сторожить его. Мало кто из окрестных жителей решался попытать счастья и идти доискиваться клада, да и те, что ходили, не успевали приняться за разборку вековых каменных стен, раз раздавались в замке звонкие шаги таинственной женщины, и они в ужасе бросали начатое дело и бежали домой. Так прошло пятьдесят лет. И вот, в ночь под Иванов день разразилась над тою местностью такая страшная гроза, какой никто не запомнил. Молния ударила прямо в за-

мок, и он сразу воспламенился, точно его подожгли со всех четырех сторон.

К утру от замка остались лишь обгорелые стены. Но когда огонь окончательно потух, и окрестные жители с любопытством и страхом толпились на пожарище, кто-то из смельчаков, разгуливая среди развалин, вдруг заметил в стене какую-то зияющую впадину, обнаружившуюся благодаря развалившимся камням.

«Клад!» — мелькнуло, как молния, у него в голове, и, придя немножко в себя от волнения, он принялся торопливо разбирать стену. Скоро открылся перед ним глубокий тайник, а в нем — труп молодого рыцаря, казавшийся совсем окаменевшим. Юноша словно спал глубоким сном, так сохранились его лицо, одежда и даже роза на груди.

Все толпою собрались смотреть на покойного, и никто не мог узнать его: даже самые старые старики не помнили такого рыцаря. Но тут вдруг вышла из толпы высокая старуха.

Давно жила она в соседнем бурге, ни с кем не знаясь, и никто не мог сказать, откуда она

явилась, и потому-то, может быть, окрестные жители слегка побаивались ее, а некоторые даже считали колдуньей.

Подошла она к трупам и вдруг, упав на колени, воскликнула:

— О, мой Луи, Луи ле Ренн, наконец-то я нашла тебя, дорогой мой жених! Нашла в Иванов день, — день, назначенный для нашей свадьбы!

Тут старуха замолкла и склонилась над трупом. Подошли люди и хотели было помочь ей подняться, но это уж было не нужно: Клотильда, дочь Кровавого барона, умерла.

Долго любила она и долго страдала и, наконец, душа ее обрела покой.

Люди подняли тела и понесли их в церковь. Церковные двери были отворены настежь, оттуда доносились торжественные звуки органа. На возвышении рядом поставили оба гроба, — Луи ле Ренн и Клотильда рядом покоятся и на деревенском кладбище. Могила их давно уже густо заросла вереском, который, разрастаясь, уничтожил даже разделявшую их узенькую тропинку.

Когда похоронили их, новая яркая звездочка

ка загорелась в небе над их могилами, как уверяют окрестные жители, и особенно ярко светит она в Иванову ночь.

Много светляков зажигают в эту ночь свои лампадки в густом вереске Клотильдовой могилы. Все кругом дышит миром и тишиною, и редко доносится сюда даже звук случайных шагов.

СОКОЛ

Среди живописных скал Аррейских гор, в густом сосновом лесу и до сих пор стоят еще развалины одного очень старинного замка. Никакой проезжей дороги к нему не существует да, вероятно, не существовало и прежде: узкая, извилистая горная тропка — единственный путь сообщения замка с внешним миром. Тропка эта, извиваясь среди леса, пересекает множество горных ручейков, проползает под высокими нависшими скалами, по краю глубоких обрывов и приводит наконец к старинным почерневшим развалинам, открывающимся взгляду путника почти лишь в ту минуту, как очутится он перед их воротами.

Кроме рога заблудившегося охотника да отдаленной свирели пастуха, загоняющего вечером своих коз, ни одного человеческого звука не раздастся в этой лесной чаще.

Во дворе замка эта заброшенность и запустение еще резче бросаются в глаза: кажется, одни только совы да привидения обитают в этих почерневших и полуразрушенных баш-

нях. Исчезли рогатки и подъемный мост; высохшие рвы заросли сорными травами; на полуосыпавшихся бастионах густеет шиповник. Средняя часть замка не имеет уже крыши, а по стенам его свободно вьется дикий виноград и плющ.

Лет триста тому назад поселился в этом замке старый, израненный в боях рыцарь. Был он одинок и беден, и только привратник замка, старая охотничья собака да сокол разделяли его уединение.

С соколом никогда не расставался старый рыцарь, и где бы ни появлялся он, — на плече его всегда сидела эта умная птица и строгим, пронзительным взором смотрела на все окружающее.

Сам рыцарь редко спускался со своих высоких скал, но в долине и соседнем местечке, теперь тоже совершенно уже покинутом, привыкли встречать его привратника с собакой, и досужие кумушки частенько расспрашивали его о бедном старом рыцаре: было то в диковинку в этой глухой местности, что владелец замка не разбойничал, не обижал и не угнетал жителей соседних селений.

Неохотно отвечал на эти расспросы неразговорчивый привратник, — больше отмалчивался, да переминался с ноги на ногу и гладил жавшуюся к нему собаку.

Старого рыцаря звали Роже де Понтарек, и был он исконным владельцем этой местности. Старики из соседней деревушки помнили еще тот день, когда он, молодой и красивый, сажился на своего коня, на долгие годы расставаясь с родным своим замком.

Было время, когда герцог Гиз, сам могущественный герцог Гиз, приезжал в Бретань и даже одно время жил в своем замке, недалеко от гор Арре. Здесь, вдали от всякого селения, в глуши, на самом берегу моря, возвел он мрачное здание со страшными запорами и железными решетками в окнах. Это была так называемая зала суда, где судили гугенотов. На высоком помосте сидели судьи и допрашивали подсудимого, привязанного внизу гораздо ниже их. Тут изрекали они свой приговор, и осужденного постепенно по покато́й доске спускали прямо в море.

Так поступил герцог Гиз и с отцом Роже, когда мальчику было еще не более пятнадца-

ти лет. Опасаясь, как бы и сына не постигла та же судьба, старый служитель его отца спрятал его на своей ферме, недалеко от замка, и не мог найти его герцог Гиз, как ни искал: ни один бретонец не выдал бы сына Генриха де Понтарека его врагам!

Поселился юный Роже на ферме, в глубокой цветущей долине, среди гор Арре, в уютном, чистом домике верного слуги своего отца. Часто сиживал он под большим развесистым каштаном, посаженным в этой долине еще его прадедом. Обыкновенно сидел он тут с Дунвель, дочерью фермера, погруженный в великие планы: мечтал он прославиться, стать знаменитым рыцарем, отомстить герцогу Гизу и жениться на Дунвель.

Дунвель посмеивалась над Роже и не верила ему, но он твердо надеялся, что когда-нибудь все это сбудется.

Так жил он в цветущей долине, и маленькое, гордое сердце его часто билось от нетерпения в ожидании исполнения его великой детской мечты, — мщения герцогу Гизу.

Через три года после ужасной смерти отца сказал себе Роже, что настала, наконец, пора

действовать: ему было уж восемнадцать лет, а Дунвель исполнилось шестнадцать.

— Вот уж и осень, — сказал он ей, — слышишь, как шумит ветер в ветвях нашего каштана? Он зовет меня с собою в даль, на славный подвиг, на битву с бичом гугенотов — Гизом!

— Нет, послушай лучше, что говорит каштан, — возразила Дунвель, — он говорит, что лучше подождать до весны, когда вновь зазеленеют его листья, — теперь же не перенести ему разлуки с тобой. Смотри, — он плачет, слушая твои слова, и с голых ветвей его каплют горькие слезы!

— То капли дождя, а не слезы, Дунвель.

— Поверь мне, осенний дождь — те же слезы, Роже. Подожди до весны!

Но и сама Дунвель не дождалась новой весны: стояла ясная, морозная ночь, и звезды ярко горели на темном небе, когда подъехала к замковой церкви погребальная колесница с ее телом. Роже верхом встретил ее гроб у калитки кладбища, а затем исчез, исчез бесследно из цветущей долины, и верный слуга его отца лишился в тот день обоих своих детей.

Уезжая, Роже взял с собою только молодого сокола, что все лето приручал он для Дунвель, — на кого покинул бы он теперь свою птицу?

Пустился Роже странствовать по белу свету вместе со своим соколом, но где бродил он, — это осталось для всех неизвестно. Между тем, герцог Гиз недолго пережил Генриха де Понтарека и кончил жизнь свою от руки убийцы, сын же его мало думал о Бретани, и опасность, угрожавшая бретонским гугенотам, миновала. Ничто не мешало теперь молодому Роже открыто поселиться на родине, и старый верный слуга уже надеялся, что не пройдет года, как вернется Роже в свой наследственный замок.

Но проходили дни, недели, месяцы, годы, а он все не возвращался.

Еще раз подъехала к замковой церкви погребальная колесница, и на этот раз привезла она тело верного слуги Понтареков, — священник один встретил тело, а Роже так и не вернулся.

Прошли еще многие, долгие годы. Сын герцога Гиза, как и отец его, также пал от руки

убийцы, а о Роже не было ни слуху, ни духу: двери и окна его замка были наглухо заколочены, и жил в нем один только дряхлый привратник.

Но вот, раз, возвращаясь из церкви, заметил привратник, что главная дверь замка стоит, открытая настежь. Он вошел и увидел седого, сгорбленного, полуслеплого старика с соколом на плече. Вернулся наконец Роже в свой наследственный замок, бледный, больной, израненный. Никому не сказал он, откуда явился и что делал он в эти долгие годы, но сокол по-прежнему сидел у него на плече и, заглядывая ему в глаза, задумчиво чистил свой клюв.

Прошло еще несколько лет, и Роже почти совсем ослеп. В один прекрасный день опять сел он на своего коня и, с верным соколом на плече, отправился в Париж искать исцеления от слепоты. Дошли до него слухи, что настали наконец лучшие времена, и гугеноты без опасения могли показываться даже в Париже.

Грустный и одинокий среди шумного города, печально сидел он у окна своей комнаты в Париже и прислушивался к шуму, доносив-

шемуся к нему с улицы. Там слышался топот бегущих людей, крики и звон оружия. Встрепенулся Роже: то, казалось ему, были победные крики, — крики гугенотов, для которых настал наконец день освобождения. Волнением и радостью забило сердце Роже; не мог усидеть он на месте, — схватил он свой меч и, спотыкаясь, ощупью спустился с лестницы. Там окружила его густая толпа и понесла с собою из улицы в улицу. Кругом него люди сталкивались и бились, раздавались молитвы и проклятия, звенело оружие, и Роже, слепой старик, не чувствуя своей слепоты и дряхлости, вместе с другими неся вперед, размахивая своим мечом. Казалось, глаза его прозрели, и перед ним, за окружавшей его толпой, открывалась просторная, залитая солнечным сиянием площадь: там не было уже ни свалки, ни смятения, его собратья, гугеноты, одержали победу и торжественно водружали высокий белый крест. И старик Роже, полный восторга и радости, спешил туда, — к этому символу вечной жизни и освобождения, а верный сокол не переставал кружиться над его головой.

Не успело еще склониться к западу солнце, как улицы Парижа были затоплены кровью и загромождены телами убитых гугенотов, и между ними лежал старик Роже, а верный сокол, сидя на фронтоне соседнего дома, не спускал глаз с тела своего убитого господина.

Ночью подобрали тела убитых, нагрузили их на барки и спустили вниз, по Сене, до земляных бастионов Парижа. И вдоль берега бежала тревожная толпа людей, потерявших своих близких в этот злополучный день междоусобной резни в Париже, когда пришло известие об убийстве доброго Генриха IV, — толпа, спешившая вперед, чтобы поискать их тел среди убитых; туда же несли и сокол, не отставая от зловещей барки.

Но вот, барка пристала к берегу, тела убитых были вынесены и положены рядами на зеленом побережье, и люди, прибежавшие вслед за баркой, с горем и слезами стали разыскивать своих близких. Многие узнавали своих родных и друзей и брали их с собою, чтобы похоронить в отдельной могиле, но много осталось тел, никем не признанных, и всех их должны были похоронить вместе в

общей могиле.

Среди этих непризнанных тел лежало и тело Роже де Понтарека, но верный сокол, узнав его, спустился прямо на грудь своего господина.

— Эта птица узнала своего хозяина! — с удивлением говорили люди.

— Нельзя хоронить этого старика в общей могиле, — решили все, — у него был верный друг, не покинувший его даже в смерти и прилетевший вместе с другими искать его тела.

И для Роже приготовили отдельную могилу, но было трудно опустить в нее его тело, — сокол с отчаянной смелостью защищал труп своего господина.

Долго потом видали там эту странную птицу, — неподвижно сидела она на высоком белом кресте, поставленном на безвестной могиле. Но миновало лето, и к зиме вернулся сокол в замок Понтареков, и, увидя его, старый привратник понял, что не стало его господина. С тех пор сокол всюду неотступно летал за привратником и его собакой, но никогда не садился к нему на плечо и никогда не влетал

в комнату своего старого друга.

Умер привратник, и сокол стал летать за его собакой, а когда и собаки не стало, он один оставался жить в пустом замке и целыми днями сидел на высокой стене и серьезно смотрел вдаль.

Не одна сотня лет прошла с тех пор. Замок стоит необитаемый, род Понтареков пресекся. Каждая осенняя и зимняя буря грозит сокрушить его ветхие стены, но внутри него кипит шумная жизнь: веселые скворцы давно поселились в его башнях, а ласточки прилепили вдоль стен свои гнезда. Только сокол, как говорят, по-прежнему одиноко сидит на высокой стене, и окрестные жители уверяют, что это все тот же сокол, что принес когда-то весть о смерти Роже де Понтарека.

Осенью и зимой печально завывает ветер в развалинах замка и в вершинах деревьев старого, заглохшего парка, словно поет он безотрадную похоронную песню. Но зато весной и летом куда как привольно в густой, заросшей чаще! Всякой Божьей твари кишит здесь видимо-невидимо, и от зари до зари неумолчно звенит веселый птичий гам. И ни-

кого не пугает здесь тень старого сокола, что
одинокó сидит на высокой стене ветхого зам-
ка и задумчиво смотрит вдаль.

КИПАРИС

На большой проезжей дороге, ведущей от Кемпера к Черной горе, виднеются развалины старинного замка или дома с башнями, остроконечной кровлей и рвом, через который когда-то был перекинут подъемный мост. Развалины окружены густой зеленой чащей, — видимо, остаток большого сада, спускающегося к пруду, давно уже успевшему превратиться в болото. Чаща эта — любимое местопребывание грачей, отчего и все это место получило название «Грачиного гнезда».

Еще в царствование Анны Бретонской, бывшей женою Людовика XII, в Грачином гнезде поселился старый французский дворянин по фамилии ла Круа. Приехал он с женой и целой свитой слуг; а сколько навезли они всякого добра, — так это было даже удивительно!

Принялся ла Круа устраивать Грачиное гнездо, — украшать замок, разводить сад... И как раз посреди сада посадил он ветку кипариса.

— Зачем посадил ты кипарис? — заметила

ему жена. — Это дерево растет очень медленно, и мы с тобою так уже стары, что нам, конечно, не суждено видеть его даже небольшим деревцом. Наш же единственный сын, дорогой наш Жозеф, вряд ли когда-нибудь заглянет сюда после нашей смерти: он не променяет корабля на замок, жизнь моряка — на жизнь помещика.

— Что нам загадывать так далеко? Я надеюсь, что кипарис все-таки вырастет настолько, что даст по хорошей ветке для наших гробов. Пускай же он растет себе на здоровье, пока не погибнет последний потомок нашего рода.

— Нехорошо класть такой завет, когда сажаешь дерево, — с неудовольствием возразила госпожа ла Круа, и разговор прекратился.

Прошло еще несколько лет, и Господь призвал к себе и старика, и его жену. В один и тот же день при торжественном звоне колоколов вынесли их тела из замковой часовни и понесли на кладбище, и на гробах действительно красовались две кипарисовые ветви. Покойников провожали все бедняки околотка, — очень уж были они добры ко всем нуж-

дающимися и несчастным.

Дом заколотили, и сад понемногу совсем заглох, но кипарис продолжал расти и зеленеть, несмотря на все это запустение.

Вскоре дошло известие, что сын стариков, Жозеф ла Круа, вернулся-таки из морского плавания, но с корабля проехал прямо в королевский дворец, не заглянув даже в опустевший свой замок, а вслед за тем узнали и о том, что он женился на графине де Латур, самой красивой и богатой из придворных дам, у которой было столько наследственных замков по всей Франции, сколько было деревьев в саду Грачиного гнезда. Так и забыл маркиз де ла Круа свой родной дом и сад, где одни только грачи несметными стаями носились над деревьями и криком своим нарушали торжественную тишину. Кипарис же рос и зеленел по-прежнему.

Прошло лет двести, и даже память о ла Круа почти совсем исчезла среди окрестных жителей; замок по-прежнему стоял мрачный и суровый среди зеленой чащи заглохшего сада, грачи по-прежнему носились несметными стаями, и кипарис рос и зеленел как и в ста-

рые годы. Но в замке была новость: приехал домой маркиз де ла Круа, последний потомок старого французского дворянина, посадившего в саду своем зеленый кипарис. Приехал он верхом в сопровождении одного только слуги; в замке же не нашел он никого, кроме пастуха, жившего там со своею собакой. Ни о каких богатствах теперь уже не было и помину.

Этот маркиз де ла Круа был уже человек пожилой, но здоровый и сильный, а притом и разгульный. Целые дни проводил он на охоте, гоняясь за лисицами и зайцами и топча при этом поля соседних фермеров, за что постоянно судился и столько переплатил пени за травы, что окончательно разорился. В замке запустение было ужасное: все покоилось под густым слоем пыли, всюду насела паутина, стекла были повывбиты, крыша кое-где совсем провалилась. В давно запущенном и наконец совершенно заглохшем саду репейник да лопух вытеснили все садовые цветы; бузина и терновник заглушили поросль молодых деревьев. Один только кипарис рос и зеленел по-прежнему.

Прошло несколько лет, и маркиз де ла

Круа умер, опившись на свадьбе какого-то фермера, и в самый день его похорон приехал новый владетель Грачиного гнезда, сын только что скончавшегося маркиза. Тут только узнали соседи, что маркиз был женат и имел сына, бледного тщедушного юношу с монашески смиренным лицом и очень хитрыми глазами.

— Я скромный учитель в частной школе, — говорил он о себе вкрадчивым голосом.

— Ехидный змееныш, — говорили о нем знавшие его люди.

Новый владелец сдал свое Грачиное гнездо в аренду за самую незначительную плату: все было в таком страшном запустении, что усадьба уже почти ничего не стоила, и владелец, не зная, как прожить на эти деньги, снова уехал в Париж и потонул там в волнах городской суеты, и с тех пор о нем уж никто ничего не слышал, кроме его арендаторов, с которых он аккуратно требовал арендную плату. Но по-челому-то арендаторы его сменялись очень часто, — никто из них не возобновлял контракта, и в народе стала ходить о Грачином гнезде недобрая слава. Стали поговори-

вать, что в замке нечисто, и что тень старого ла Круа не дает покоя обитателям замка. Рассказывали, что целыми ночами разгуливает она по саду, стучит палкою в окна дома, а кипарис, начавший как-то уже засыхать, до того скрипит, раскачиваясь даже без ветра, что в доме никто ни на минуту не смыкает глаз до рассвета.

Вскоре не нашлось уж больше охотника арендовать замок даже за самую ничтожную плату, и кое-какие поправки, сделанные было арендаторами, опять развалились.

Так и остался стоять замок в полном запустении. Грачи по-прежнему несметными стаями носились над деревьями и криком своим нарушали тишину заглохшего сада, но кипарис заметно состарился и засыхал.

Прошло еще лет двадцать, и опять в Грачиное гнездо явился новый владелец, — сын учителя, молодой поэт Жозеф де ла Круа. Это был юноша с нежным лицом и восторженным взглядом голубых глаз. Одет он был очень странно: платье его напоминало туннику, на голове носил он бархатную шапочку с золотыми цепочками, а голубой шарф, пере-

кинутый через плечо, поддерживал роту[19]. Поэт дни и ночи бродил по окрестностям и мелодичным голосом пел свои импровизации. Но это не давало ему средств к жизни, и пришлось бедному юноше снова вернуться в Париж, в свою мансарду, — к холоду и голоду большого города, но зато и к золотым надеждам и снам.

Годы шли, и дорога, пролежавшая мимо Грачиного гнезда, становилась все более и более многолюдной. Наконец, один из жителей соседней деревни, человек сметливый и предприимчивый, решил воспользоваться старым домом и, заручившись согласием бедного поэта, открыл в его родовом замке гостиницу «Грачи».

Дела трактирщика шли прекрасно, и он разжился на славу: погонщики мулов, фермеры, огородники, мелкие торговцы по целым дням засиживались в ветхом, почерневшем зале нижнего этажа, распивая сидр и вино. Иногда наезжал сюда и иной проезжий люд: купцы, монахи, бароны и другие важные господа. Им обыкновенно отводили верхние покои старого замка, — там было спокойнее, так

как туда не достигали шум и пьяные голоса обычных посетителей «Грачей». Но зато наутро почти каждый из переночевавших в верхних комнатах замка спрашивал хозяина:

— Что это за страшный шум слышится в твоём саду, и кто это стучится в окна? Просто нет возможности заснуть спокойно.

— Это старый кипарис, скрипит в саду, в окна же стучится ветер.

— Срубил бы ты этот старый кипарис, а то, право, даже как-то жутко становится.

Но вот, в одну Рождественскую ночь, когда в гостинице не было никаких знатных приезжих, в нижнем зале собралась большая компания обычных гостей. На дворе разыгрывалась страшная буря, а потому никому из присутствующих не хотелось уходить домой: дрова весело трещали в камине и бросали высокое, светлое пламя; в комнате казалось и тепло, и уютно.

Хорошенькие служанки разносили сидр и вино; смех и шутки не прерывались ни на минуту. Было уже около полуночи.

Но вдруг все смолкли: дверь с шумом распахнулась настежь, и все обратили в ту сторо-

ну взоры, ожидая появления какого-нибудь нового посетителя. Но в комнату ворвался лишь сильный порыв ветра и погасил свечи.

— Поди, затвори скорее дверь! — сказал хозяин одной из служанок.

Она затворила дверь и вернулась наливать сидр. Но не успела она взяться за кружку, как дверь снова распахнулась.

— Какая же ты неловкая! — сказал ей хозяин; пошел, сам затворил дверь, осмотрел, плотно ли вошла она, и даже щелкнул щеколдой.

— Ну, вот это так действительно называется запереть дверь! — сказал он, возвращаясь на прежнее место.

Но не успел он еще дойти до скамейки, на

которой обыкновенно сидел, как дверь уже снова стояла настежь.

— Да тут, верно, вмешался сам черт! — проговорил, смеясь, один из гостей, фермер, отличавшийся необыкновенной силой.

Он встал и сам захлопнул дверь, а чтобы пришлась она еще плотнее, изо всей мочи уперся в нее спиной. Однако дверь в ту же минуту распахнулась снова и с такою силой, что бедный фермер, получив толчок в спину, отлетел, как перо, и почти без чувств повалился посередине комнаты. Все, бывшие в зале, испугались, переполошились и бросились его поднимать.

Но тут часы пробили полночь.

С последним ударом часов в распахнувшуюся дверь вступила похоронная процессия и медленным шагом направилась через весь зал между рядами оцепеневших гостей.

Впереди шел старик, одетый в широкий плащ, с большою кипарисовой веткой в руках; за ним двое людей несли открытые носилки, на которых покоилось бездыханное тело молодого человека; в ногах его лежала разорванная голубая перевязь, а на ней —

разбитая рота. В конце шествия шел человек

и на бархатной подушке нес шапку менестреля.

Процессия в полном безмолвии прошла во двор замка, и при лунном свете ясно было видно, как скрылась она в развалинах маленькой часовни. В ту же минуту налетел новый ужасный порыв ветра и ударил в замок, словно собирался он сорвать с него кровлю, и не то стон, не то грохот, глухой и протяжный донесся из сада: то рухнул старый кипарис.

В следующую же минуту ни души не осталось в гостинице, и даже сам хозяин убежал к соседям.

На другой день, несмотря на праздник, трактирщик до вечерней зари вывозил из замка свои вещи. Он закрыл гостиницу «Грачи», и замок снова заколотили наглухо.

Собрались дать знать об этом поэту, но оказалось, что накануне Рождества, около полуночи, бедный поэт умер в Париже, в своей мансарде, от холода и голода.

Перед смертью грезилось ему, что стоял он среди своего зеленого прадедовского сада, и прекрасная муза венчала его кипарисовым венком.

До революции замок стоял в полном запустении, и только грачи несметными стаями летали и кружились над ним и криком своим нарушали безмолвие заглохшего сада, где кипарис не зеленел уже по-прежнему, и где на месте его торчал старый гнилой пенек.

Якобинцы устроили было здесь свои собрания, но затем почему-то сожгли замок, и остались от Грачиного гнезда одни почерневшие стены да обгорелые стволы деревьев; даже сами грачи улетели.

Но от корней деревьев пошли новые побеги, на выжженных местах трава зазеленела еще ярче, и в несколько лет заглохший сад разросся еще гуще прежнего и скрыл в своей чаще обуглившиеся старые развалины, и грачи снова летают и кружатся над старым домом и наперерыв оглашают воздух своим криком, словно спеша перекричать друг друга. Но от кипариса не осталось уже ни следа. Неизвестно также, где схоронили и поэта. Но не умерла вместе с ним его песня, — из поколения в поколение поют ее жители окрестных деревень, и все знают, что эта песня молодого поэта, — последнего владельца Грачи-

ного гнезда. Это он заронил когда-то зерно, которое возшло потом на благодатной народной ниве.

ДВА БРАТА

В Финистере есть одна очень красивая долина, простирающаяся почти до самого моря. Она пересекается множеством холмов и холмиков, или заросших густым лесом, или же испещренных маленькими деревушками. Живописная проселочная дорожка вьется между засеянными полями, по временам скрываясь в рощицах и яблочных садах; то пробирается она между папоротниками по руслу весеннего потока, то взбирается на высокие холмы.

Множество хорошеньких бретонских домиков разбросано там и сям по долине; целые деревушки приютились под сенью утесов и холмов и весело выглядывают из густой зелени. Очень приятно ходить по этим дорожкам и любоваться синим морем, расстилающимся у самых ваших ног.

Говорят, что в старину, во времена Крестовых походов, на двух самых высоких холмах этой долины стояли два совершенно одинаковых замка, о которых давно уже нет и помин; холмы уже заросли таким густым лесом,

что через него трудно даже пробраться, и если в нем и скрываются какие-либо развалины, то их там и не разыскать теперь.

В одном из этих замков жил со своим семейством один родовитый бретонский барон; другой же замок стоял до поры до времени заколоченный и представлял собою его «дополнение». У владельца замков было два сына, а потому нетрудно было ему и наделить их поровну, так как и земли-то при замках считалось по равному количеству.

Отправился барон в крестовый поход и оставил свою семью на долгие годы, отчасти повинувшись призыву своего сюзерена, отчасти же надеясь приумножить свое состояние новой добычей. Но на деле оказалось, что вернулся он домой ни с чем, если не считать маленькой сарацинской девочки, которую привез он в торбе, притороченной к седлу: крестоносцы на глазах самого барона убили всю семью, к которой принадлежала девочка, и только барон, сжалившись над ней, тихонько заслонил собою колыбель, где спал этот невинный ребенок, и так спас его от смерти, а потом уже волей-неволей пришлось ему забо-

титься об этой девочке и возить ее за собою в торбе, притороченной к седлу.

Жене барона давно уже хотелось иметь дочь, но она никак не могла дожидаться этого счастья, а потому очень обрадовалась и этой посланной Богом девочке. Ее окрестили в христианскую веру и назвали Марией.

Очень полюбили муж и жена красивую тихую девочку: не меньше их полюбили ее и оба сына: они баюкали ее на коленях, карабкались для нее на деревья и под крышу за птичьими гнездами, собирали раковины на морском берегу и всячески забавляли ее.

Когда девочка подросла, мальчики и тогда не расставались с нею, и жена барона не нарадовалась, глядя на дружбу обоих братьев с их названой сестрой.

Но годы шли за годами, — старый барон давно уже покоился на кладбище под великолепным монументом, мальчики успели превратиться в юношей, Мария — в красавицу-невесту.

Собирался новый крестовый поход, и в замке шли большие приготовления: мать и Мария с утра до вечера сидели за работой, вы-

шивая седла; конюхи объезжали коней, оруженосцы приводили в порядок и чистили оружие.

Пришел тогда к Марии старший брат и сказал ей:

— Скоро уж уезжаем мы, Мария, и Бог ведает, когда вернемся, если только суждено нам когда-нибудь вернуться домой. Береги нашу мать, в случае же какой-либо опасности дай знать нашему дяде: он хотя и стар, и изувечен в боях, но сумеет еще защитить вас и никому не даст в обиду.

— Зачем говоришь ты мне это, милый брат? Разве мало для нашей защиты одного Генри? Раз ты в походе, — он должен быть дома.

— Нет, дитя, Генри, так же как я, должен повиноваться своему сюзерену, и мы уедем с ним вместе через неделю.

— Генри должен повиноваться своему сердцу: он нежен душой и не покинет женщин одних, без защиты, на такие долгие годы.

Удивился старший брат, но промолчал и пошел к младшему брату.

— Мария уверена, что ты не пойдешь с нами в крестовый поход, — сказал он ему. — Как бы нам разубедить ее в этом?

— Да я и действительно не пойду в поход, — отвечал ему брат, — не тянет меня вдаль и не хочу я оставить одних нашу мать и Марию.

Побледнел старший брат при этом ответе; и сам он готов был положить душу свою за Марию, но тут только понял он, почему остается дома Генри, понял, что он и Мария любят друг друга и рады его отъезду. Ни слова не сказав об этом матери и затаив в душе свою тоску, весело простился он со всеми и пустился в путь с первым же отрядом крестоносцев.

Генри и Мария остались в замке одни. Почти все время проводили они вместе, гуляли по замковому парку, выходили в лодке в море. Мать видела, что любят они друг друга, и радовалась этой любви, хотя и грустно было ей, что из-за нее сын ее не исполнил своего долга вассала.

Через год вернулся домой старший брат, — вернулся славным рыцарем, но приехал он ненадолго: оказался неудачен этот крестовый

поход, и французский король снаряжал уже новое войско.

Много рассказывал он Марии и брату о Палестине, обо всяких заморских диковинках и обо всем, что случилось ему видеть и слышать. Младшему брату было немного обидно, что ничего такого не видал он, просидев этот год в своем замке.

— Как много узнал ты за это время, и сколько всего пришлось тебе видеть! — вздыхая, говорил он старшему брату.

— Поедем со мною в Палестину, и сам ты столько же узнаешь и увидишь, — отвечал ему брат. — Право, стыдно тебе сидеть дома в то время, как все другие идут биться с врагами Христа.

— Нет, я останусь в родном замке с Марией: не могу я оставить ее здесь одну, когда замкам нашим со всех сторон угрожает столько врагов: теперь и пираты со стороны моря, и разбойники со стороны леса пользуются беззащитностью семейств крестоносцев и беспрепятственно нападают то на тот, то на другой замок.

— Ну, так иди ты, а я останусь с матерью и

Марией: король отпустил меня домой, и ты заменишь меня в этом походе.

— Нет, поезжай ты, я же люблю Марию и останусь с нею.

Вздыхнул старший брат и опять, по первому же зову своего сюзерена, ушел в Палестину. Младший снова остался с Марией, и опять целые дни прогуливались они по замковому парку и вместе выходили в лодке в море.

Но вот протрубил герольд, сзывая новых крестоносцев. Сидели Генри с Марией на берегу моря и слушали его призыв. Лето стояло во всем разгаре. Солнце так и пекло, деревья поблекли от жара... Выслушал Генри призыв герольда, и вдруг потянуло его туда, в Грецию, в Малую Азию, в Палестину, о которых рассказывал ему столько чудес его старший брат.

Сказал он об этом Марии. Побледнела она при его словах, но ничего не могла возразить ему. Сказал он об этом и матери, и мать отвечала, что давно уже ожидала этого.

Снова начались в замке приготовления к отъезду. Мария сквозь слезы вышивала для Генри седло, конюх объезжал коня, оружено-

сец чистил оружие.

Когда все было готово, Генри простился с Марией, обещая ей вернуться через год и через три дня после возвращения сыграть свадьбу.

Все затихло в замке после его отъезда. Целыми днями Мария безмолвно сидела на берегу или на своей высокой башне и смотрела вдаль.

Прошел год, прошел и другой, и третий, а Генри все еще не вернулся. Но вот, раз вечером затрубили трубы, опустили подъемный мост, и стража радостно салютовала копьями, встречая рыцаря. Все выбежали к нему навстречу. — Мария впереди всех... Но это был старший брат.

— Где же Генри? — спросила она его вместо приветия.

— Генри едет вслед за мною и будет здесь завтра к закату солнца.

— Жду я его уже целых два года, и мое венчальное платье совсем пожелтело.

— Боюсь, Мария, что оно распадется в куски прежде, чем наденешь ты его на свою свадьбу с Генри.

Побледнела Мария, сердце ее замерло, и едва проговорила она прерывающимся голосом:

— Ты обманываешь меня, — верно, Генри к нам уж не вернется.

— Что ты, Мария? Завтра же будет он здесь. Но спроси его ты сама, когда же будет ваша свадьба.

Рассердилась Мария, и много горьких и неразумных слов наговорила она старшему брату. Ни минуты не захотел он оставаться в этом замке и перешел в старый замок, стоявший заколоченным многие годы.

На другой день вернулся и Генри. Мария кинулась к нему навстречу. Ласково поздоровался он с нею и равнодушно отвернулся, отдавая приказания, куда поставить коней, и спеша в замок брата.

— Любишь ли ты меня по-прежнему? — допытывалась Мария, как только остались они вдвоем.

— Да, я люблю тебя, — отвечал ей Генри, — у тебя такое доброе сердце, и ты так предана мне. Но больше всех на свете люблю я одну молодую девушку, которую я спас от смерти

несколько месяцев тому назад.

Молча взглянула на него Мария, хотела встать, но пошатнулась и упала на руки старшего брата, вошедшего в ту минуту в комнату.

Долго проболела Мария, но наконец оправилась и, призвав к себе обоих братьев, просила Генри рассказать ей всю правду.

— Шел я раз по берегу моря в Греции, — сказал он ей, — и смотрел на горы. Смотрел я на Парнас с его снегами и думал о тебе, о матери, о нашем замке... Но вот, невольно взглянул я на море и увидел недалеко от берега лодку. Стал я машинально следить за лодкой, — и вдруг набежала волна, лодку сильно качнуло, и девушка, сидевшая в лодке, упала в воду. Я кинулся к ней на помощь и вынес на берег девушку небесной красоты. Она была без чувств. Я делал все, что мог, чтобы привести ее в чувство, но все усилия мои, казалось, ни к чему не приводили. Как безумный, рыдал я над нею, как безумный, целовал ее и, наконец, согретая моими объятиями, она вздохнула и открыла глаза. Бережно донес я ее до ближайшей хижины, где жили какие-то

рыбаки, и тут я узнал, что это была дочь пирата Аксанио. Сообщив мне об этом, рыбаки посоветовали мне поскорее убраться оттуда подобру и поздорову, пока не случилось со мною какой-либо беды. Слова эти показались обидны рыцарю-крестоносцу, и я медлил. На меня уже никто больше не обращал внимания, кроме молодой девушки, а она упрашивала меня уйти и не возвращаться, пока она не позовет меня. Наскоро сказал я ей, кто я, и ушел. С тех пор я не видал ее, но чувствую, что в целом мире никого не могу я любить так, как люблю ее. Ты похожа на нее, Мария, постарайся же вытеснить образ ее из моего сердца.

— Я люблю тебя, Мария, — говорил ей старший брат. — Генри изменил тебе, — постарайся забыть его.

— Нет, я не изменю ему: он никогда больше не увидит своей гречанки, я же буду всегда возле него, могу ухаживать за ним, любить его, отдать за него жизнь!

Между братьями завелась глухая вражда, Мария же тихо гасла и увядала, видя, что Генри не может забыть своей гречанки, и что она

сама — причина вражды между братьями.

Прошел год, и не выдержал Генри: уехал он разыскивать ту девушку, что спас он от смерти там, на берегу прекрасного моря, у подножия Парнаса.

— Прощай, — сказал он Марии, — если я не найду моей гречанки, то вернусь домой. Жди меня ровно через год и три месяца, и тогда можешь выбирать себе в мужа любого из нас: меня или брата.

Он поцеловал ее, и она улыбнулась ему на прощанье.

Ровно через год вернулся он, но вернулся не один, а с прекрасной гречанкой, которую когда-то спас от верной смерти. Привез он ее не как пленницу или рабыню, а как свою невесту и будущую госпожу своего замка.

Долго смотрела на нее Мария и должна была сознаться, что более красивого лица она не видала на свете.

— Как я счастлив! — сказал Генри Марии. — Сбылось то, о чем я не смел и мечтать. Рада ли ты за меня?

Молча поцеловала его Мария, и показалось ей, что сердце ее разорвется от боли.

Пришел к ней и старший брат и спросил:

— Хочешь, я отомщу за тебя брату? Пусть Суд Божий решит это дело: я вызову его на поединок.

— Нет. Возможно ли, чтобы брат поднял руку на брата? Неужели захочешь ты быть Каином? Поклянись мне, что в душе своей не станешь питать вражды против брата!

Поклялся старший брат и ушел из замка с твердым намерением исполнить свою клятву.

Дня через два весело звонили колокола в замковой церкви: то Генри венчался с прекрасною гречанкой. Было шумно и весело на свадебном пиру, — недоставало на нем только Марии. Как ни искал ее старший брат, ее нигде не оказалось. Матросы со стоявшего поблизости корабля рассказывали, что в то время, когда звонили в замке колокола, над замком поднялось странное розовое облако и понеслось к облакам, плывшим в небе.

С тех пор братья жили каждый в своем замке и очень редко видались между собою. Не было между ними вражды: свято хранили они завет Марии, но тень ее всегда стояла

между ними.

Говорят, что в замковом парке более ста лет жила какая-то невиданная белая кукушка, и так печально куковала она, что нельзя было слушать ее без слез.

От обоих замков давно уже не осталось никакого следа, нет и следа также от парка: давно уже разросся он в густой дикий лес. Но в лесу этом и до сих пор еще не переводятся белые птицы, — то кукует там белая кукушка, то стонет белый голубь, сидя на развесистом дубу у самого того места, где стоял когда-то замок Генри.

Так говорят, по крайней мере, в народе.

Может статься, оно и правда, а может статься, и нет.

ТАИНСТВЕННЫЙ ЗАМОК

Говорят, что в одной из цветущих долин горной Бретани стоял когда-то в старые годы большой укрепленный замок и даже скорее крепость, чем замок, — с зубчатой стеной, рвом и бойницами. Этот замок при последнем его владетеле, Луи де Шаталэн, вместе с ним ушел в землю, когда мрачные дни для Бретани миновали. Дорога в эту долину совсем исчезла — все о ней забыли, и до поры до времени не найти ее ни пешему, ни конному.

Отец Луи, граф Гильом де Шаталэн, живя в своем замке, не принимал участия в тех междоусобицах, что раздирали Бретань во время Столетней войны — отчасти благодаря его родственнице, Жанне де Монтфорт, призвавшей себе на помощь англичан. Англичане, не стесняясь, хозяйничали в Бретани, и это сильно не нравилось всем истинным бретонцам. Не нравилось это и графу де Шаталэн, который заперся в своем замке и выходил сражаться лишь с отрядами, угрожавшими его собственным владениям.

Граф давно овдовел и сам воспитывал своих трех сыновей, а в доме распорядилась старая графиня, его мать, очень гордая женщина, но любившая горячо своих внучат, особенно младшего, Луи. Был это очень странный мальчик, с бледным, словно прозрачным личиком и глубокими голубыми глазами. С раннего детства все окружающие думали, что мир для него слишком тесен, и что уйдет он от житейского зла в монастырскую келью. Не хотел сначала и слышать об этом отец Луи, но затем и он помирился с этой мыслью. Все время мальчики проводили, играя и забавляясь в огромных залах замка, где по стенам развешены были портреты предков, или же разгуливая и резвясь в большом парке, примыкавшем к самому замку. Но Луи не любил ни гулять, ни играть с братьями и целыми часами просиживал под развесистым платаном в своем парке и слушал рассказы старой бабушки обо всем, что только она знала, — о городах и людях, о море, кораблях и животных.

— Когда вам исполнится семнадцать лет, внуки мои, — говаривала старая бабушка, — вы наденете стальное вооружение рыцарей, и

отец отвезет вас или ко двору французского короля, или в какой-нибудь военный лагерь, чтобы биться с врагами Бретани. Ты же, Луи, уйдешь молиться за твою несчастную родину.

Никого из братьев не тянуло так вдаль, как Луи, но не монастырь привлекал его, а горы и особенно море, которого он никогда не видал, но которое, со слов бабушки, казалось ему чем-то совершенно необыкновенным и восхитительным.

Но вот, исполнилось старшему брату семнадцать лет, и отцу волей-неволей пришлось везти его к своему сюзерену, французскому королю. Раз или два юный воин возвращался на короткое время домой, и младший брат всегда с жадностью принимался его расспрашивать, но старший брат говорил только о турнирах, битвах да осадах и ничего не рассказывал ему ни о простых людях, ни о море.

— Моря я так ни разу и не видал, а каких там еще нужно тебе людей? Ведь я же только и делаю, что рассказываю о наших битвах и празднествах.

Совсем не удовлетворяли мальчика эти рассказы старшего брата.

На следующий год уехал из дома и второй брат. Но он вскоре вернулся, навезя с собою множество книг и каких-то машин. Тут заперся он в своей башне, и густой дым днем и ночью так и валил из трубы его комнаты. Когда младший брат приходил к нему и спрашивал, что он делает, он всегда отвечал рассеянно:

— Ищу золота.

— Зачем оно тебе?

— Чтобы покорить мир.

Совсем не удовлетворяли эти слова младшего сына графа, и с тревогою смотрел он на бледное и сумрачное лицо брата.

Наконец, и самому ему исполнилось семнадцать лет, и повез его отец в монастырь, стоявший на самом берегу моря: там, думал он, юноше будет всего лучше, — не любит он ни войны, ни битв, ни турниров.

Солнце только что село, когда они подъехали к монастырю, и граф, переночевав и сдав сына настоятелю, на рассвете выехал в обратный путь, торопясь вернуться в свой замок, так как без него он не имел надежного защитника: старший сын был в отъезде, а второй, алхимик, оказался негоден для воен-

НЫХ ПОДВИГОВ.

Проводив отца, пошел Луи бродить по берегу моря. В первый раз в жизни видел он его. На море была сильная буря: волны так и ходили огромными валами, тучи черным пологом нависли над морем и землю, молнии так и сверкали в них среди раскатов грома и рева ветра. Смотрел Луи на эту картину и, казалось, сердце замирало в его груди, и душа росла от какого-то неиспытанного еще чувства, и с неодолимою силою потянуло его туда, в эту бушующую стихию, в полное жизни, неукротимое, бурное море.

Недалеко от берега стоял корабль; его страшно качало; вокруг него вставали высокие водяные горы, поминутно грозившие поглотить его, и он то скрывался за гигантским валом, то снова дерзко взлетал на самый гребень волн.

Охваченный непонятным волнением, не зная страха, не понимая опасности, смотрел Луи на эту картину, и захотелось ему пробраться туда, на корабль. На берегу была лодка, и Луи, не задумываясь, спихнул ее в воду: ему не раз случалось управлять лодкой, ката-

ясь по пруду своего парка, и он думал, что это все равно, что в море. Волны, бешено налетая, перекатывались через лодку, но Луи все держал вперед, настойчиво стремясь к своей цели. Но вдруг свет погас в его глазах; полный мрак окружил его, и он ничего больше не помнил.

Когда пришел он в себя, он лежал на палубе корабля, и девушка необыкновенной красоты поддерживала его голову. Видя, что он пришел в себя, она поцеловала его в лоб.

— Дай, Господи, чтобы человек этот остался жив, — сказала она.

Когда буря стихла, его отвезли на берег. Едва успел он ступить на мокрый песок прибрежья, как в монастыре зазвонили колокола, и Луи при звуке их вступил в обитель с тем, как думал он, чтобы никогда больше уж не покидать ее.

Вскоре узнал он, что на корабле этом находилась принцесса, невеста Эдуарда — английского принца. Она-то и приказала спасти безумного пловца и употребляла все усилия, чтобы вернуть его к жизни.

Эта чудной красоты принцесса поселилась

недалеко от монастыря, и с тех пор Луи часто видал ее и всегда с жадностью слушал все, что рассказывали о ней монахи.

Поселился Луи в монастыре с тем, чтобы навсегда отречься от мира, от мирских помыслов, суеты и тревог земной жизни, но чем дольше жил он в монастыре, чем больше видал всякого пришлого и захожего люда, чем больше смотрел он на бурное море с появлявшимися на горизонте кораблями и барками, — тем больше начинал он интересоваться людьми, тем сильнее начинало тянуть его к ним. Их земной мир казался ему куда прекраснее тихой обители: его тянуло в горы — взбираться на недоступные вершины, переправляться через ошеломляющие пропасти, бороться с бурями в сердитом море, проникнуть в неведомые страны! Он рвался душою к людям, и так хотелось ему побольше узнать о них и их жизни! Не раз принимался он спрашивать об этом монастырскую братию, но монахи и сами мало знали о земной жизни, а если и знали, то старались забыть, и ему советовали уклоняться от этого знания.

— Все тлен и суета сует в этом море житей-

ском! — уверяли его монахи.

Вскоре войска французской принцессы, Анны Хромой, тоже заявлявшей свои притязания на Бретань, осадили дворец, где поселилась спасительница Луи, и юноша не выдержал: бежал из монастыря, надел рыцарское оружие и очутился во главе защитников ее замка.

Принцесса узнала его и, встречая его, часто останавливалась, чтобы поговорить с ним, часто зазывала его в свои залы, называла его своим прекрасным пажом, своим верным защитником, и сердце Луи таяло и таяло от ласковых взглядов прекрасной принцессы.

Но вот, в одно прекрасное утро вошли в гавань вооруженные корабли английского принца Эдуарда, — в замке зазвонили в колокола, с высоких башен зазвучали рога, а на площадях появились войска с развевающими знаменами.

На другой же день принц Эдуард далеко отогнал войско Анны Хромой, осаждавшее замок, а вслед за тем была сыграна и свадьба прекрасной принцессы с английским принцем Эдуардом.

Глухою ночью, когда в замке все уже спали, один только Луи не спал. На сердце у него было смутно и скорбно; он тихо сидел у окна и думал свою тяжелую думу.

И вот из французского лагеря прокрался к нему старший брат: он дал ему нож и яд и умолял его освободить родину от власти англичан, убив в такой благоприятный момент английского принца Эдуарда.

Луи взял кинжал и подошел к комнате новобрачных. Часовые крепко спали, и он беспрепятственно прошел мимо них и осторожно отворил дверь.

Сердце Луи полно было горечи и вражды, и рука его крепко сжимала нож, готовясь нанести удар. Но взгляд его упал на кроткое лицо принцессы, головка которой мирно покоилась на груди принца, и рука его опустилась... Посмотрел он на небо, где разгоралась утренняя заря, потом на кинжал, данный ему братом, тихо вышел из комнаты и плотно притворил за собою дверь.

Через пять дней Луи был уже в родном своем замке. Никого не нашел он там из своих близких: старший брат его погиб в бою на

другой же день после их ночного свидания; второй, алхимик, переселился в соседний монастырь, где было ему удобнее искать свое золото; отца же и бабушки уже не было в живых.

Распустил Луи свою дружину, а сам, отрекшись от любви и счастья, посвятил себя на служение своей родине. Но не с мечом и ядом выступил он на ее защиту от врага: в платье трувера — народного певца — пошел он по родной своей Бретани будить в людях народную гордость.

«Вы слышите крики врагов? — пел он, переходя из селения в селение. — Леса повергаются во прах, и обнаженная земля исполнилась ужаса и отчаяния!

Мрачный покров Печали и Смерти простерся над нашею землей; холодный ветер проносится над нею, и Гибель летит на его крылах! Надежда и Мир словно совсем покинули нас!

Вы слышите крики врагов? Леса повергаются во прах и обнаженная земля полна ужаса и отчаяния!»

Так, из дома в дом и из селения в селение,

ходил он со своею песнью, воспламеняя отвагою и мужеством сердца бретонцев.

Когда миновала беда и Бретань снова зажила своей мирной жизнью, снова зазеленели ее поля, снова раздалась песня земледельца, вернулся Луи в свой укрепленный замок. Но в опустевших его залах свистел только ветер. Попробовал он взять арфу и запеть новые, мирные песни, но не мог: бросил свою арфу трувер, сел в самой высокой из своих башен и заснул крепким сном, а замок его ушел в землю.

Но всякий раз, как грозит Бретани какая-нибудь опасность, снова, говорят, поднимается из-под земли его замок, опять стоит он, неприступный и грозный, со своими высокими зубчатыми стенами и страшными бойницами, и снова раздается по Бретани песня проснувшегося трувера:

— Вы слышите крики врагов?

В последний раз видели замок при Наполеоне III, перед самой прусской войной, и тогда же явственно слышали песню Луи:

— Вы слышите крики врагов?

Но никто не обратил тогда на нее никакого

внимания, да и слышали-то ее пастухи, а мало ли что чудится им в горах!

Говорят, что Луи когда-нибудь проснется совсем и спросит бретонцев, куда делись их старые народные песни. И стыдно будет бретонцам, забывшим свою родную бретонскую речь.

КОЛОКОЛ

Недалеко от С. Бриё, в цветущей, вечнозеленой долине расположилась маленькая деревушка, утопающая в яблонях и розах; но вместе с тем, над нею высится с одной стороны почти отвесная голая гранитная скала, совершенно не гармонирующая с характером всей этой местности. На вершине скалы до сих пор еще виднеются не то развалины замка, не то какие-то друидические памятники. За скалою же опять тянется долина, заросшая душистым тихим лесом. Воздух в этой долине необыкновенно чист и прозрачен, и эхо нигде не раздаётся так звонко, как здесь. Жители деревушки уверяют, что по вечерам, особенно во время заката солнца, они слышат какой-то удивительный церковный звон, доносящийся до них из глубины леса.

— Это звучит небесный колокол бывших урсулинок, — говорят они с благоговением.

Действительно, лет четыреста тому назад в глубине рощи, по ту сторону гранитной скалы, стоял какой-то женский монастырь, кажется, урсулинок или кармелиток. Мона-

стырь этот был снесен по приказанию одного из последних Валуа, заподозрившего сестер в политических интригах.

Для наблюдения за всею этою, казавшеюся подозрительною, местностью, был устроен тут вместо него военный пост, но затем и он был упразднен, и благодетельная природа давно уже уничтожила все следы пребывания здесь человека. Но звон колокола, призывавшего когда-то урсулинок на вечернюю молитву, по уверению окрестных крестьян, все еще не перестает звучать в долине.

Как рассказывают, задолго до упразднения монастыря была там заключена одна из незаконных дочерей бургундского герцога, — замечательная красавица, отличавшаяся своим необыкновенно кротким нравом. Дни и ночи простаивала она на молитве, — все моля Бога отпустить ей ее невольный грех.

Давно уже полюбила она одного бретонского рыцаря, находившегося на службе при дворе герцога, ее отца, и не смела признаться в этом никому на свете. Когда, наконец, решено было, что самая подходящая для нее доля была монашеская келья, она стала упраши-

вать своего отца послать ее сюда, в монастырь урсулинок, стоявший в цветущей долине С. Бриё: знала она, что тут была родина ее милого.

— Почему стремишься ты в такой далекий монастырь? — с удивлением допытывался герцог, но она отмалчивалась, то бледнея, то краснея от его пронизательного взора.

Но, так как в сущности герцогу было решительно все равно, куда бы ни поступила его незаконная дочь, лишь бы не оставалась она при его дворе, то он позволил ей избрать монастырь по своему желанию.

В день отъезда ее исчез и бретонский рыцарь, но этого уж и подавно никто не заметил: мало ли разных рыцарей приезжало, уезжало и толпилось тогда при дворах владельцев герцогов?

Ехала дочь бургундского герцога в свой монастырь с целою свитою прислужниц и телохранителей; ехал следом за нею и бретонский рыцарь, охраняя ее от всякой опасности. Небезопасно было тогда путешествовать даже и мужчинам, не только молодым девушкам, но дочь герцога видела около себя своего ры-

царя и ничего не боялась ни днем, ни ночью, ни в темном лесу, ни на глухой дороге.

Раз напали на них какие-то разбойники и, пока ее телохранители отбивались от них, рыцарь взял под уздцы ее лошадь и увел молодую девушку в чащу леса. Здесь умолял он ее бежать вместе с ним и укрыться в его неприступном замке; целовал ее руки, клялся ей в вечной любви. Девушка плакала и невольно отвечала на его ласки, но все же ни за что не соглашалась нарушить свой обет.

Печально простился с нею рыцарь, и уехала она в монастырь урсулинок, в цветущую долину С. Бриё, а он заперся в своем неприступном замке, грозно возвышавшемся на скале, над долиной.

Долго томилась она в стенах своего монастыря и тихо гасла, тая со дня на день, как свечка.

Томился и рыцарь в своем неприступном замке и, наконец, решился проникнуть в монастырь и хотя бы силой увести оттуда свою милую.

И вот, раз ночью спустился он со своей скалы и тихонько пошел по дороге к монастырю.

Все было тихо кругом, и доносились до него одни только могучие звуки монастырского колокола.

Так шел он час, шел другой, окруженный темной чащей леса, а монастыря все еще не было видно. Однако, не мог же он сбиться с дороги, — каждый камешек на ней был знаком ему с детства, а между тем, чем дальше шел он, тем лес становится гуще, тем труднее было ему пробираться сквозь густую заросль: ноги путались во вьющихся травах, густой терновник преграждал тропу.

Но вот, мелькнул перед ним какой-то проблеск света, и он пошел в ту сторону. Но то занималась в небе заря, и безмолвный лес вдруг огласился тысячью птичьих голосов, и все они пели и кричали ему на все лады: «Назад! Назад!» Но рыцарь шел вперед, не обращая на них никакого внимания. Наконец, увидел он монастырскую ограду. Радостно ускорил он шаги и подошел было уже совсем близко, но, к удивлению его, за оградой монастыря не оказалось: виднелась одна только груда каких-то безобразных развалин да каменные глыбы, обросшие мхом, валялись там

и сям; колокол же не переставал звонить, но он гудел откуда-то сверху.

Остановился рыцарь и задумался: вчера еще вечером видел он из своего замка монастырь, видел монахинь, проходивших по двору к вечерней службе, а тут в какую-нибудь ночь монастырь оказался разрушенным, и развалины его успели даже обрасти мохом!

Понял рыцарь, что было это видение, и что Сам Господь предостерегал его от задуманного им недоброго дела.

Повернул рыцарь в обратный путь: перед ним лежала с детства знакомая дорога, и не прошло и получаса, как поднялся он уже и на свою скалу. Обернулся рыцарь посмотреть на монастырь, — по-прежнему незыблемо стоял он на своем месте: крыши его золотились под лучами восходящего солнца, а колокол так и гудел, и торжественные звуки его разносились далеко по окрестностям.

Уехал рыцарь из дома на долгие годы. Опустел его замок, и по ночам только совы криком своим нарушали царившее в нем безмолвие.

Несколько лет странствовал рыцарь по бе-

лому свету, не находя ни покоя, ни исцеления, и снова вернулся он домой, и снова пытался силой проникнуть в монастырь урсулинок, и опять заблудился в чаще леса. Долго бродил он по лесу, не раз выходил на зеленые лужайки вроде той, на которой был расположен монастырь, но его там нигде не оказывалось; а колокол все звонил откуда-то сверху.

Вернулся рыцарь на свою скалу и опять увидел монастырь, — чистенький, выбеленный, утопающий в зелени, а колокол его все звонил таинственно-прекрасным, хватающим за сердце звоном.

Так прошел год. Рыцарь все сидел в своем замке на своей голой скале, не спуская глаз с монастыря, или же ходил по своей высокой замковой стене и слушал глубокий звон большого колокола, доносившийся к нему из чащи леса, но дороги туда он так и не нашел.

Но вот, в одно прекрасное майское утро вышла из ворот замка погребальная процессия: длинная вереница сестер-урсулинок медленно шла за гробом, покрытым монашеской мантией, поверх которой лежал венок из белых роз.

Смотрит рыцарь и бледнеет; кровь останавливается в его жилах; в тревоге спешит он навстречу погребальной процессии. Не обмануло его вещее сердце: в черном гробу в венке из белых роз лежала прекрасная дочь герцога.

В тот же день исчез рыцарь из своего замка, и никогда уже никто не встречал его. Замок его пришел в полное запустение: стены потрескались и развалились, крыша как-то съехала на сторону и вся заросла диким шиповником.

Лет через пятьдесят умер в Иерусалиме старик, привратник храма Господня. Был он для всех чужой, хотя и прожил тут не один десяток лет. Чужие положили его в гроб, никто не стоял возле него, никто не скорбел об умершем, никто не плакал, когда пришли люди с молотком и гвоздями, и бедный старик навеки скрылся под крышкою гроба.

— Кто-то был он? — равнодушно спрашивали люди.

Да, кто был он? Думается нам, что был он тот самый рыцарь, замок которого высится на скале над цветущей долиной, где в темной

лесной чаще, в монастыре урсулинок, так торжественно и протяжно звучит церковный колокол, возвещая миру о смерти.

Несколько сот лет прошло с тех пор, и все изменилось в цветущей долине С. Бриё: вырос тут и город, прошла неподалеку и железная дорога; кипит здесь новая, суетливая жизнь, и некому думать о старых временах. Но над развалинами замка, говорят, все носят две белые тени, — каждый невинный ребенок может видеть их: они никого не пугают, никому не причиняют зла, и чудный звон колокола по-прежнему торжественно и протяжно звучит откуда-то из темной чащи зеленого леса.

СТАРИК

По дороге из Трегье в Треву, несколько в стороне, стоит старая часовня, окруженная запущенным, совсем заросшим кладбищем, на котором давно уже никого не хоронят. Около часовни виднеются остатки какого-то здания.

Старожилы говорят, что это был замок, разрушенный якобинцами во время революции, но что и до того времени, примерно лет сто, никто в нем не жил, и разрушать его не было нужды, — и сам собою разрушился бы он в самом недалеком будущем.

Замок этот был не древний, — построенный не ранее XVI века, и принадлежал мирным бретонским помещикам. Но лет за сто до революции вся семья вымерла, и доживал здесь свой век только последний потомок ее, — одинокий, грустный и молчаливый старик.

Вырос он в этом замке; здесь, на кладбище, прилежавшем к нему, похоронил всех своих близких и остался доживать свой век вдвоем с преданным ему слугой, таким же стариком,

как и он сам.

Когда люди высказывали удивление, как это живут они в таком уединении одни-одиношеньки, они всегда отвечали с улыбкой:

— А вы не считаете наших дорогих покойников, что лежат тут же, под самыми окнами нашего замка? Право, мы в большом общесте!

Дом стоял на вершине довольно высокой горы, и подъем к нему был очень крут, а потому старики наглухо заперли ворота своего замка и сообщались с внешним миром лишь через старое кладбище, откуда путь шел совершенно пологий.

Окрестные женщины очень любили обоих кротких, безобидных стариков и помогали им, чем могли, — чинили им белье, носили им молоко и оказывали всякие другие мелкие услуги. В кладбищенской часовне всегда горели лампы, и те же женщины помогали им поддерживать в них постоянный огонь.

Но вот, в один прекрасный день пришел слуга в деревню и позвал в замок сиделку, — очень плохо было его господину. На другой день позвал он и другую, чтобы они чередова-

лись у больного.

Недели две лежал уже старик, не вставая с постели, и было ясно, что не сегодня-завтра выроют новую могилу на старом кладбище около замка. Ни священника, ни доктора не звал, однако, к себе больной. И стали сиделки приставать к старому слуге, как это берет он на свою душу такой тяжкий грех, — вдруг умрет его господин без покаяния.

Решился слуга переговорить с больным и в тот же вечер, укладывая его на ночь, сказал ему об этом.

— Ну, что ж? Завтра пораньше утром сходи в Трегье и попроси кюре придти ко мне. Давно уже и сам я собирался причаститься да все откладывал, — думал, поправлюсь немного и сам схожу в церковь. Да видно, уж не поправиться мне!

С вечера сказал слуга сиделкам, что рано утром пойдет он за священником, и лег спать. Но плохо спалось ему, — все думал он о том, как пойдет он к кюре и что ему скажет, что, пожалуй, тот еще не захочет идти напутствовать больного, который так давно уже хворает и только теперь собрался пригласить его.

Такие и подобные им мысли долго не давали ему заснуть.

Но вот, услышал он, что поют петухи. Встал он тихонько, вызвал сиделку и сказал ей, что идет за кюре, так как дорога дальняя, и кюре должен успеть побывать тут до обедни.

Было еще совсем темно, когда выходил он из замка, и он не без труда нащупал ногой ступеньки, ведущие к кладбищу.

«Неприятно, однако, проходить ночью по кладбищу, — подумал он, — хотя дурной час уже прошел».

Но не успел он подумать этого, как увидал какую-то тень, которая вдруг поднялась с земли и пошла ему навстречу. Испугался было старик, но, разглядев в подходившем молодого человека, несколько успокоился. Молодой человек был хорошо одет и вежливо поздоровался с ним.

— Здравствуйте, — сказал ему юноша, — вы что-то очень уж рано собрались в путь.

— Право, не знаю, который теперь час, — я вышел из замка, когда пропел петух.

— Да, белый петух[20]. А куда вы идете?

— Я иду в Трегье.

— Ну, и я тоже. Пойдемте же вместе.

И они пошли.

Старый слуга сначала было встревожился, но молодой человек внушил ему такое доверие, что он вскоре совершенно ободрился и разговорился, рассказал ему, куда идет и по какому делу, чего опасается и т. п. Молодой человек почти ничего не отвечал, но казалось, слушал его очень внимательно.

Между тем, еще раз пропел петух.

— Ну, вот и утро, — сказал слуга.

— Нет еще, — это поет серый петух.

Действительно, долго еще шли они вперед, а ночь была так же темна.

Молодой человек молчал. Старик же опять начинал тревожиться: чем более приглядывался он к молодому человеку, тем страннее казались ему его наряд и вся его манера.

Наконец, опять пропел петух.

— Ну, вот, теперь это уж третий петух! — сказал старый слуга со вздохом облегчения.

— Да, это красный петух, — утро не замедлит, — отвечал ему молодой человек. — Вы видите, что вы вышли из дому чересчур рано и очутились на кладбище ровно в полночь. В

другой раз старайтесь выходить позднее, — если бы я вас не встретил, вы могли бы наткнуться на пути на многие неприятности. А теперь возвращайтесь домой, — кюре уже предупрежден и через час будет в замке. Прощайте, Франсуа!

С этими словами незнакомец исчез в утреннем тумане.

Старый слуга оцепенел от недоумения: уже много-много лет прошло с тех пор, как кто-нибудь называл его по имени, да вряд ли кто-либо из окрестных жителей и знал его имя: все они, так же, как и его господин, обращались к нему не иначе, как со словом «старина»: «Ну, что, старина? Здравствуй, старина! Прощай, старина!»

Что же бы это был за человек? И вдруг показалось старому слуге, что он когда-то давно-давно видал его где-то и даже очень хорошо его знал. Но когда и где, он так и не мог вспомнить, — память давно уже изменяла ему.

Вернулся слуга в замок и, увидав его, крикнула ему сиделка:

— Ну, слава Богу, что вы вернулись, а то

мы очень боялись, как бы господин ваш не скончался без вас, пока ходили вы за священником.

Через час пришел кюре и напутствовал умирающего.

Весь этот день прошел спокойно. Больной тихо лежал в своей постели, а сиделки по очереди читали ему Книгу Жизни, оставленную для него священником. К вечеру больному, казалось, стало лучше, и старый слуга, не смыкавший ни на минуту глаз во всю прошлую ночь, лег в соседней комнате и сейчас же крепко заснул.

Сколько времени спал он там, он и сам не мог бы сказать. Вдруг услышал он, что его кто-то зовет.

— Франсуа! — окликал его знакомый голос, голос, который он только что недавно слышал.

«Да это зовет меня молодой барин», — подумал он впросонках, поднимаясь с подушки и садясь на постели.

«Молодой барин! Да ведь он же сорок лет тому назад умер!» — спохватился он и вдруг похолодел от ужаса: молодой человек, встре-

тившийся ему ночью, был точь-в-точь младший брат его господина, давно уже умерший и похороненный на этом же самом старом кладбище.

С трудом приходя в себя от испуга, с закрытыми еще глазами, стал он прислушиваться, и показалось ему, что кто-то идет по комнате. «Верно, это сиделка пришла будить меня», — подумал он и открыл глаза. Было светло, как днем, — яркий лунный свет заливал всю комнату, но в ней никого не было.

Успокоившись немного, он снова заснул, но вскоре опять проснулся от холода. Луна светила по-прежнему, и окно в его комнате было открыто настежь. Сильно удивился этому слуга.

«Неужели забыл я затворить окно?» — подумал он и встал, чтобы затворить его, но, выглянув за окошко, остолбенел от удивления: по двору замка прохаживался какой-то высокий, худой человек в большой широкополой шляпе; ходил он взад и вперед под самыми окнами как будто поджидая кого-то. Невдалеке стояла старая телега или дроги, запряженные парой высоких, худых лошадей в черных

попонах и с пучками длинных перьев на голове. Оцепенел от ужаса старик и ползком вернулся к себе в постель, оставя окно открытым. С полчаса лежал он так, наблюдая, как огромная тень человека, ходившего взад и вперед по двору, отражалась в окнах и вырисовывалась на лунных пятнах на полу комнаты. Но вот, услышал он шаги за стеною: кто-то вышел из комнаты больного и прошел в его комнату.

Это был высокий, худощавый человек, закутанный в плащ еще плотнее того, что гулял по двору. Он прошел совсем близко к постели слуги и вышел в открытое окно. Вслед за ним шел и сам владелец замка, шел он медленно, постукивая какою-то длинной палкой или костылем.

Несмотря на весь свой страх, старый слуга вскочил с постели и, подойдя к своему господину, спросил его:

— Куда идете, вы сударь?

Улыбнулся тот и отвечал:

— Прощай, друг! Спасибо за священника.

При этих словах все исчезло; окно захлопнулось, словно от сильного порыва ветра, и

по старой мостовой двора задребезжали колеса.

В испуге бросился старый слуга в комнату своего господина. Там все было тихо и спокойно: сиделка спала крепким сном у постели больного, душа которого поднялась уже в заоблачные высоты, чтобы соединиться с близкими его сердцу, о которых он не переставал думать во время своей жизни на земле.

Слух о видении слуги распространился по всем окрестностям, и никто с тех пор не хотел жить в замке, словно не для каждого из живущих на земле должен наступить торжественный и великий день кончины, словно не каждому суждено рано или поздно видеть у своего изголовья суровые и строгие черты ангела Смерти.

Но, как бы то ни было, целую сотню лет простоял замок необитаемым, и окрестные жители, хотя и не боялись днем проходить мимо «старикова дома», как они называли его, по ночам никогда не отваживались проходить вблизи старого кладбища; не отваживался на это ни один даже самый храбрый че-

ловек, и сам кузнец из Трегье никогда не проходил вечером по этой дороге. А уж он ли не был храбр и отважен!

КРАСНАЯ ПРИНЦЕССА[21]

Против одного из северных портов Бретани, помнится, против порта Лониона, далеко в море, есть огромная, совершенно отвесная скала, на вершине которой, по преданию, жила в своем замке злая принцесса, дочь Гролона, короля Иса, исчезнувшего впоследствии под водой. Ис в то время был славный и могущественный город и не находился еще на дне морском как ныне.

Добрый король Гролон не хотел, чтобы после его смерти городом правила его злая дочь, а потому он выстроил ей великолепный замок на крутой скале, а сам женился во второй раз, чтобы иметь наследника. Однако, так и не дождался его король Гролон, и после смерти его у него никого не осталось, кроме его единственной злой дочери.

Перевезла принцесса все сокровища своего отца на свой остров и стала ждать решения совета городских старшин, которому король Гролон передал свою власть. Совет старшин заседал, не расходясь, целых три дня и три ночи, и решил наконец послать к принцессе

именитых граждан просить ее выбрать себе супруга из самых знатных и доблестных рыцарей Франции, Бретани или Англии.

— Пусть правит он нами на славу городу и на страх врагам, — сказали они ей, — а тебе будет любящим мужем, на радость твоему сердцу.

Подвела принцесса послов к отвесной скале, что спускалась прямо от ее замка к морю, и сказала им:

— Клянусь исполнить ваше желание и выйти замуж за знатного и доблестного рыцаря, которой будет править вами на славу городу и на страх врагам, а мне будет любящим мужем, но только пусть этот рыцарь по этой скале взберется наверх, в мой замок: там буду ждать его, как верная раба ждет своего повелителя, и клянусь, что буду покорна ему во всем!

Содрогнулись послы города Иса при этих словах принцессы и со страхом смотрели на неприступную отвесную скалу. Но делать было нечего, — разослали они гонцов ко дворам всех соседних королей с предложением явиться на состязание, а пока, в ожидании то-

го, кто в силах будет совершить такой подвиг, городом стал управлять совет старшин.

Наехало в город всяких рыцарей видимо-невидимо, собрались они во дворце короля Гролона и послали гонцов за принцессой. Затрубили герольды, заиграли музыканты, и вошла в дворцовый зал дочь короля Гролона, одетая в свое богатое красное платье, — сама красоты неописанной. Поднялась она на трон своих предков и объявила собравшимся рыцарям о своем неопременном решении.

— Буду я послушной и любящей женой тому, кто по отвесной скале моего острова доберется до моего замка.

Множество рыцарей кинулись на этот безумный подвиг, — одни, плененные красотой жестокосердой принцессы, другие — из честолюбия и тщеславия, и только самые благоразумные повернули своих коней к кораблям, стоявшим в гавани, и только они одни и остались живы: все до одного, из решившихся на безумный подвиг, скатились с отвесной скалы вместе со своими конями и нашли себе могилу на дне моря.

Равнодушно отворачивалась принцесса

при виде каждой новой жертвы, но содрога-
лись граждане Иса при этом зрелище.

Прошел год, и за это время немало слав-
ных рыцарей Франции, Англии и Бретани по-
гибли в море под скалою гордой принцессы.

И вот, явились к ней самые именитые
граждане города Иса и стали просить ее поло-
жить конец этому страшному делу.

— Выбери себе мужем одного из сыновей
владельца Финистера: он — наш союзник и
всегда был другом короля Гролона; все же его
три сына молоды и прекрасны, все трое храб-
ры и отважны, — выбирай себе из них любо-
го. Не согласна ты на это, мы сами пригласим
одного из них к нам на царство, но будь, что
будет! Не хотим мы больше брать на свою со-
весть твоего черного дела.

— Хорошо, — равнодушно отвечала им
принцесса, — пригласите сыновей герцога
Финистера во дворец моего отца, — приеду и
я туда для переговоров.

В положенный день собрались во дворце
короля Гролона все именитые граждане горо-
да Иса; приехали туда и сыновья герцога Фи-
нистера, — все трое были они молоды и пре-

красны, доблестны и отважны.

Поднялась на свой трон Красная принцесса и сказала молодым рыцарям Финистера:

— Поклялась было я выбрать себе в мужа того из храбрых рыцарей Франции, Англии или Бретани, который проникнет в мой замок, взобравшись по отвесной скале моего острова. Вот уже целый год, как английские, бретонские и французские рыцари пробуют добраться до меня этим путем, но все погибают под скалою. Теперь же народ мой хочет, чтобы я нарушила свою клятву и выбрала себе супругом одного из вас: вы слишком еще молоды, говорят они мне, слишком еще бессильны для того, чтобы пойти на такой подвиг. Согласилась я на требование жителей Иса. Бросайте же между собою жребий: кому из вас достанусь я на долю, за того и выйду. Теперь уж мне все равно! Хотела было выбрать я себе супруга, родному моему городу повелителя из самых доблестных рыцарей на свете, но принуждают меня выйти за финистерского зайчонка. Пусть же будет по-вашему!

Кровь бросилась в лицо юным рыцарям, и

старший из них выступил вперед с такою речью:

— До этой минуты ничего не знали мы о твоём условии, прекрасная, но гордая принцесса. Теперь же ни я, ни мои братья, — никто из нас не согласится стать твоим мужем, не попытавшись наперед проникнуть в твой замок указанным тобою путем. Но знай, что если суждено хоть одному из нас взобраться на вершину твоей скалы, он отомстит тебе за эти слова и за гибель своих братьев: каждый из нас сумеет усмирить злую жену, если достанется она ему на долю.

Улыбнулась гордая принцесса и на завтра же назначила состязание.

На другой день во всех церквях города Иса шли молебствия; на вершине отвесной скалы собралось народу видимо-невидимо, и все с замиранием сердца смотрели на приготовления.

Выехал сначала старший брат. Поцеловался он на прощанье с братьями, перекрестился и тронулся в путь. Но не добрался он и до половины скалы, как скатился в море. Выехал за ним средний брат. Благополучно миновал

он главные уступы, но тут конь его поскользнулся, и он покатился вниз вслед за братом. Пришел черед младшего. Был он молод и прекрасен, и все со страхом и ужасом смотрели, как, прищпорив коня, поскакал он к скале. Сама Красная принцесса не могла смотреть на него без слез. Бодро шел вперед его конь, и, заметя в скале расселину, рыцарь стал подниматься по ней вверх. Кругом была мертвая тишина, только мелкие камни срывались из-под копыт коня, да комки земли и дерна, сдвинутые с места, катились вниз, да море билось о скалу со своим неизменным грозным ропотом и шумом. Но вот, юноша миновал уже один уступ, а там другой, и третий. Толпа оцепенела, и сосед явственно слышал дыхание соседа. С замирающим сердцем, вся вытянувшись, как струна, стояла Красная принцесса на вершине своей скалы и, не отрывая взора, следила за отважным юношей. Но вот, конь его заметно начал уставать, — он поминутно приостанавливался... Вот из-под ноги его сорвался и покатился вниз маленький камешек, и все невольно вздрогнули... Еще один неверный шаг, и конь начал сколь-

зить.

— Он скользит, скользит! — кричали присутствовавшие, невольно ломая руки.

Он действительно скользил, скользил все быстрее и быстрее, и, наконец, слышно было только, как что-то тяжелое с грузным всплеском, как мешок, шлепнулось в море.

Все помертвели: никто не тронулся с места, никто не проронил ни слова.

Но вот, подъехал к принцессе неизвестный, очень юный и прекрасный рыцарь, весь в белом, на белом коне и в белом вооружении, и сказал ей:

— Не позволяйте расходиться народу, принцесса: я тоже хочу принять участие в этом состоянии.

Взглянула на него принцесса, и сердце ее непривычно забилося.

— Мой народ потребовал от меня, чтобы я выбрала себе мужа, не подвергая его этому испытанию, — отвечала ему она, — и я решилась выбрать одного из злополучных герцогов Финистера, предложив им бросить между собою жребий: все трое были они молоды и прекрасны, все трое мне равно неизвестны, и

я безропотно подчинилась бы своей судьбе. Но сами они не захотели отказаться от поставленного раньше условия и погибли, как погибали все прежние мои женихи. Довольно с меня и этих жертв: готова я теперь отдать тебе мою руку, прекрасный рыцарь, без всякого условия.

— Не могу я согласиться на это, прекрасная принцесса. Если суждено мне судьбой стать твоим мужем, то я должен доказать, что я достоин такой чести. Но, если хочешь, я могу отложить испытание на три дня и время это охотно проведу в твоём замке.

Целых три дня провел Белый рыцарь в замке Красной принцессы, и все три дня она не отходила от него, не спускала с него глаз, не могла налюбоваться на своего жениха.

Настал наконец и назначенный день, и принцесса, ломая руки, на коленях умоляла рыцаря не подвергать себя опасности. Но Белый рыцарь твердо стоял на своем.

Еще большая толпа народа собралась около замка Красной принцессы, чтобы посмотреть на Белого рыцаря, добровольно подвергавшего себя такой смертельной опасности.

Выехал Белый рыцарь на своем белом коне, и принцесса в оцепенении следила за ним с широко открытыми от ужаса глазами; не переставая, звонили все колокола города Иса, и все церкви были полны молящихся.

Все выше и выше взбирается по скале Белый рыцарь, неустрашимо минуя опасные места; крепко держится он в седле даже на самых крутых поворотах, и сердце Красной принцессы трепещет, горячо молится она Богу, и в душу ее прокрадывается надежда. А между тем, рыцарь взбирается все выше и выше, поднимается с утеса на утес и, наконец, останавливается на последнем уступе.

Радостно бросается к нему навстречу принцесса, но он холодно отстраняет ее рукой:

— Прочь от меня, презренная и злая женщина! — говорит он ей. — Немало слез пролило из-за тебя по всей стране, немало доблестных рыцарей погибли от твоей руки! Я явился сюда лишь для того, чтобы отомстить тебе за моих несчастных братьев, — злополучных герцогов Финистера. Да будь же проклята ты вовеки!

При этих словах Белый рыцарь исчез. Безмолвно выслушала его Красная принцесса, но когда белый облик его, как туман, расплылся по утесу, она вдруг вскрикнула, и не успели люди прийти в себя, как она уже бросилась вниз со скалы и исчезла в море.

Но с той поры через каждые семь лет, в самый день гибели принцессы, по всему побережью расстилался кровавый туман, разразилась страшная буря, и не было пощады никому, кого ни застигала она в море.

От замка же принцессы не осталось с тех пор ни следа, и даже самый утес постепенно разрушается: большие каменные глыбы и мелкие камни беспрестанно скатываются с его вершины и с тяжким плеском погружаются в море, и много рифов и подводных камней образовалось вокруг острова Красной принцессы.

Лет двадцать или тридцать тому назад, одна бедная торговка устрицами, Жанна, переправилась из порта Лониона на этот остров. Найдя много устриц у самого подножия утеса, она запоздала, собирая нежданную богатую

добычу, и пришлось ей остаться здесь до утра.

Стала она взбираться повыше, ища укромного местечка, где бы могла она заночевать между камнями, не опасаясь прилива. Но вот, поднялась она уже довольно высоко и увидела яркий свет на самой вершине утеса.

«Видно, живет же здесь кто-нибудь», — подумала бедная женщина и принялась карабкаться с удвоенною силою, не спуская глаз со светящейся точки. Наконец, взобралась она и на самую вершину, и тут, на том самом месте, где стоял давно уже знакомый ей высокий утес, увидела она высокую, обширную часовню, — точно церковь, освещенную внутри ярким светом.

Жанна бросила наземь свои рыболовные снасти и пошла к часовне, творя молитву, — женщина она была очень хорошая и набожная.

На фронтоне часовни была следующая бретонская надпись:

«Если сумеешь ты заглянуть во внутренность часовни, не показавшись никому сама, то будет благо тебе и всем твоим близким».

Прочитала Жанна эту надпись и смути-

лась духом. Однако, все-таки захотелось ей заглянуть во внутренность часовни хотя бы одним глазом через замочную скважину. Прильнув к двери, увидела она какую-то принцессу в богатом красном платье. Принцесса эта, повернувшись к ней спиной, медленно приближалась к алтарю, а высокое пламя, взвиваясь ей навстречу, не подпускало ее. Хотела было Жанна попробовать отворить дверь, но ее ограждала железная решетка. Тогда Жанна решила обойти кругом часовни и поискать другого входа, и действительно, скоро подошла ко второй, настежь распахнутой двери, и, не переставая читать про себя молитву, смело вошла в часовню.

Принцесса стояла у самого алтаря, опять-таки спиной к Жанне, и, заслыша стук ее деревянных башмаков, повернулась к ней лицом.

— Чего хочешь ты от меня? — спросила она гневным голосом.

— Если это ты принцесса Кровавого тумана, что каждые семь лет расстилается по нашему берегу, и если я имею хоть какую-нибудь власть над тобою, то я требую, чтобы ты

перестала вредить нам! — твердо отвечала ей Жанна.

— Раз ты здесь, — значит, власть твоя сильнее моей. Приказывай, и я буду тебе повиноваться, — сказала принцесса.

— Так улетай же от нас дальше всех пределов земли и моря, — сказала ей Жанна, и принцесса исчезла в ту же минуту.

Без всякого шума и треска исчезли вместе с нею и стены часовни, и Жанна осталась одна среди старых развалин. Стала она бродить наугад между грудями камней, желая выбраться на свет Божий, и попала в какую-то полуразрушенную башню, где друг около дружки, в полном вооружении, лежали какие-то древние рыцари, а неподалеку от них в старом колодце так и блестело золото, — бери сколько хочешь!

Прочитала Жанна молитву и набрала золота целые карманы и полный передник, а как только занялась утренняя заря, она стучалась уже у дверей дома, где жил кюре ее прихода. Все подробно рассказала она ему и, наконец, высыпала перед ним на стол золото.

— Вот, — сказала она, — делайте с ним, что

хотите — мне оно не нужно!

— Хорошо, — сказал кюре, — будем молиться за упокой мертвых, а золото раздадим живым сиротам и бедным.

Как порешили они, так и сделали.

Пошла по всему побережью молва, что нашла Жанна клад, — сокровища царя Гролона, и много народа стало переправляться на скалистый остров принцессы. Однако не слышно что-то, чтобы с тех пор вдруг обогатился кто-нибудь из местных жителей. Да и немудрено: клад давался в руки Жанне и, может статься, дался бы и еще такой же простой душе и кроткому сердцу, да такие-то люди и сами не ищут кладов: на что они им, коли и дадутся в руки?

О тех же грозных бурях, что через каждые семь лет разражались у северных берегов Британии, не стало и слуху. Бывают здесь бури, даже часто бывают, и погибает здесь немало народа, но все же это не то светопреставление, что повторялось каждые семь лет на этом берегу в день гибели Красной принцессы, дочери Гролона. И красный туман тоже не пугает уж больше прибрежных жителей: знают они

теперь, что это просто туман, а не покрывало Красной принцессы.

Навсегда освободила Жанна людей от чар злой волшебницы, дочери Гролона, как некогда освободил их таинственный Белый рыцарь от злых ее деяний.

Немало лет прошло с тех пор. По-прежнему кипит здесь жизнь, и одно приходит на смену другому. Не узнать теперь даже и скалы острова принцессы: вся обросла она мхом, вьющимися травами и красным вереском. Сама бедная Жанна давно покоится на сельском кладбище. На могиле ее цветут самые красивые цветы, какие только могли достать ее соседи. Душа же ее, по уверению ее односельчан, превратилась в маленькую птичку и улетела на небо, навстречу солнечным лучам.

Не оставь, Господи, и нас в последний час нашей жизни!

ГУГЕНОТ

По дороге от Порт-Бланка, т. е. Белой гавани (деревушки на северном берегу Бретани), к местечку Пенвенан, — почти на самом берегу, за дюнами, находился, а, может быть, и до сих пор еще не окончательно разрушен песчаными заносами старинный замок Кермакер. Впрочем, окрестные жители называли его не замком, а домом (manoir), потому что, хотя и был он с виду настоящим замком с башнями и зубчатой стеной, но не имел в себе ничего воинственного, — ни рвов, ни подъемного моста, ни бойниц, ни подземелий. Построен он был, вероятно, каким-нибудь мирным помещиком в стиле, в те времена необходимым, если и не для серьезной обороны от врагов, то на случай, — для защиты от разбойников, которые триста или даже двести лет тому назад расхаживали по Бретани целыми шайками, подплывая к берегу на своих легких, ходких кораблицах.

Кермакерский замок был очень стар, и даже самые старые из местных старожилов на вопрос, давно ли стоит он тут, отвечали с уве-

ренностью:

— Да он стоял тут всегда!

От моря отделяют его дюны. Зубчатые вершины их тянутся по берегу, точно горная цепь, но они мало ограждают замок от капризов моря, которое беспрестанно меняет очертания даже самого берега: то вдруг в один прекрасный день уносит целый холм или разрушает давно укрепившуюся песочную гору и победоносно разливается на их месте; то, с другой стороны, в осенние и зимние бури наносит новые и новые холмы и целые горы, хороня в их недрах все, что попадетя ему на пути — бревна, лодки и даже сторожевые будки, неосторожно оставленные на берегу. Сам Кермакер сильно страдает от этих заносов, и целая треть его стены давно скрыта под большой песчаной горой, покрытой красным вереском и диким левкоем, которым привольно прятаться здесь от резких западных ветров.

От замка до Пенвенана стелятся бурые ланды, усеянные огромными валунами и изрезанные песчаными кочковатыми дорогами и тропинками. Недобрая слава идет в народе обо всей этой местности — «родине мира-

жей», как говорит школьный учитель Пенвенана, — «жилище злого духа», как уверяют окрестные жители.

Одним из первых владельцев замка был Генрих Кермакер, гугенот, но он жил в Париже и редко заглядывал в свои родные пески.

Но вот наступило 24 августа 1572 года, — знаменитая Варфоломеевская ночь, и вся семья Генриха, — его жена, дети, братья, — все погибли под кинжалами католиков. Сам Генрих Кермакер спасся, потому что находился в то время при дворе короля Наваррского, да спаслась еще его маленькая трехлетняя дочь, Мария, которую старая нянька, бретонка, успела спрятать в пустую пивную бочку на погребке. Старуха тоже осталась жива и кое-как добралась с ребенком до Кермакера. Вскоре приехал сюда и сам владелец замка. Здесь остался он жить в полном уединении, почти не выходя из своего замка, не знаясь ни с кем из соседей. Девочка воспитывалась суровым отцом и старой нянькой-гугеноткой тоже в полном уединении и безлюдье. Ей позволялось гулять по морскому берегу, в дюнах, но никогда не смела она разговаривать ни с кем

из встречавшихся людей, не имела ни одного товарища в своих детских играх. Росла она тихой, кроткой девочкой, и почти все свободное время проводила на дюнах: в раннем возрасте привлекали ее туда раковины и разноцветные камешки, которыми был усеян берег; в последующие годы море было ее учебником и каждый день развертывало перед нею новую страницу из великой книги природы.

Но каждое утро приходила она со своей няней в мрачную комнату отца, и он читал им Библию, а затем говорил о Боге, — карателе всех безбожных католиков, которые будут ввергнуты в геенну огненную. Ужас охватывал девочку при описаниях бездонной и безмолвной трясины, где, задыхаясь в удушливом серном воздухе, погружались все глубже и глубже души жестоких убийц ее матери и братьев. Она верила каждому слову отца, пока он говорил, и каменела от страха, но, выглянув за двери этого мрачного замка, туда, где распевали птички, где сияло солнышко, где белые и лиловые цветы дикого левкоя, покрывавшие дюны, казалось, кивали ей, и где

все как будто говорило: «Велика милость Божия!» — ей начинало смутно казаться, что отец ее неправ, что католики, хотя бы и дурные, и злые люди, не могут быть осуждены так страшно; а те, что не убивали ее матери и братьев, за что же осуждены и они?

— Все католики осуждены мучиться после смерти? — спросила она однажды своего отца.

— Разумеется, все.

— Даже те, кто не убивал мамы и Жозефа? Даже маленький сын рыбака Лукаса?

— Дети страдают за грехи своих отцов, все католики — исчадия ада.

Очень несправедливым казалось это бедной девочке, а между тем, Бог ведь справедлив и милосерд! И вот стала она сама читать Библию и Евангелие и не могла согласить слов отца со всем тем, что понимала она из прочитанного. Чем старше становилась она, тем с большим сочувствием и жалостью относилась она к бедным католикам, которые в той местности были действительно очень бедны, так как составляли низший класс населения: все более или менее зажиточные

люди в Пенвенане и Порт-Бланке были гугеноты, а дальше замка и этих мест мир для Марии не существовал. Да и знание даже этого мира почерпала она от новой служанки, которая поступила к ним после смерти старой няни.

Это была словоохотливая, веселая девушка, очень интересовавшаяся делами соседей и посвящавшая Марию в разные местные интересы и сплетни.

Марии минуло уже шестнадцать лет, и отец перестал стеснять ее свободу, понимая, что она не может разделять его уединенной жизни и, сам почти не выходя за пределы своего замка, позволял ей беспрепятственно посещать семьи старых гугенотов, живших в Порт-Бланке, Пенвенане и других окрестностях, забыв, что время смягчает все на свете и что эти гугеноты легко помирились с католиками при новом порядке вещей, наступившем при Генрихе III.

В семье одного из таких гугенотов встретила Мария одного голландца-католика и полюбила его.

Когда молодой человек пришел к Генриху

Кермакеру просить руки его дочери, не скрыв, что и Мария согласна вверить ему свое счастье, старый гугенот грозно взглянул на него и, не говоря ни слова, вывел его за руку из ворот своего замка и запер их на замок.

Мария оказалась пленницей, и отец не только запретил ей выходить из замка, но и принял меры, чтобы она не могла ослушаться его: с тех пор он всегда держал двери на запоре и собственноручно отпирал их при стуке молотка или выпуская служанку для покупки провизии. Но служанка была хитрая девушка, очень любила и жалела свою госпожу, и при ее посредстве молодые люди без труда могли поддерживать между собою постоянные сношения. Время шло: наступила осень; все деревья разделись в пурпур и золото; сентябрь был уже на исходе.

Было воскресенье; погода стояла солнечная; чудный прозрачный воздух разносил по берегу звуки церковных колоколов; они переливались и, словно весело догоняя друг друга, доносились и до Кермакерского замка, где старый гугенот в своей мрачной комнате, с раскрытой Библией в руках, тщетно ждал

свою дочь и служанку к утренней молитве: в одной из церквей, звуки колоколов которой доносились до него, венчалась Мария с католиком-голландцем.

Узнав об этом, проклял гугенот свою дочь. Еще мрачнее и суровее стало его лицо, еще яростнее возненавидел он католиков, и еще тише и пустынное стало в его доме, — словно исчез последний озарявший его луч света, замолк последний звук песни.

На место прогнанной молодой служанки была взята какая-то старая гугенотка из отдаленной местности, и замок точно вымер.

Но старый хозяин не находил себе покоя: он не читал больше Библии и не проклинал католиков, — страшная тоска щемила его сердце, и целыми днями ходил он по комнатам и почти целые ночи бродил по дюнам, ища забвения.

Прошло месяца два, и вот, в ночь на св. Екатерину посетило его странное видение: он лежал в постели, и вдруг пронеслась над его головой какая-то холодная струя воздуха и комната озарилась голубоватым светом, хотя ночь была совсем темная. Свет этот шел от

стоявшей у постели его прозрачной фигуры. Гугенот не узнал ее, но почему-то догадался, что это была Мария. Она устремила на него скорбный взгляд и как будто хотела сказать что-то.

Гугенот приподнялся и спросил:

— Мария, ты ли это?

Фигура, не двигаясь, протянула ему кольцо.

Он хотел взять его, но все исчезло...

Целый день ходил по дюнам Кермакер и наконец к вечеру вернулся домой.

— Господин! — сказала ему впускаящая его служанка. — Я воспользовалась вашим отсутствием, чтобы зашить ваш пуховик, и вот, что нашла я внутри него! — и она подала ему тоненькое измятое колечко вроде обручального.

Вздрогнул старый гугенот и взял кольцо.

Не говоря ни слова, вышел он из замка и пошел по дороге в Пенвенан. Он пришел к своей прежней служанке, когда вся семья ее уже сидела за ужином, и, не поклонившись никому, обратился к служанке и, подавая ей кольцо, спросил:

— Узнаешь ли ты это кольцо?

— Да, это кольцо молодой госпожи, — она его потеряла в день своего бегства и, хотя мы и искали его, но не нашли. Нам нельзя было терять много времени, и госпожа сказала мне, что это очень дурное предзнаменование.

— Где же она могла потерять его?

— Оно завалилось где-нибудь в вашей спальне; мы там укладывались, зная, что туда вы не войдете до вечера.

— Служанка нашла его в моем пуховике.

— Ну, это могло случиться: пуховик давно распоролся, но я не успела зашить его, кольцо и могло закатиться туда.

— Где теперь Мария и ее муж? — тихо продолжал Кермакер.

— Дня через два после свадьбы вышли они на корабле дядюшки Мадека в Амстердам. Никто не хотел брать на свою палубу «проклятую отцом женщину», — каждому ведь своя жизнь дорога, — но старый Петр Рун, шкипер корабля «Санта-Мария», согласился взять с собой обоих тезок: «Мария — тезка корабля, — смеялся он, — а ее муж — мой тезка».

— А где же теперь корабль «Санта-Мария»?

— Уж это вы спросите дядюшку Мадека, — мы ничего не слыхали.

На другой день разыскал Кермакер дядюшку Мадека в Порт-Бланке и спросил о судьбе его корабля.

— Да вот, жду его так чрез месяц, если будет попутный ветер; такой глухой осенью ничего предвидеть нельзя. Надеюсь только, что он не выходил еще из Амстердама, а то плохо пришлось бы ему третьего дня на св. Екатерину, — буря была страшная, и много кораблей погибли.

— А вы наверно знаете, что он благополучно достиг Амстердама?

— Конечно, знаю: долговязый Лука его там видел, и Петр Рун наказывал сказать, что в начале пути натерпелись они беды, но потом буря утихла, и они дошли благополучно. Зимовать же там не будут, — идут домой с грузом железа.

— Кто этот Лука?

— Шкипер корабля «Вьерж» из Порт-Вьерж: он пошел вчера на зимовку домой.

— Не слыхали ли вы от него, что случилось с

моей дочерью и ее мужем, отплывшими отсюда на «Санта-Марии»?

— А! С «проклятой парой»? Думаю, что ничего: Петр Рун взялся доставить их в Амстердам, — значит, уж и доставил: его слово крепко. Посердился я на него за это, да что делать? Не давши слова — крепись, а давши — держись.

Несколько спокойнее вздохнул Кермакер, узнав, что с кораблем «Санта-Мария» не случилось ничего, и что в ночь, в которую он видел Марию, корабль стоял на якоре в Амстердаме и молодая чета была на твердой земле. Тем не менее, совпадение бури в ночь на св. Екатерину и видения в ту же ночь беспокоило старика, и он решился, дождавшись возвращения Петра Руна, подробно расспросить его.

Наконец, накануне крещенского сочельника матросы дали знать Кермакеру, что «Санта-Мария» вошла в порт и разгружается.

С трепетом в сердце пошел старый гугенот в порт и разыскал Петра Руна.

— Я не знаю, куда они делись! — отвечал тот на вопрос Кермакера. — Не успели мы

выйти из Порт-Бланка, как разыгралась страшная буря, и целую неделю мы были на волоске от гибели. Ну, вот и взбунтовалась моя команда, и стала требовать, чтобы я высадил «проклятую пару» на берег или спустил бы ее на дно морское. Я и ругался, и просил, — ничего не помогало: совсем осатанели. Крепко жаль мне было бедных невинных молодых людей: были они оба прекрасны, добры, а уж любили друг друга — на удивление! Но что станешь делать? Родительское проклятье в море — это камень на шее! Два дня уговаривал я своих чертей хоть до Дюнкирхена довести их: «Опускай на берег, а то спустим и тебя вместе с ними на дно морское!»

Ну, берег был недалеко, — спустили лодку, сел я на руль, мой товарищ да молодой голландец взялись за весла, и едва-едва дошли мы до берега, хотя и был он в виду.

Всю дорогу мы пели молитвы: знаете, лучше уж предстать перед Всевышним с молитвой на устах, чем с бранными словами: а, ей-Богу, были мы близки к тому свету, гораздо ближе, чем к этому! Однако Бог помиловал.

Тут была рыбацья деревушка. На берегу

столпилось много народа, и все смотрели на нас, выпуча глаза: «Кого, — мол, — это несет в такую бурю да на наши рифы?» Сочинил я этим людям целую историю, что взялся я будто бы довести их до Дюнкирхена, но что должен возвращаться обратно, а потому они решили сойти на берег и попробовать добратся туда хотя бы сухим путем. Рыбаки приняли их радушно и обещали постараться переправить их до Дюнкирхена, до которого было недалеко. Прощаясь, я посоветовал молодым людям не вверяться больше морю: оно не любит «проклятых». Если они меня послушались, то, наверное, теперь они уже давно в Амстердаме.

Мы же с товарищем благополучно вернулись на «Санта-Марию». Буря утихла, подул попутный ветер, и скоро мы были уже в Дюнкирхене.

— Благодарю вас! — сказал печально гугенот. — Я должен ехать разыскивать мою несчастную дочь, я не могу оставаться в неизвестности. Не знаете ли вы какого-нибудь корабля, который выходил бы сегодня в Голландию?

— Что вы, сударь! Какая христианская душа выйдет на крещенскую ночь в море? Теперь там разгуливает один только Черный капитан на своем Летучем корабле.

— Ну, а завтра?

— Ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю: январские бури не для нас поют свою отходную.

Молча встал старый гугенот, не поверив шкиперу, и пошел в Порт-Бланк. До ночи ходил он по берегу из харчевни в харчевню, где обыкновенно собираются моряки поболтать и попить сидра. Везде спрашивал он, не намеревается ли кто-нибудь выйти в море, и везде, смеясь, отсылали его к Черному капитану на его Летучий корабль.

Поздно вечером возвращался Кермакер в свой замок и на берегу почти у самого дома увидел человека, расхаживавшего взад и вперед по дюнам; у берега стояла лодка, а вдали, за рифами, виднелся корабль. Ночь была лунная и очень светлая.

— Ты с корабля? — спросил гугенот этого человека.

— С корабля.

— Куда идете?

— В Голландию.

— Когда?

— Через час.

— Можешь ли взять меня? Я щедро заплачу за проезд!

— Поедем!

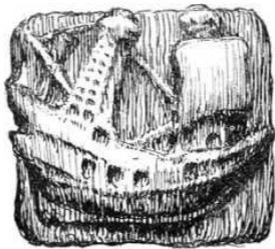
— Но я должен зайти домой, — собраться: путь далекий!

— Хорошо; только не опоздай.

Поспешил Кермакер домой, разбудил спавшую уже служанку, объяснил ей, в чем дело, и, наскоро собрав необходимые вещи, пошел вместе с нею на берег.

Человек с лодкой все еще ждал его.

Долго стояла старуха на берегу, следя за лодкой, уносившей ее господина, и дивясь шкиперу, который остановился с кораблем у самых рифов. Наконец, в чистом ночном воздухе донеслись до нее оклик «подавай!» и звон цепи. Она вздохнула и пошла домой, но на пороге дома она еще раз оглянулась на море, и показалось ей, что корабль как-то странно расправил паруса, поднялся к небу и исчез в облаках...

Не вернулся больше гугенот в свой замок, и никогда никто не слышал о нем.

— Унесся жестокий отец на Летучем корабле! — говорили с полной уверенностью окрестные жители.

Недели через две после исчезновения гугенота вернулся на родину в Пенвенан один матрос. Судно, на котором служил он, погибло у берегов Голландии в ночь на св. Екатерину, и почти никто не спасся из бывших на нем. Он говорил, что вся беда произошла оттого, что в Дюнкирхене на их палубу была принята проклятая отцом Мария и ее муж:

— Бедные люди натерпелись столько бед на сухом пути от разбойников и от всякого бродячего люда, что решились уж лучше снова ввериться морю. Не хотелось мне выда-

вать земляков, а потому ничего не сказал я капитану, да что же хорошего? Лежат они теперь на дне морском, а вместе с ними и многие другие! Проклятому отцом человеку все равно уж не жить на свете, а другие-то за что пострадали?

Старая служанка не захотела оставаться в Кермакерском замке, и его заколотили наглухо. Долго стоял он пустой и заколоченный, и пески беспрепятственно заносили его. Только и заглядывали в него, что контрабандисты да разбойники, — привольное было это для них убежище! Каждый же добрый человек готов был сделать большой крюк, лишь бы не проходить мимо замка. Ну, а надсмотрщики-то ведь тоже люди, — охота же и им была ходить в ту сторону!

Так и оставался он необитаемым, и дурная слава о нем росла да росла.

Лет сто тому назад сельская община решила наконец взять в свои руки эти пришедшие в полный упадок строения, и вскоре были они проданы какому-то художнику. Тот не успел еще оглядеться в них, как началась революция, и дом не подвергся разрушению

лишь только потому, что и так давно уже представлял собою именно то, к чему стремились разрушители, — т. е. груды развалин.

После революции купил замок какой-то негоциант, но скоро разорился; потом устроили в нем школу, которая сгорела, так что под конец, лет шестьдесят тому назад, купил его за бесценок местный старожил, нажившийся, говорят, контрабандой, но балагур и общий любимец, Жозон Брианд. Некоторые соседи смеялись над его желанием зажить барином, другие жалели его: «Вон, человек спятил с ума и лезет в драку с чертом!» — говорили они.

Но он расхаживал себе в ярко-пестром жилете и приглашал всех на новоселье.

Жена Жозона была простая, скромная женщина, и не по вкусу были ей эти высокие покои с узенькими окнами и остатками каких-то «рож» на стенах, — так величала она стенную живопись. Единственная дочь их, Мария, была замужем за шкипером коммерческого корабля, и муж ее, возвращавшийся только на зимние месяцы, занимал исключительно все ее помыслы. В его отсутствие це-

лые дни проводила она в своей комнате за Библией и Евангелием.

— Нехорошо так любить мужа! — ворчал иногда отец. — Вспомни пословицу: слишком много никуда не годится.

— Ну что же? — отвечала она. — Не будет любви, не будет и жизни.

Все затеи Жозона зажить в замке барином кончились тем, что он уступил настояниям жены и дочери и перешел в небольшую пристройку современной архитектуры, маленькие комнаты которой были и светлы, и уютны. Замок же отпирался лишь в большие праздники, для гостей или во время муниципальных выборов, или же, наконец, для местных балов по подписке. Мало-помалу Жозон принялся за старый образ жизни, и если не выходил больше в море «вести беседу с иноземными шкиперами», как, подмигивая, говорили соседи, то зато часто выезжал на рыбную ловлю да по-прежнему охотно спешил на помощь погибающим, когда на море бывало неблагополучно.

Опять сентябрь был уже на исходе. Погода стояла ясная, солнечная, но холодный ветер

задувал с моря.

Было воскресенье; служба в церкви кончилась, и народ высыпал было на морской берег, но ветер стал крепчать, вихрь взрыл и закрутил мелкий песок с одной, с другой дюны, и толпа очень скоро разошлась по домам.

— Ну, быть буре, дети мои! — сказал дядюшка Жозон жене и дочери, возвращаясь из церкви. — Надо пообедать поскорее, да выйди на берег и на всякий случай приготовить лодку.

Однако, пока семья обедала, ветер как будто стих, а солнце так и пекло.

После обеда опять все высыпали на берег, и теперь стало ясно, что это затишье было перед бурей. Мужчины стали вытаскивать свои лодки на песчаное побережье и с трудом справлялись со своим делом: песок и острые камешки так и летели прямо в лицо. Море разыгралось, сильные порывы ветра срезывали белые головки волн и рассыпали их мелкою пылью.

К вечеру буря разразилась вполне: ветер выл с такой силой, будто целый легион злых духов налетал на Кермакерский замок и гро-

зил разрушить его. О сне нечего было и думать в такую ночь, и семья Жозона не расходилась. Вдруг постучались к ним в окно.

Дверь приотворилась, и кто-то сказал:
— Большой корабль погибает у берега.

В одну минуту выскочили они на улицу. Луна светила довольно ярко, но бешеный вихрь, подымавший прибрежный песок, слепил им глаза. Перебраться через дюны можно было только чуть-чуть что не ползком, пользуясь промежутками между порывами ветра. Море с шумом и ревом катило свои кипящие волны. Надо было иметь опытный глаз, чтобы сразу различить в море судно. На берегу столпилась масса людей, и все следили за кораблем; казалось, крики отчаяния доносились оттуда; как будто можно было даже рассмотреть, как растерянно суетились там люди.

Жозон подошел к толпе, наблюдавшей за кораблем, и пригласил желающих попытаться вместе с ним подойти к кораблю на его надежной лодочке и спасти хоть кого-нибудь. Гробовое молчание было ответом на его предложение. Вглядевшись в толпу, он не узнал

никого из них.

— Ба! Да это, верно, рыбаки с того берега сами приютились здесь от бури! Им, видно, уже не до того, чтоб помогать другим!

— Там дальше, должно быть, стоят наши, — Корр и Ивон Томас! — сказала Мария.

— Некогда бежать за ними, дитя мое! садись на весла, авось, доберемся до корабля: пусть же не говорят соседи, что труслив стал Жозон с тех пор, как сделался владельцем замка!

Прыгнула Мария в лодку и взялась за весла: с детства сроднилась она с морем и несколько не боялась за себя. Волны нещадно хлестали в лодку и перекатывались через нее, обдавая Жозона и Марию с ног до головы. Вот встал огромный вал, лодка высоко поднялась над водой... Еще миг, — и вся эта громада обрушится на нее... Но твердой, привычной рукою правил Жозон, и не трепетало мужественное сердце Марии, и лодка, наконец, достигла корабля. Там все было тихо и безмолвно: ни суеты, ни криков отчаяния; одна только высокая черная фигура стояла на корме, и не успел Жозон ухватиться за висевший ка-

нат, как человек этот, одетый в черный плащ, спрыгнул уже в лодку и проговорил что-то на каком-то странном языке. Марии показалось, что он сказал на старом бретонском наречии: «Отчаливай! Никого больше нет!» Как ни старался Жозон узнать от него, куда делся весь остальной экипаж, он ничего не добился и решил, что, вероятно, люди сели на лодки и оставили корабль в ту самую минуту, как он с берега наблюдал за суетой, происходившей на палубе. Человек в черном сел на весла, а Жозон опять на руль.

«Что за странные рукава у этого человека, — точно на портрете Генриха Кермакера!» — подумала Мария.

Быстрота, с которой неслась лодка на обратном пути, была изумительная, и не прошло и полминуты, по мнению Жозона, как они причалили уже к берегу. Мария вместе с матерью, дожидавшейся их на берегу, побежала вперед, чтоб переодеться поскорее и, подходя уже к дому, к удивлению своему увидела, что Жозон и незнакомец повернули к главному входу замка и скрылись в дверях.

— Время ли хвастаться замком! — провор-

чала с досадой жена Жозона. — Шел бы скорее снимать мокрое платье да ужинать!

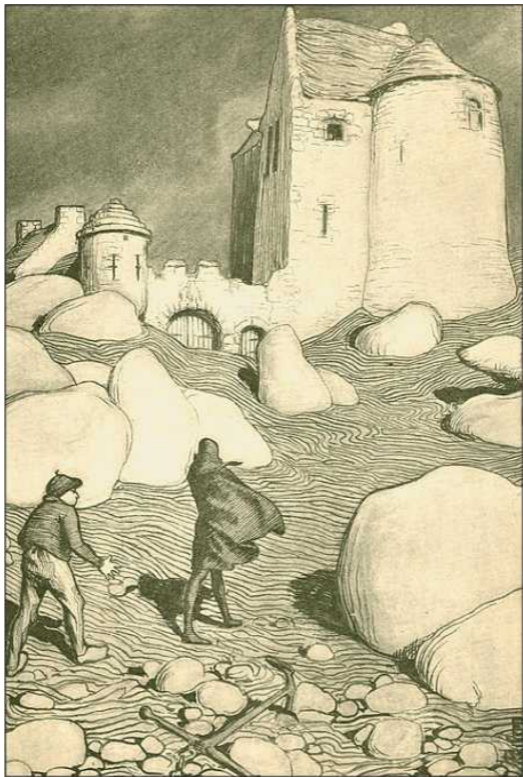
Между тем, дело было вовсе не так: незнакомец сам шел впереди Жозона, и последний с удивлением заметил, что он повернул в замок.

Жозон только что хотел было предупредить его, что двери замка заперты и что он живет в пристройке, как двери уже отворились. Жозон подумал, что его жена забыла запереть их и собирался хорошенько побранить ее за небрежность; незнакомец же шел твердым шагом вперед, и Жозон едва поспевал за ним, теряясь в догадках, что было за дело этому человеку ночью в пустом доме.

Луна светила ярко, и было светло, как днем.

Но вот, в круглом зале незнакомец вдруг повернулся к Жозону... Перед ним стоял сам Генрих Кермакер, — гугенот, портрет которого сохранился еще в замке. Вскрикнул Жозон и повалился на пол без чувств...

— Ну, что они там запропастились в потемках! — сказала жена Жозона, тщетно ожидая Жозона и гостя у накрытого уже стола.

— Пойдем, поторопим их да отнесем им

лампу!

— Господи Боже мой! Да кто же им отпер замок? Посмотри, Мария, ключи-то ведь здесь висят!

— Я уверена, что отец забыл все на свете и держит гостя у запертой двери, рассказывая ему всю историю Кермакера! — засмеялась Мария.

Но, когда обе женщины пришли к замку, они с удивлением увидели, что двери стоят настежь.

Со страхом вошли они и, нигде не видя отца и гостя, дошли до круглого зала, где нашли распростертого на полу Жозона и никого больше...

Первою мыслью Марии было, что незнакомец убил ее отца и скрылся, а потому она выбежала на дюны звать на помощь столпившихся там рыбаков, но и там не было ни души.

С удивлением повернула она голову к морю, — луна светила ярко, и корабль был виден отчетливо. Вдруг он точно закачался, распустил по ветру паруса, словно крылья, стал медленно подниматься и исчез в облаках.

Когда Мария вернулась домой, отец ее уже пришел в себя и с ужасом рассказывал о необыкновенных глазах незнакомца, взглянувшего на него в темном зале.

Очень дивились соседи, услышав на другой день рассказ о приключении Жозона. Никто из них во всю ночь не слышал ничего, кроме воя бури, никто не выходил на берег, и никто не видал чужих рыбаков.

— Быть беде в семье Жозона! — говорили старики-матросы, качая головой. — Это гугенот возвращался на своем Летучем корабле!

Недели полторы спустя пришло известие, что в эту самую ночь, приблизительно около полуночи, погиб корабль, которым управлял муж Марии, и он сам последним спрыгнул в море, — так, по крайней мере, рассказывал очевидец, один из матросов, чудесным образом спасшийся на какой-то доске и подобранный утром рыбаками.

Недолго прожил после этого Жозон. Вскоре последовала за ним в могилу и его жена, а бедная Мария сошла с ума. Недаром говаривала она: «Не будет любви, не будет и жизни».

Соседи заботились о Марии, как могли, но

ей почти ничего не было нужно: во всякую погоду целыми днями и ночами сидела она на дюнах и смотрела на море. Единственно, чем дорожила она, было тоненькое, измятое, очень старинное колечко, которое Жозон нашел в лодке на другой день после их странно-го ночного приключения.

— Это прислал мне Ивон в час своей смерти! — говорила Мария всем и каждому, и убедить ее в этом не было возможности.

Лет через десять, в ночь на Крещение, исчезла Мария бесследно; вероятно, ее или смыло волнами в сильную бурю, бушевавшую в ту ночь у этого берега, или же погибла она в старой маленькой часовенке, сооруженной когда-то на дюнах рыбаками. Часовенка эта обрушилась в ту же самую ночь, и ее занесло песком. Но прошло немало времени, прежде чем догадались искать в ней бедную Марию, а к тому времени на этом месте нанесло уже целую песчаную гору.

— Пусть покоится она в добровольно выбранной могиле, — в своих родных и любимых дюнах! — сказал кюре и не велел разрыть холма.

Здесь стоит камень с выбитыми на нем именем Марии, годом ее рождения и смерти. Гора давно укрепилась растительностью, пышно разросся тут красный вереск, и здесь всего чаще отдыхают птицы перед своим перелетом через море. Но окрестные жители уверены, что Мария не покоится в этой красивой могиле, и думают, что улетела она на Летучем корабле в ту бурную крещенскую ночь.

— Не стоит поддерживать старый Кермакерский дом! — говорят представители сельской общины, и с каждым годом он разрушается все больше и больше, и пески заносят его все выше и выше.

Но его высокие башни пока целы и, может быть, долго будут еще указывать на погребенную здесь страницу из прошлого человеческой жизни.

ХРОМОЙ ПЕВЕЦ

Недалеко от Кемпера в узкой долине стоял в недавнем прошлом, а, может быть, стоит еще и теперь, один старинный дом с высокой остроконечной крышей и множеством террас и балкончиков, нисколько не напоминающий с виду рыцарского замка, но, во всяком случае, ровесник весьма многим из этих мрачных, окруженных тинистыми рвами зданий.

Дом этот стоит на одной из старинных проселочных дорог, которые назывались когда-то гареннами (garennas): по ним отправлялись люди на работу в поле, по ним же ходили по воскресным дням к обедне, в церковь, по ним же возили мертвых на кладбище.

Зимой, когда дороги эти бывали слишком грязны, проезжие и прохожие брали в объезд через поля, но только в самых топких местах. Но и потом, когда стали наконец прокладывать более удобные дороги, мертвые, т. е. погребальные процессии все же продолжали направляться по этим старым путям, и даже до сих пор еще в той местности считается боль-

шим грехом, если покойника везут на кладбище иной дорогой, чем та, по которой везли его отца, деда, прадеда и самых отдаленных предков.

Дороги эти, в настоящее время предоставленные одним лишь покойникам, носят название тропинок смерти, — *hent ar Maro*.

Итак, старый дом этот стоял на одной из таких «тропинок смерти».

Некогда жила в нем вдова со своим единственным сыном. Муж вдовы погиб на войне за отчизну, и мальчик родился в тот самый день, когда пришло известие о смерти его отца. После смерти мужа и рождения сына, вдова поселилась в этой долине и выстроила себе дом, совершенно не похожий на военные замки того времени, и жила тут, всеми силами стараясь воспитать своего сына в полном неведении каких бы то ни было военных забав и рыцарских упражнений, вдали от всего, напоминающего о войнах и битвах. Мальчик родился хромой и совсем не мог ходить без помощи своего деревянного костыля, но мать его тем не менее опасалась, как бы не воспламенился он страстью к рыцарским приключе-

ниям, а потому всячески оберегала его. Когда, бывало, иногда случайно заходили к ним бродячие певцы, она всегда с честью принимала их в своем доме и угощала их на славу, но с условием, чтобы они пели о святых и о их деяниях, полных любви и милосердия, или же о древних временах, но ничего не пели бы ни о битвах, ни о турнирах, ни о рыцарских приключениях и подвигах.

Ничего на свете не любил так мальчик, как случайные посещения этих гостей: целые дни и ночи готов он был слушать их пение и сам вслед за ними повторял все, что они пели. Голос у него был удивительно звонкий и приятный, и пел он, словно соловей в чаще его густого сада. Был он живой и веселый мальчик, и по всему дому постоянно раздавались его звонкая песня да стук его деревянного костыля.

Так рос он в полном неведении всего, что творилось за оградой его дома, и не мечтал ни о каких рыцарских приключениях. Да и мудро было бы ему мечтать о них, ему, — бедному хрому мальчику!

Так шло время. Рос хромой мальчик, росли

его думы и песни, и вскоре вся окрестность узнала и полюбила его чудный дар. Целые дни пел он, сидя на террасе своего дома, словно соловей в чаще его сада; пел он, и народ толпился за оградой и с благоговением слушал эту удивительную песню.

— Слушайте, слушайте, — говорили в толпе, — это поет хромым мальчик!

Но народ, собираясь слушать юного певца, сам того не замечая, научил его многому такому, чего не знал он прежде, и что так тщательно скрывали от него. Понемногу стал он и сам выходить на дорогу, провожать по «тропинке смерти» окончивших земное свое странствие; стал прислушиваться к тому, что говорилось кругом него, — мудро было скрыть от него жизнь!

Узнал он, что Бретань была охвачена войной, что бретонцы погибали в междоусобицах, что на родной его земле хозяйничали англичане, хозяйничали и многие другие, желавшие захватить в свои руки его несчастную родину. Сильнее забилося сердце бедного хромого мальчика, забилося оно горячей любовью к дорогой своей Бретани, захотелось ему

послужить ей, и потянуло его вдаль, — туда, где бились войска, хотя сам он и был хром и не умел владеть оружием.

И вот раз прошел мимо дома хромого мальчика отряд бретонцев, отправлявшихся в Англию биться за свою родину с англичанами. Ушел вместе с ними и мальчик, ушел без всякого оружия, постукивая лишь своими деревянными костылями. Хватилась его мать, стала искать его дома, но нигде не нашла, как ни искала: мальчик исчез — словно в воду канул.

Шел мальчик вперед вместе с отрядом воинов и увеселял их своим пением; когда же уставал он идти за ними на своих костылях, рыцари по очереди брали его к себе на седло. Приходилось им проводить ночи под открытым небом, мокнуть под дождем, мерзнуть в непогоду, но бодро шел вперед на своем костыле маленький хромоногий сын вдовы, и песня его лилась, как горный ручей: пел он о храбрых бретонских бойцах и о их великих подвигах на славу родной земле. Слушают эту песню старые рыцари, слушают ее и все их воины, и растет в сердцах их мужество, и бод-

рее идут они в чужую далекую землю биться с врагами за свою родину.

Перед весной еще пуще свирепеет зима; мороз и ветер так и режут лицо... На кораблях переправляется отряд через бурное море: так и ходят по морю грозные валы, готовясь поглотить утлое человеческое сооружение... Но поет хромой мальчик свою песню, и усмиряется буря, — словно засыпают сердитые волны, слушая его чудное пение.

Переправился отряд на чужую землю, и наступил наконец день битвы.

Раннее утро занялось над долиной, над землей низко стелется белый туман. Холоден воздух, но жарки сердца бойцов: как листья в осеннюю бурю, летают их копья, щиты трещат и разбиваются, падают кони, тела грудами покрывают поле, стоны умирающих сливаются с криками бойцов, с гулом и шумом битвы. Хромой мальчик отважно идет впереди своего войска, и так и разливается его песня о храбрых бретонских бойцах и великих их подвигах, — льется она, как светлый горный ручей. Слушают эту песню старые рыцари, слушают ее и все их воины, и храбрость и

мужество растут в их сердцах.

День склонился к вечеру, и осталось поле битвы за бретонцами, но маленький певец лежал на нем, сраженный бессмысленным мечом английского воина; лежал он без движения, и голова его покоилась на холмике, усеянном подснежниками.

В своем лиловом наряде стояли они на белом снегу, склоняя головки над мертвым мальчиком; холодный ветер бушевал кругом, но лучи заходящего солнца целовали и ласкали их; ласкали они и бедного хромого бретонского мальчика, заснувшего навеки на чужой земле.

Истомленная тревогой и слезами, мирно спала его мать в своем доме, в теплой долине горной Бретани; мирно спала она в ту самую ночь и не знала, что сын ее неподвижно лежит на холодном снежном поле, и ветер поет кругом него свою песню, поет ее так жалобно, как никогда в своей жизни не певал ее маленький сын.

Но вот вдруг проснулась она, услыша стук его костылей на террасе у самого окна своей спальни. Вскочила она и побежала навстречу

дорогому своему сыну, — но нигде не нашла его. А между тем, стук его костылей раздавался по всему дому.

Вернулась она в свою спальню.

«Видно, к Себе отозвал его Господь, и приходил он только проститься с родными местами», — подумала она и залилась слезами.

На другое утро нашли на террасе маленький поблекший лиловенький цветочек. Никто не мог сказать, откуда он взялся: таких цветочков не росло в их теплой долине. Но один из слуг сказал, что это первый полевой цветочек, распускающийся в начале весны, и что растет он там, где подолгу и часто лежит на полях глубокий снег.

Да, это был подснежник, занесенный сюда с поля битвы, где покоился маленький, безвременно погибший певец.

Давно уже покоится он в огромной общей могиле, но до сих пор еще не заглохла, жива о нем память.

— Ему одному обязаны мы своею победой, — говорили о нем участвовавшие в битве рыцари.

Много десятков и сотен лет прошло с тех

пор, много сменилось владельцев у старого дома: бывало там и грустно, и весело; жили в нем и счастливые, и несчастные люди, но все они знали историю хромого мальчика-певца, — владельца этого дома, а многие из них слышали и стук его костылей на террасе. Особенно часто слышат этот стук обитатели дома весной, когда в чаще густого сада, заливаясь, поет соловей.

Много погребальных дрог направляется по «тропинке смерти» мимо старого дома, и каждый возница всегда приостановит здесь лошадей и сорвет для покойника ветку в саду истинного бретонца.

Так память о нем и до сих пор цветет в пес-

нях и преданиях Бретани.

Да, сквозь темные тучи лучи солнца прорывались даже и в то смутное время.

ВЕТКА ГИАЦИНТА

На южном склоне Аррейских гор, на одной из их отлогих вершин, стоял когда-то старый, очень старый замок. К одной из его стен давно уже пристроен новый дом, а уцелевшая еще часть полуразрушенной башни чуть ли не превратилась в амбар для хранения овощей и яблок запасливого крестьянина-огородника. Все старое пошло теперь на новое дело. Да так по настоящему-то оно и должно быть на свете!

Но в те времена, о которых мы говорим, возвышался на этом месте настоящий рыцарский замок, а в замке жил бретонский рыцарь со своею молодой женой. Разумеется, рыцарь редко бывал дома, — не стал бы он бабиться в своем замке, и немало совершал он всяких походов, немало бился и на родине, и в разных чуждых землях, состязался на турнирах при разных королевских дворах. Много разных дел бывало в те времена у каждого рыцаря.

А пока рыцарь бился да разъезжал по турнирам, жена его сидела у узкого окна своей

спальни и смотрела на высокие горы. Только и видно было ей, что эти вытягивающиеся одна за другой, одна над другой вырастающие зеленые Аррейские горы.

Но вот, родилась у жены рыцаря дочь.

То-то была радость в замке. Бросил рыцарь поход в ожидании этого события и поспешил вернуться домой. Сам архиепископ приглашен был на крестины, а уж гостей-то наехало, — видимо-невидимо! Ну, словом, как говорится, готовился пир на весь мир!

В замковом зале пылал саженный огонь; на столах красовались жареные бараны, телята, чуть ли не целые быки; бочки с вином, пивом и медом стояли на подставках, а некоторые из них были так велики, — чуть ли не с любой крестьянский дом, что под ними рухнули бы всякие подставки, а потому они стояли прямо на полу.

Гости сидели за столами, пили, ели, веселились, а труверы и певцы сказывали и пели им о былых битвах, состязаниях и победах, прославляли рыцаря — хозяина замка, его жену, разодетую в шелк и бархат и сидевшую тут же на пиру, хотя еще и слаба была она по-

сле болезни, прославляли и маленькую, только что родившуюся дочь рыцаря.

Назвали ее Гиацинтой, — была тогда ранняя весна, и гиацинты цвели повсюду в великом множестве.

Годы шли себе да шли. По-прежнему уезжал и возвращался рыцарь, возвращался и снова уезжал; по-прежнему тихо сидела его жена у узкого окна своей спальни и смотрела на горы.

Росла и развивалась дочь их Гиацинта, но мало походила она на цветок, хотя и была хороша лицом, как ангел: нрав имела она такой необузданный и дикий, что приводила в удивление людей даже в те времена: скакала она верхом не хуже своего отца, всегда первая была на охоте и владела копьем и мечом лучше любого рыцаря.

Обожал ее отец и об одном только жалел, — что не родилась она мальчиком, а то прославил бы она род свой неслыханными подвигами.

Так время шло да шло, и стала Гиацинта взрослой девушкой, но нрав ее при этом несколько не смягчился.

Целых три года провел рыцарь в чужих краях и, наконец, вернулся домой с богатой добычей: бился он в Испании с сарацинами, и много всякого добра привез он оттуда. Привез он с собою и юношу с черными курчавыми волосами, пламенным взором и мужественным лицом. Юноша был родом испанец, но в детстве украли его сарацины, и теперь, когда отбил его у них рыцарь, — сам не знал он, где искать ему своих родных, а потому добровольно последовал за своим освободителем.

— Не было у тебя оруженосца, Гиацинта, и вот, я привез тебе его, — он тебе совсем под стать, — сказал рыцарь дочери, указывая на юношу.

— На что мне твой оруженосец? Лучше привез бы ты мне сарацинский ятаган да дамасский кинжал, — отвечала девушка.

— Ну, и за этим дело не станет: довольно привез я тебе всякого добра.

Поступил юноша в оруженосцы к Гиацинте, — всюду следовал он за молодой девушкой, нося ее оружие и следя за нею пламенным взором.

Понемногу привыкла Гиацинта к своему

оруженосцу, а потом и полюбила его, — полюбила всею силою своей дикой и необузданной души и не могла скрыть этого. И сам юноша был столь же дик и необуздан и с такою же страстью любил Гиацинту.

И стала вдруг Гиацинта такой тихой и смиренной, — словно прирученная птичка: забывла она охоту и все свои воинственные забавы, и целыми днями сидела со своим оруженосцем, не спуская с него глаз. Рыцаря опять не было дома, но видела это мать девушки, замечали слуги замка, и все со страхом ждали возвращения отца. И вот, вернулся он вдруг неожиданно ночью и тут же случайно подслушал пламенные речи юноши и своей дочери.

Никому не сказал он ни слова и только позвал к себе своих верных пажей и телохранителей и тихо отдал им какое-то приказание.

Наутро позвал он к себе дочь свою и сказал ей:

— Просватал я тебя за старого графа Тулузского. Храбр и отважен он, хотя и немолод, и будет он тебе под стать по привычкам и вкусам.

Побледнела, как смерть, Гиацинта, но, гордо выпрямившись, сказала:

— Нет, отец, не бывать мне графиней Тулузской.

— Почему же не бывать тебе графиней Тулузской? Или, быть может, выбрала ты уже себе мужа по сердцу из храбрых рыцарей, приезжавших в наш замок? Хотя, правду сказать, и не пристало девушкам самим выбирать себе женихов, — дело это их отца и матери, но назови своего избранника, — может статься, и я найду возможным сделать тебе угодное, хотя рыцарское слово мое и дано уже графу Тулузскому.

— Люблю я Карлоса, моего оруженосца, — отвечала она, — ему поклялась я в верности, и ничьей женой не буду я, если не отдашь ты меня за него.

— Позови же его сюда и спроси при мне, согласен ли он взять тебя за себя. Сдается мне, что, сколько ни ищи, не найдешь ты его в этом замке. Этот нам не помеха! Нынче осенью приедет сюда граф Тулузский, и, не теряя времени, тогда же сыграем мы свадьбу.

Побледнела Гиацинта и бросилась искать

своего оруженосца, но так и не нашла его нигде, сколько ни искала. Наконец, верная собака его выдала ей тайну: не умолкая, выла она во рву замка, охраняя тело своего господина, и на вой ее пришла туда Гиацинта, — с раздробленным черепом, без дыханья лежал там ее милый. Стала было она приводить его в чувство, обмывать его раны, но мертвого не вернешь уже к жизни!

Зарыли тело оруженосца слуги Гиацинты у самой ограды парка; посадила она иву на его могиле и так обильно поливала ее слезами, что вскоре разрослась она в большое развесистое дерево.

Весна и лето, осень и зима сменяли друг друга обычной чередой, и вот, снова настала весна, а вместе с нею вернулись в замок радость и веселье: снова готовился в замке пир на весь мир. В замковом зале пылало саженное пламя, на столах приготовлены были жареные бараны, телята и чуть ли не целые быки; целые бочки с вином, медом и вином стояли на подставках, а те, что были величиной с любой крестьянский дом, стояли прямо на полу. Гости пили, ели, веселились. Но не кре-

стины праздновали на этот раз в замке, а праздновали свадьбу Гиацинты с графом Тулузским.

Настоял-таки на своем рыцарь, да только на радость ли ему это? Невеста сидела, разодетая в шелка и бархаты, вся сияла драгоценными камнями, но была бледна, как смерть; жених сидел в полном рыцарском вооружении и был красен, как молодое вино. Не смотрела на него Гиацинта, — не спускала она глаз с неба, усеянного звездами; жених же только и смотрел, что на свою невесту.

Кончился наконец свадебный пир. На завтра назначены венчание и отъезд молодых: очень спешил граф Тулузский домой, в свой замок.

Вот наступила и ночь, — последняя ночь, которую проводила Гиацинта в родном своем замке. Щемила ей сердце тоска, не могла она заснуть, и, пользуясь тем, что весь замок погружен был в глубокий сон, вышла она в парк, а оттуда за ограду, и села на могиле своего оруженосца. Долго сидела она тут, — не хотелось ей возвращаться в свою башню. В воздухе было тихо, и мягкий лунный свет оза-

рял могилу, и, казалось, даже ива подняла свои ветви, стремясь к небу.

Подняла и Гиацинта взор свой к этой темной синеве, и показалось ей, будто какой-то прозрачный светлый образ спускается к ней с высоты.

Узнала в нем она своего оруженосца и, протянув к нему руки, стремилась обнять его. Но видение было слишком воздушно и прозрачно для того, чтобы рука смертного могла ощутить прикосновение к нему.

Прозрачный образ, казалось, уже снова готов был подняться в свою темно-синюю высь.

— Не улетай без меня, возьми меня с собою! — умоляла его Гиацинта, простирая к нему руки.

Протянул к ней руку светлый призрак, и почувствовала Гиацинта, что она как будто отделяется от земли и поднимается на воздух, все выше и выше. Вот уже летит она выше облаков, которые, казалось ей, проносились где-то там, далеко внизу. Пролетала она под светлыми звездами, и они словно становились все больше и больше, разгорались все ярче и ярче. Переживала Гиацинта чудные мгнове-

ния, но все же какая-то тоска щемила ее сердце, — сладко, томительно сладко было ей и вместе с тем так страшно больно.

— Пора вернуться на землю, — тихо шепнул ей призрак.

— Нет, нет! Еще минутку! — молила она, прижимаясь к нему.

— Пора! Время здесь не имеет значения.

— Нет, нет! Еще минутку, еще одну секунду! — умоляла она.

Наконец, спустились они на землю. Нежно поцеловал Гиацинту призрак и растаял в прозрачном воздухе чуть забелевшего утра.

Вернулась Гиацинта в свою башню и увидилась, — было там темно и пусто; в полном упадке и запустении стояли ее мрачные своды, и только выбежавшие на шум ее шагов мыши со страхом бросились в стороны и попрятались в камнях обвалившихся стен.

Страшно стало Гиацинте, и поскорее вышла она из башни.

Хотела было она пройти в главную часть замка, но и ее уже не существовало: уцелели только две стены, по которым вился дикий плющ.

Бродила по развалинам старуха, набирая

на заре каких-то трав. Обратилась к ней Гиацинта с расспросами, но та не поняла ее и только очень испугалась.

Вышла девушка на дорогу и пошла по направлению к горам, но ничего не узнавала она тут: все было здесь новое, — и дороги, и места, и люди, и говор.

Увидала она, наконец, церковь и пошла к ней. У церковных дверей на пороге встретила она незнакомого священника в странной одежде и, с удивлением глядя на него, стала рассказывать ему, как в прошлую ночь на одну минуту поднялась она к небу, провела там всего лишь три мгновенья, и за эти три мгновенья все изменилось здесь, на земле, — не нашла она ни своих близких, ни своего родного замка: все было уже здесь другое и чужое.

С трудом понял ее кюре новой церкви и сказал ей:

— В эти три мгновенья твоего полета протекло триста лет человеческой жизни. История твоя записана в хрониках замка, и там сказано, что исчезла ты в ночь перед свадьбой, и нигде не могли отыскать тебя. Пой-

дем, помолимся вместе, чтобы Господь умило-сердился над тобою и послал тебе успокоение.

«Верно, думает кюре, что я чья-то блуждающая по замку душа», — сказала себе Гиацинта и ушла из храма.

Опять прошла она за ограду своего парка. Здесь все носило следы разрушения человеческих построек и созиданий и признаки обновления бессмертной природы.

Отыскала она у ограды песчаный холмик, — могилу своего оруженосца, тихо склонилась над ней... и сердце ее перестало биться.

Между тем, видя, что странная женщина возвращается в разрушенный замок, кюре поспешил за нею, но нигде не нашел ее. Только на песчаном холмике у самой ограды лежала засохшая ветка гиацинта.

СТАРЫЙ ДЕД (Tadic-Coz)

В одной из самых цветущих долин Бретани стоял да, вероятно, стоит и поныне старинный бретонский домик с необыкновенно высокой башней, прилепленной к нему сбоку как-то совершенно неуклюже и странно. Зато с башни этой можно видеть на много-много миль кругом и горы, и поля, и пашни, — вплоть до самого моря.

На дворе домика разрослись липы, тисы и платаны, разрослись так густо, что скрыли в своей чаще все окна домика. За домом стоит еще большая зеленая чаща старого заглохшего парка, полного всякой Божьей твари, — и птиц, и кроликов, и диких коз, — просто на удивление!

— Звериное тут царство, — говорят окрестные жители.

— А разве у вас не охотятся на этих зверей? — спросили мы одного из местных старожил.

Сначала он нас совсем даже не понял, а по-

том, засмеявшись, сказал, что, по всей вероятности, во всем околотке, миль на десять кругом, не найдется такого смельчака, который полез бы в парк старого Тадик-Коца[22] с таким намерением.

— Был, говорят, лет шестьдесят-семьдесят тому назад, такой тут браконьер, который никогда ничего и никого не боялся. И точно: влез он однажды в этот парк, — да больше никто его и не видал, — так он и сгинул. Лет через десять после этого случая шла моя мать ночью мимо этого парка, — ходить тут никто не боится. Была, знаете, она портнихой и ходила шить поденно по фермам. Ну, вот, раз запоздала она с работой в одном месте и спешила в другое. Вышла она с фермы после ужина. Ночь была ясная, лунная, и дошла она до дедушкина дома так около полуночи. Тут встретился ей какой-то старик; поздоровались они и пошли вместе. Только что поравнялись они с парком, как услышала моя мать страшный собачий лай и человеческие крики. Испугалась мать, а старик взял ее за руку, отвел в сторону от дороги и, усадив за большим камнем, сам стал перед ней, словно заслоняя ее.

Ну, а она все-таки через его плечи видела, что происходит на дороге. Увидала она, что мчится из парка человек с ружьем, а за ним гонится целая стая страшных собак. Промчались они мимо того места, где сидела моя мать, и еще долго слышала она человеческие крики и лай собак.

— Дедушка, попытаемся отбить этого человека от собак, — обратилась моя мать к старику, — а то ведь разорвут они его.

— Десять лет тому назад уже разорвали они его, — отвечал ей старик, — наказал тогда Господь Гюллермика, (было то имя браконьера), не щадившего Божьей твари, и вот, и до сих пор он все еще не успокоился в могиле. Помолись за него хорошенько в будущее воскресенье да не разгуливай в полночь по дорогам. Прощай!

Не успел он вымолвить этих слов, как исчез, словно растаял в воздухе.

— Кто же это был?

— Как кто? Разумеется, Тадик-Коц. Жил он в этом доме лет двести тому назад, а может статься, и раньше, может статься, и позднее, — кто их считал, — года-то! Старый-пре-

старый был он старик, — говорят, не одну сотню лет прожил он на свете. Отец его был славный рыцарь и не раз ходил биться с неверными за освобождение Гроба Господня. Жил он в огромном замке у порта Аббе, ну, уж от него нынче и следов-то никаких не осталось. Сын его, наш Тадик-Коц, там и родился в ту самую ночь, когда в первый раз появилась на небе звезда с длинным хвостом. Жил, говорят, тогда в их замке ученый, ходивший в черной мантии и с остроконечной шапочкой на голове. Сейчас же, как только родился ребенок, пошел он на высокую башню наблюдать звезды и затем по тогдашней моде составил для ребенка гороскоп, запечатал его семью печатями, положил в драгоценный ящичек и отдал отцу ребенка, наказав показать его мальчику, когда ему в первый раз надедут золотые шпоры.

Ну, хорошо! Вот, время шло да шло, а шпор-то он и не дождался, хотя и прожил на свете не одну сотню лет. Был он, что называется, увальнем и сиднем и целыми днями не сходил с места, уткнувши нос в какие-то книги, которых на беду навез его отец великое

множество с другой добычей из разных земель. Попался ему, уже много-много лет спустя, ящичек с гороскопом, взломал он все семь печатей, прочитал, что было там написано, да так и покатился со смеху: пророчил ему ученый муж и рыцарскую доблесть, и множество походов, и раннюю смерть. Однако, посмеявшись, стал он раздумывать о том, не поехать ли ему и в самом деле свет посмотреть. Мало ли, долго ли раздумывал он, однако в конце концов все-таки решился ехать: родителей его давно не было в живых, и был он один-одинешенек. Ну, вот, в один прекрасный день, сел он на коня да и был таков, — только его и видели в порту Аббе.

Лет через пятьдесят появился он в нашей местности, — выстроил себе домик и высокую башню в память ученого, что гороскоп ему по звездам сочинил, и стал здесь жить.

С первого же дня повалил к нему народ со всякой своей нуждой, и к каждому выходил он, и каждому делал что мог, — кого учил, кого лечил, кому помогал, и каждому говорил, улыбаясь: «Ведь, я — твой Тадик-Коц», т. е. дедушка. Ну и стали у нас его звать этим име-

нем. Никогда не оставался он один в своем домике. Все любили его у нас, а уж о детях и говорить нечего: со всего околотка, миль на пять, сбегались они к нему послушать и порасспросить его обо всем на свете. «Чего-чего только не знает наш дедушка!» — уверяли они. Вечно был он окружен малышами да еще всякой тварью земной: собаками, кошками, козами, птицами...

И, странное дело! Все эти «Божьи звери», как звал он их, жили между собой в большой дружбе и полном согласии: собаки не гонялись за кроликами, кошки не ловили птиц, дети не лазали по деревьям, не разоряли гнезд, не мучили бабочек. Тадик-Коц сидел на крыльце своего дома или на своей высокой башне и смотрел на все, что происходило кругом, и ничто не укрывалось от его глаза.

Понимал дедушка и птичий, и звериный язык, — так, по крайней мере, все думали. Раз вечером сидел он на крыльце, а около него лежала собака. Шел по дороге человек, — видимо, издалека; шел он усталый, — едва ноги волочил. Стал зазывать его дедушка отдохнуть и переночевать у него в доме.

— Не могу, добрый человек, — отвечал прохожий. — Спешу я на ферму База, — там, говорят, нужен работник, а я давно уж без дела, и семья моя голодает.

Пока говорили они — собака-то и залаяла.

— Ну, — говорит Тадик-Коц, — хочешь, не хочешь, а придется тебе здесь остаться: собака не велит тебе ходить дальше, — слышишь, говорит: «Не ходи, — беда будет».

Засмеялся человек и пошел. Ну, не прошло и часа, как бегут дети и кричат: «Дедушка, на дороге человек лежит». Пошел Тадик-Коц на дорогу, — видит, лежит на дороге тот человек, что в работники шел наниматься. Подняли его, принесли в дом, уложили. Отдохнул он, оправился и на другой день был совсем здоров. Только так и не попал он на ферму База: в ту же ночь она сгорела со всеми своими обитателями, — никто не спасся!

В другой раз гнал сосед пару быков на ярмарку, продавать. У самого дедушкина дома быки заупрямились и замычали.

И сказал тогда дедушка соседу:

— Поворачивай назад, — быки говорят, что осталось тебе жить на свете всего лишь два

часа, и что первая их работа будет — везти тебя на кладбище.

Послушался сосед, повернул назад распоряжения делать. Тадик-Коц послал за кюре.

Едва успели обрядить человека: ровно через два часа сосед скончался.

Хорошо, что понимал Тадик-Коц звериный язык.

Жил дедушка долго, — так долго, что мальчишки, что бегали когда-то по его саду, сами же дедушками стали, а он все жил себе да жил по-прежнему. Ну вот, разнесся слух, что опять звезда с хвостом должна появиться. Стал народ о ней толковать, — светопредставления ждать, а Тадик-Коц разъяснял все, учил да не велел бояться.

Много, вообще, рассказывал дедушка обо всем на свете, но особенно любил он говорить о старых временах да о звезде с хвостом. Слушая его, как будто люди сами все переживали. Правда, и в те времена было много дурного и ужасного, но много было также и заманчиво-прекрасного.

Ласточки улетели, улетел и аист с крыши дедушкина дома, но весной они все верну-

лись назад; потом опять улетели и снова прилетели, а звезды с огненным хвостом все еще не было.

Но вот, в один ясный осенний вечер сидел Тадик-Коц на своей высокой башне, и вдруг прибежали к нему дети:

— Дедушка, смотри, смотри: звезда с хвостом!

В первый раз в жизни ничего не ответил им дедушка: лежал он неподвижно на своей узкой постели, между тем как душа его в объятиях ангела Смерти пролетала в эту минуту мимо блестящей кометы.

На похороны дедушки собрались люди со всех концов Бретани. Сам он лежал в гробу и тихо улыбался, точно вспоминая гороскоп ученого, предрекавший ему совсем не ту судьбу, что досталась ему на долю.

Да и может ли гороскоп направлять волю Господню?!

Ясное осеннее утро выдалось в день похорон Тадик-Коца. Никогда не поют так весною птицы, как пели они в тот день, носясь в вышине и провожая гроб дедушки; собаки же шли молча за погребальными дрогами, а дети

уверяли, что по опушке леса прокрадывались следом за гробом и кролики, и зайцы.

Торжественный был это день для всего околотка: все любили дедушку — Тадик-Коца, но никто не плакал на его могиле: сердца всех возносились вместе с колокольным звоном и пением птиц высоко-высоко к небу, к престолу Всевышнего, куда вознеслась и смиренная, кроткая душа дедушки.

Память о нем жива и поныне.

ГОЛУБОЙ ЦВЕТOK НАДЕЖДЫ [23]

На берегу моря, у порта С.-Мишель стоял в старину замок. Сохранились ли от него теперь хоть какие-либо следы, нам неизвестно. Да и не в этом дело!

В то время, о котором идет наш рассказ, в замке жил один старый рыцарь со своею единственною дочерью. Жена рыцаря давно уже умерла, и пришлось ему навсегда проститься с битвами, войнами и всеми рыцарскими удовольствиями и запереться в своем замке со своею маленькою Анжеликою. Девочка росла красавицей, умницей, а уж какая была она набожная, какая начитанная в Священном Писании, — и сказать нельзя!

Втайне, чтобы не огорчать отца, дала она обет не выходить замуж и посвятить себя служению Богу.

Время шло, — отец Анжелики превратился в старика, да и сама она стала уже совсем взрослой невестой, и в замке их толпилось видимо-невидимо разных рыцарей, баронов

и графов, искавших руки молодой девушки.

Позвал ее наконец к себе отец и сказал ей:

— Стар становлюсь я, Анжелика, и немного осталось уж мне жить на свете. На кого покину я тебя и моих людей? Нужен вам всем надежный покровитель. Выбери же себе мужа из доблестных рыцарей, приезжающих сюда свататься к тебе. Выйдешь ты замуж, и я могу тогда умереть спокойно.

Долго не соглашалась Анжелика, долго убеждала отца, что замужество для нее ненавистно и что она всю жизнь свою хочет прожить не замужем, но старик все стоял на своем. И тогда сказала она ему:

— Хорошо, согласна я выйти замуж, но только за того, кто привезет мне из Греции голубой цветок надежды. Читала я в одной книге, что в Афинах растет этот никогда не увядающий цветок, и что сорвать его может только истинно верующий в благость Господню. Если какой-нибудь рыцарь или иной какой человек привезет мне этот цветок, охотно выйду я за него замуж, охотно вверю я ему и свою судьбу, и судьбу наших людей, и брак с ним будет для меня поистине благословени-

ем Божиим.

Рассердился старый рыцарь на свою дочь за такие ее слова и отвечал ей с гневом:

— Неужели думаешь ты, что у доблестных рыцарей и всех иных людей только и дела, что гоняться для тебя за каким-то никогда невиданным и неслыханным цветком? И без тебя немало на свете прекрасных и благоразумных невест, которые охотно выйдут замуж, согласно воле родителей и безо всяких условий. Вот умру я, и завладеет тобою и нашим замком какой-нибудь морской разбойник, и станешь сама искать тогда ты покровителя, да будет уж поздно. В лучшем же случае владения мои достанутся французскому королю, и он отошлет тебя в какой-нибудь монастырь.

— Если когда-нибудь и случится это, то на то была, значит, воля Господня: ни один волос не падет с головы человека без Его повеления.

Так и не добился своего старый рыцарь.

Услыхал этот спор один юный рыцарь, целый год уже живший в замке из любви к Анжелике, и сказал он ее отцу:

— Я принимаю условие прекрасной Анжелики. Да продлит Господь вашу жизнь на долгие и долгие годы! Очень прошу я вас не неволить ее замужеством до моего возвращения. Я же сам завтра же уеду в Грецию за голубым цветком надежды и, если не вернусь через три года и три дня, — считайте меня погибшим и выбирайте ей другого мужа. Больше ждать меня я не прошу, — согласен я с вами, что было бы неблагоразумно долго оставлять без законного покровителя вашу дочь, а ваши владения — без законного господина.

Обнял рыцарь юношу и обещал ему не неволить Анжелики замужеством и ждать его возвращения через три весны на четвертую.

На том они и расстались.

Со слезами провожала Анжелика юношу: охотно выбрала бы она его своим покровителем и безо всякого условия, если бы не дала она обета посвятить себя служению Богу.

Рыцарь был и прекрасен, и молод, был он благочестив и отважен, и сильно любил он Анжелику, а потому, не задумываясь, пустился он на поиски голубого цветка надежды, что

дается в руки лишь истинно верующему в благодать Господню.

Выехал он на заре и сам не знал, куда направить ему свой путь. Но вот, увидел он на чуть светлевшем утреннем небе необыкновенно яркую и крупную, никогда еще не виданную им звезду, и на нее повернул своего коня, и поехал прямо на восток.

Долго ли, коротко ли ехал он, и какие были с ним на этом длинном пути приключения, — мы не знаем: не любил юный рыцарь проливать крови ближнего, был он милосерд и кромок, добр и не заносчив, и думаем мы, что не случилось с ним путем-дорогою ничего недоброго, никакой неприятной встречи, хотя, с другой стороны, и мудрено предполагать это в то смутное время.

Одно только верно, — цел и невредим доехал он до цели своего путешествия. Перед самым въездом в прекрасный город Афины встретил он молодую девушку, несшую огромный кувшин, полный воды. Попросил он у нее напиться, и охотно подала она воды рыцарю. Напившись, спросил ее рыцарь, не знает ли она, где цветет голубой цветок на-

дежды.

— Знаю. Цветет он в развалинах Акрополя. Иди прямо туда: там, между поверженными в прах колоннами, у полуразрушенной стены, возвышается большое дерево, похожее на лавр, — на нем цветет голубой цветок надежды.

Поблагодарил ее юноша и поехал к развалинам Акрополя. Но сколько ни бродил он там среди поверженных в прах колонн, нигде не нашел он ни той стены, ни лавра, ни голубого цветка надежды.

Вышел юноша на дорогу и встретил старуху, — тащила она за собою обломок колонны из священных развалин, чтобы подпереть колоду для корма свиней.

И спросил ее рыцарь, где искать ему голубой цветок надежды.

— Уж конечно, не у нас здесь, в этих старых развалинах, а в новом городе у богатых мусульман.

Поблагодарил ее юноша и поехал в новую часть города. Там в богатых садах пышно цвели всевозможные цветы юга, и целые леса оливковых деревьев осеняли новые дворцы с

расписанными золотом стенами, — всюду курился фимиам, всюду били в глаза восточная пестрота и роскошь. Но не нашел здесь юноша голубого цветка надежды.

Встретил он здесь такого же юношу, как и он сам, но юношу в пышной восточной одежде, и спросил его, не знает ли он, где растет этот редкий голубой цветок.

— Растет он в саду гяура, за Пропилеями, — отвечал ему юноша, презрительно улыбаясь.

Поблагодарил его рыцарь и поехал дальше.

Въехал он в узкую улицу, где стоял старый дом, бывший некогда храмом. Жили здесь молодые патриоты, и собирались они в этом доме на свои совещания, мечтая освободить несчастную свою родину. Надежда цвела в их сердцах, но в садике, при доме, полном душистых роз, не было ее чудесного голубого цветка, как ни искал его рыцарь.

— Не ищи ты его, — говорили ему молодые граждане великого города, — нигде не цветет он, — нигде, кроме наших сердец.

— Сходи, пожалуй, за ним во дворец наместника, — смеясь, сказал ему один из

них, — там принимают иногда гяуров-франков.

Поблагодарил его юноша и пошел во дворец наместника.

Вошел он в ворота и прошел по великолепному двору мимо мраморного бассейна, куда бежала вода из пасти страшного дракона. Здесь на дворе в изобилии цвели пышные розы, но голубого цветка надежды не видал он между ними. Наконец, вступил он и в роскошный дворец. Все стены и потолки его испещрены были надписями из Корана; раздетые рабы ходили взад и вперед по великолепному залу; некоторые из них лениво валялись на шелковых диванах.

Сказал им юноша, зачем он пришел. Доложили они наместнику и повели его по мраморной лестнице, устланной коврами; по обеим сторонам ее стояли высокие золоченые курильницы, и облака фимиама, вырываясь из них, разносились по всему дворцу; шел он целой анфиладой роскошных покоев с блестящими мозаичными полами. Старый наместник ласково принял юношу и, выслушав его вопрос, сказал ему, что никогда не слыхивал

он об этом цветке, но что если только он существует на свете, то через месяц будет у него в саду, и тогда он охотно даст ему ветку этого растения.

Поблагодарил юноша наместника и ушел из его дворца.

У ворот встретился ему оборванный нищий. Хотел было пройти мимо него рыцарь, да вспомнил, что нищие бродят повсюду и могут знать то, чего не знают более щедро наделенные судьбою люди, а потому остановил его и спросил о голубом цветке надежды.

— Иди на край города, — сказал ему нищий, — там в разрушенном здании старых бань устроен трактир, куда собираются все убогие, нищие и все, кому не повезло в жизни, — никто не гоняется так, как они, за голубым цветком надежды. Поди и спроси их.

Поблагодарил юноша и пошел. Скоро отыскал он развалины бань. В уцелевшей еще части здания, под глубокими сводами, словно в пещере, уютился трактир. Было здесь весело, шумно и пьяно.

Подошел юноша к самой веселой группе и спросил о голубом цветке надежды.

Никогда не слыхивали о нем нищие.

— Да и на что он людям? Есть монета в дырявом кармане, — пей, ешь, веселись на славу! Нет ее, — голодай, терпи жажду, скучай. Стоит ли гоняться за обманчивым голубым цветком!? Пускай лучше сама жизнь несет меня, куда хочет, на своих крыльях! — так сказал юноше самый старший из них.

— Теперь у нас есть деньги, — садись с нами, ешь, пей и веселись! — приглашали они его.

Отошел от них юноша, и надежда найти голубой цветок вдруг погасла в его сердце. Тихий и угрюмый, просидел он весь этот день под сенью лимонных деревьев, и тяжелая тоска все больше и больше щемила его душу.

На другое утро уехал он из Афин. Но не в Бретань направил он свой путь, — без голубого цветка надежды не мог он вернуться к Анжелике, а потому поехал он в ближайший монастырь.

Подъехав к ограде, сошел он с коня и при торжественном звоне колоколов вступил в ярко освещенный храм. Стал он молиться и вдруг — прозрел. Наконец-то увидал он неувядающий голубой цветок надежды! Пышно цвел он на высоком кресте распятия. Понял тогда юноша, что цветет этот цветок лишь для тех, кто стремится душой из этой земной юдоли плача и страданий в обитель вечной жизни.

— Это цветок вечности, и недоступен он никому из смертных.

Остался рыцарь в монастыре и, стоя у открытого окна своей маленькой кельи, окинул взором древние Афины, разрушенные храмы, величественный, но мертвый Акрополь, — всю эту древнюю могучую жизнь, от которой не осталось ничего, кроме развалин, и мир окончательно водворился в его душе.

Но недолго прожил здесь юный рыцарь.

Тихо гас он без всякой болезни и, наконец, на четвертую весну, когда истекал срок его возвращения, сошел он в могилу. Зарыли его в землю, привезенную из Иерусалима, а на могиле его посадила братия великолепные голубые орхидеи.

Ждал старый рыцарь юношу, да так и не дождался. Не дождалась его и Анжелика, хотя часто стояла она на плоской крыше своей башни и смотрела вдаль. После смерти отца основала она в своем замке монастырь, и сама вошла в него первою сестрой-монахиней.

Прошли целые столетия. По-прежнему стоял здесь женский монастырь, но здание стало очень ветхо, и решено было снести его. Стали ломать стены монастырской часовни, подняли камень, под которым была похоронена первая настоятельница этого монастыря, сестра Анжелика, и вошли в ее склеп. Каменная гробница ее стояла в нетронутom виде, — только обросла она мхом, посреди которого цвел небольшой голубой цветок на длинном стебле.

Пропели сестры «De profundis» и потребовали, чтобы снова заложили склеп. Построй-

ка была приостановлена, и что случилось с тех пор с монастырем — неизвестно. Однако, не мог он исчезнуть бесследно, остался от него, по крайней мере, хоть один камень, называемый воспоминанием, иначе не было бы и нашей истории.

Об авторе

Е. Вячеславовна

Екатерина Вячеславовна Балобанова родилась в 1847 г. в дворянской семье Нижегородской губернии. Воспитывалась в нижегородском Мариинском институте благородных девиц (1857-62); часто гостила у родни во Франции, в Бретани. Во второй половине 1860-х гг. Балобанова обучалась в Сорбонне на отделении кельтских языков, но смогла закончить курс в связи с франко-прусской войной и событиями Парижской коммуны и перешла вольнослушательницей в кельтский отдел Гейдельбергского университета.

Несмотря на протесты брата, дававшего ей средства к существованию, поступила затем на библиотечные курсы Геттингенского университета, которые закончила по двум отделениям: теоретического и практического библиотековедения. Вскоре по возвращении в Россию Екатерина Балобанова поступила на историко-филологическое отделение только что открывшихся высших женских (Бестужевских) курсов, занималась в семинаре А. Н. Веселовского и окончила курс в 1882 г. (I выпуск). Главным предметом ее занятий (еще с Сорбонны) был западноевропейский эпос, и в особенности — *Оссиановские поэмы* Дж. Макферсона; главным итогом — их издание в собственном переводе на русский язык, с исследованием и примечаниями (1891). Кроме того, по результатам собственных исторических разысканий, а также сбора фольклорных материалов во время неоднократных путешествий по Германии, Франции, Испании, Шотландии, Скандинавии, Балобанова написала целый ряд историко-литературных и популярных статей и книг: *Рейнские легенды* (1897), *Две судьбы: Герцогиня Рената Феррар-*

ская и Муза Италии Олимпия Мората (1899), Кельтские повести (1897), Маленькие шотландские патриоты (1903) и др. За работу по Оссиану была удостоена Кельто-ирландским обществом Оссиановским золотым жетоном «Honoris causa».

С 1882 г. Е. Балобанова работала библиотекарем Бестужевских курсов, составила каталог библиотеки (1908–1909) и пособие *Библиотечное дело* (1901).

Балобанова жила одиноко, собственной семьи не имела. Ее семьей были Бестужевские курсы; она была членом Общества для доставления средств, вела активную работу в Обществе вспоможения окончившим ВЖК. Была связана многолетней дружбой со своей однокурсницей О. М. Петерсон, вместе с которой занималась исследованиями средневекового эпоса и романа и совершала летние, в основном пешие, путешествия по Европе; также помогла О. М. Петерсон организовать частную женскую гимназию и сама вела в ней уроки.

Приняв библиотеку, уместившуюся в 2–3 шкафах, в 1918 г. Балобанова передала Петроградскому университету 100-тысячное книж-

ное собрание, при котором до 1924 г. продолжала работать младшим библиотекарем. Покинула библиотеку одряхлевшей и практически ослепшей, пенсии не получала, перебивалась частными уроками и скончалась в неизвестности 7 февраля 1927 г.

Книга *Легенды о старинных замках Бретани* публикуется по первому изданию (СПб.: С.-Петербургская Губернская тип., 1896). Орфография и пунктуация приближены к современным нормам; в отдельных случаях заменены некоторые устаревшие обороты. Иллюстрации Е. Лансере взяты из второго издания (СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1899). На фронтисписе воспроизведена обложка второго издания.

Примечания

A. le Braz. «La légende de la Mort en Basse-Bretagne». Paris, 1893.

[^^^]

Журн. мин. н. пр. Февр. 1894, стр. 427.

[^^^]

Журн. мин. нар. просв., февр. 1894, стр. 428.

[^^^]

Ло-Крист.

[^^^]

Сросшиеся деревья.

[^^^]

6

«Прощай, мама!» (фр.). (Прим. ред.).

[^^^]

«Из глубины» (*лат.*). Первые слова Пс. 129/130
в лат. версии (*Прим. ред.*).

[^^^]

La légende de la Mort en Basse-Bretagne. Paris, 1893, p. 253.

[^^^]

Между утесами св. Гильды и семью островами.

[^^^]

Множество самых разнообразных преданий ходит, рассказывается и записывается о городе Ис и его жителях. Мы передаем то, что записано нами лично.

[^^^]

March — КОНЬ.

[^^^]

12

У Бальзака в его «Enfant maudit» рассказана легенда вроде этой, но с совершенно другой мотивировкой и с другой, далеко не народной подкладкой.

[^^^]

Долина Izel-vet находится в Морлекском округе. Название это происходит от испорченного Izel-gvez, что значит буквально «Низкорослые деревья».

[^^^]

Ло-Крист — (Lochrist) — «Божье место» или «Христово место». Множество gverz или особого рода стихотворных рассказов посвящено этой часовне, множество вариантов их рассеяно по сборникам народной поэзии Нижней Бретани. Многие gverz'ы пелись и поются в народе и до настоящего времени.

[^^^]

Здесь приводится записанный мной со слов одной рассказчицы gverz, относящийся к Ло-Кристу, в подстрочном переводе, без изменений и с попыткой сохранения его трудного стиля полупрозы, полукаданса.

[^^^]

Лет девять тому назад на этом кладбище вырыли каменный саркофаг, относимый археологами ко II веку нашей эры. Но народная молва считает его гробом внука Генолэ.

[^^^]

Франциск I.

[^^^]

«Добрая удача» (фр.) (Прим. ред.).

[^^^]

Рота — род круглой арфы.

[^^^]

В Бретани белых и серых петухов не считают способными петь вовремя, пение их не считается действительным, и привидения и духи не боятся его.

[^^^]

Жители этой местности уверяют, что над морем иногда стелется красный туман и что в старые годы он предвещал всегда страшную бурю, но что теперь он обыкновенно бывает после бури в тихую погоду, даже в полное затишье. Но опытные моряки всегда считают эту «brume rouge» предвестницей сильного юго-западного ветра.

[^^^]

Tadic-Coz.

[^^^]

Предание это передавала нам одна интеллигентная монахиня, и по- французски, а не на бретонском языке, хотя сама она и была бретонка родом. Вероятно, лично ей и следует приписать тот чисто литературный характер, которым рассказ этот отличается от остальных записанных нами преданий.

[^^^]

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.